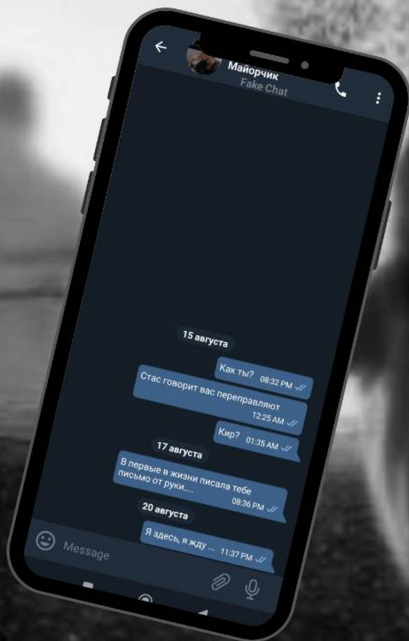

Пока ты **ЖИВ**

каждое сообщения – как доказательство, что он

ещё здесь

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВИОЛА ДЖЕКСОН

18+

Viola Jackson

Пока ты жив

<https://litres.ru/74248254>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кирилл Воронцов - кадровый офицер, уходящий на фронт.

Вера Лебедева - переводчица, пережившая развод и финансовый крах.

Их брак - юридическая формальность. Сделка без романтики, без обязательств, без будущего.

Ему нужен статус «семейного» и иллюзия тыла.

Ей - деньги и возможность начать всё заново.

Они почти не знают друг друга и не планируют становиться близкими.

Но война стирает границы между фикцией и реальностью.

Пока Кирилл проходит через ад передовой, Вера учится жить в новой роли - жены военнослужащего: очереди за гуманитарной помощью, разговоры с другими женщинами, давление общества и внезапная ответственность за чужую мать, чужую фамилию и чужую судьбу.

Их связь держится на коротких сообщениях, обрывках мыслей и страхе потерять того, кто не должен был стать важным.

«Пока ты жив» - пронзительный роман о фиктивном браке, который оказывается крепче настоящего.

О войне, которая калечит и связывает.

И о любви, возникшей там, где её не ждали - между страхом, ожиданием и надеждой.

Содержание

Идея книги и кому посвящается	5
Глава 1. Вера Лебедева	12
Глава 2. Кирилл Воронцов	34
Глава 3. Вера Лебедева	53
Глава 4. Кирилл Воронцов	74
Глава 5. Вера Лебедева	96
Глава 6. Кирилл Воронцов	118
Глава 7. Вера Лебедева	139
Глава 8. Кирилл Воронцов	157
Глава 9. Вера Лебедева	176
Глава 10. Кирилл Воронцов	195
Конец ознакомительного фрагмента.	212

Viola Jackson

Пока ты жив

Идея книги и кому посвящается

Когда я задумала эту книгу, в моей голове крутились кадры из берущего за душу сериала «Ландыши», который вышел совсем недавно (вышел в 2024 году). Та история - о любви, проросшей сквозь бетон условностей, социальных пропастей и запретов - показала главное: настоящее чувство не спрашивает разрешения. Оно просто живёт. Борется. Страдает. И побеждает. Не потому что легко, а потому что иначе не может.

Мне захотелось создать свою историю такой же нежной и такой же нестигаемой любви. Но поместить её в самый жёсткий, самый беспощадный контекст нашего времени. В эпицентр исторического шторма, который обрушился на судьбы миллионов в 2022 году. Мои герои, Кирилл и Вера, не выбирали время, в которое им выпало встретиться. Они, как и мы все, были застигнуты врасплох вихрем событий, получивших название - Специальная военная операция.

Это не политический манифест. Эта книга - взгляд сквозь замочную скважину в частную жизнь. В ту самую «маленькую историю», которую пишут не политики и полководцы, а

простые люди: офицер и переводчица. Их СВО началась не с официальных заявлений, а с сухого предложения о фиктивном браке за несколько месяцев до всего. Их линия фронта пролегла не только на картах Генштаба, но и в тишине квартиры, в нервных ожиданиях звонка, в мучительной тишине, когда связь обрывается на неделю.

Почему именно СВО как фон?

Потому что это реальность. Жестокая, неоднозначная, раскалывающая общество. Но именно в таких реальностях проверяется на прочность всё, включая человеческие сердца. Мне было важно показать не батальные сцены (хотя они есть, через восприятие Кирилла), а войну как данность. Как погоду, которая внезапно накрыла их хрупкий, деловой мир и заставила играть по новым, кровавым правилам.

Для Кирилла СВО - это его долг, его профессия, его кошмар и его смысл. Он не рассуждает о геополитике в окопе. Он думает о тепле, боеприпасах, о жизни своих ребят и о том, чтобы не подвести. И о ней. О Вере, которая из пункта «Б» в договоре превратилась в главную причину возвращаться живым.

Для Веры СВО - это тыл. Это бесконечные очереди за гуманитаркой, где она, «жена военнослужащего», должна играть свою роль, скрывая панику. Это чаты, где истерика соседствует с леденящим душу спокойствием. Это солидарность с другими жёнами, которая рождается не из идеологии, а из общего, животного страха и надежды. Её война -

это война ожидания. Самая изнурительная из всех.

Любовь вопреки

Их чувство - это ландыш, пробившийся не сквозь асфальт городских улиц, а сквозь промёрзшую, изрытую воронками землю. Оно начинается с расчёта и безразличия. Но война, эта великая и ужасная разрушительница, становится для них странной созидательной силой. В условиях, где завтра может не наступить, исчезает время на церемонии, на игры, на долгие ухаживания. Остаётся суть. Нужда друг в друге. Потребность в искренности, как в глотке воздуха.

Их переписка - нерв книги. Сухие «деньги получил» медленно обрастают бытом: «как там моя фикус, который ты залила?», «привет Цезарю», «помнишь то кафе?». В этих простых фразах - целая вселенная зарождающейся близости. Они узнают друг друга через километры и разрывы снарядов. Они ссорятся по телефону из-за ерунды, потому что это единственный способ выплеснуть накопленный ужас - не на войну, а на близкого человека. И они мирятся, потому что понимают: другой опоры просто нет.

Стыд, солидарность и новая правда

Одной из самых острых тем для меня была вина выжившего и стыд «фиктивной» жены перед теми, кто ждёт по-настоящему. Вера мучается: имеет ли она право на свой страх, если их брак начался как сделка? Имеет ли она право получать поддержку от других женщин? Этот внутренний конфликт разрешается не красиво, а по-человечески. Через

боль. Через совместное дежурство у телефонов, через молчаливое понимание в глазах другой жены, тоже сидящей в очереди в военкомат. Солидарность рождается не из одинаковости ситуаций, а из общего градуса отчаяния. И в этом плавильном котле их фикция становится настоящим многих «настоящих» чувств.

Дом как главный персонаж

Идея дома, который они строят, - это прямая метафора их отношений и их победы над хаосом. Фундамент, в который они закапывают конверт с деньгами (символ их старой, мёртвой сделки) - это ритуал перерождения. Каждый кирпич, каждая балка - это победа жизни над смертью, будущего над прошлым, любви над расчётом. Их дом под Воронежем - это не просто здание. Это крепость, построенная на руинах личных трагедий и общей беды. Это их тихий, личный ответ на грохот войны.

Эпилог как новая точка отсчёта

Их счастливый конец с пирогами, детьми, собакой и друзьями на новой террасе - это не бегство от реальности. Это завоеванный мир. Они заплатили за него сполна: потерей друзей (Андрей), травмами (и физическими у Кирилла, и душевными у Веры и Артёма), страхом, который, наверное, никогда до конца не отпустит. Но они выстояли. Их любовь оказалась не ландышем-однодневкой, а корневищем, глубоко пустившим корни в самую неплодородную почву и давшим могучий побег.

Я писала эту книгу со слезами на глазах и с верой в сердце. Верой в то, что даже в самое тёмное время, среди боли, абсурда и разлук, продолжает жить самое простое и самое сильное человеческое чувство. Оно не смотрит новости и не разбирается в тактике. Оно просто ждёт. Пишет письма, которые, может, никогда не дойдут. Строит дом для того, кто, может, никогда в него не вернётся. И верит. До последнего.

Потому что любовь - это тоже спецоперация. Самая важная. Личная. И её цель - не победить врага, а спасти своего человека из плена обстоятельств, страха и одиночества. И привести его домой.

Эта книга - о том, как два одиночества, заключив сделку, нечаянно нашли друг в друге единственное спасение. И как их «пока ты жив» стало навсегда.

Эта книга посвящена **Тем, кто ждёт.**

Тем, чьи телефоны молчат дольше положенного, и от этой тишины сжимается всё внутри.
Тем, чьи глаза выучили наизусть каждую строчку в коротких сообщениях: «Всё нормально. Связь будет позже».
Тем, кто научился различать фальшь в официальных сводках и искать правду между строк скупых слов от сослуживцев.
Тем, кто носит в себе двойной груз: свой ежедневный страх и необходимость быть опорой для других - для детей, для стариков, для таких же, как ты.

Она посвящена **Тем, кто возвращается.**

С осколками в теле и в памяти. С ночами, когда просы-

паешься от тишины, потому что она кажется громче взрыва.
С неловкостью от мирных забот, от простого вопроса «Как дела?», на который нет простого ответа.
С титаническим трудом - заново учиться жить, дышать полной грудью, позволять себе чувствовать, а не just function.
Тем, кто строит свой дом буквально и метафорически, кирпичик за кирпичиком, заливая бетоном тревогу и выравнивая стены по уровню новой, хрупкой надежды.

Эта книга посвящена **Всем нам, кто живёт в Разломе.**

Тем, чьи жизни навсегда разделены на «до» и «после». Тем, кто ищет - и находит - любовь, смысл и точку опоры не вопреки, а прямо посередине хаоса. Тем, кто понял, что мужество бывает не только в атаке. Оно - в том, чтобы каждый день вставать и делать самое обычное дело. Ждать. Верить. Прощать. Строить. Любить.

Я начала писать её в начале 2025 года, оглядываясь на совсем недавнее, но уже ставшее историей прошлое. На 2023-й, который для моих героев стал годом испытания на прочность, годом, когда фикция столкнулась с жёсткой правдой и не рассыпалась, а закалилась в ней.

Пусть эта история, рождённая отголосками реальных судеб, станет тихим напоминанием: даже когда мир сходит с ума, в самом его эпицентре продолжают цвести ландыши. Хрупкие, но упрямые. Они пахнут нежностью, которая сильнее страха. И надеждой, которую не убить.

Всем, кто нёс и несёт свой крест. Всем, кто не сло-

мался. Всем, кто нашёл своё «пока ты жив» и превратил его в «навсегда».

*С верой и бесконечным уважением,
 Автор.*

Глава 1. Вера Лебедева

Чемодан лежал на кровати разинутым ртом, и я методично кидала в его нутро куски своей прежней жизни. Колготки, свитера, книги, зарядки. Не жизнь даже - ее симулякр. Картонную декорацию, которую я два года наивно принимала за крепость. А потом она рухнула от одного неловкого сообщения на экране чужого телефона. *«Милый, она уже уехала?»*

- Вер, ну куда ты пойдешь?

Голос матери, звучавший с порога комнаты, был натянут, как струна, готовая лопнуть от жалости и раздражения. Она стояла, облокотившись о косяк, в своем потертом домашнем халате, и смотрела на меня так, будто я собиралась прыгнуть с парашютом в жерло вулкана, а не выносила из квартиры свой хлам.

Я не оборачивалась, сосредоточившись на аккуратной укладке стопки футболок.
- Квартиру сниму. Лишь бы не видеть эту сволочь.

Слово «сволочь» вырвалось хлестко и громко, заполнив собой тишину комнаты, пахнущую пылью и разочарованием. Я его почти не использовала раньше. Теперь оно сидело во мне, колючее и удобное, как камень в кулаке.

За спиной вздохнули. Глубоко, с надрывом.

- Ну оступился человек! Один раз! У всех бывает.

Терпение во мне лопнуло, как мыльный пузырь. Я резко

развернулась, сжимая в руках бельевого трикотажа.

- Оступился?! Мама! Оступился - это когда ты об порог ударился! А он мне полгода изменял! Полгода смотрел в глаза, целовал, строил планы на отпуск и выбирал обои для этой самой детской, которую ты так хочешь!

Голос сорвался, став пронзительным и чужим. Я ненавидела эту дрожь в нем. Ненавидела, что до сих пор от этой истории во мне больше боли, чем гнева. Гнев был бы чище.

Мама сделала шаг внутрь, ее лицо исказила гримаса усталого сочувствия, которое я уже не могла принять.

- Ну подумай, мальчик погулял. Сердце-то у тебя одно, Вера. Разбить - не собрать. А семью... семью надо беречь. Все через это проходят.

- Я не хочу через это проходить!»
 - выпалила я, швыряя белье в чемодан. - Я не хочу это «беречь». Это не семья, это помойка, прикрытая фальшивыми клятвами. Я не буду целовать человека, губы которого еще вчера...

Я не договорила. В горле встал ком. Ком из гадких картинок, которые мое воображение услужливо рисовало вот уже несколько недель. Каждую ночь. Я почти не спала.

Повернувшись к шкафу, я стала сдергивать с вешалок платья. Черное - для работы в бюро переводов. Синее - которое он говорил, что мне идет. Красное - которое он не любил, а я носила назло. Теперь все они были просто тряпками. Бессмысленным грузом.

- И что теперь? Снимать квартиру на свою крошечную

зарплату? Просить помощи? В двадцать пять лет начинать с нуля? - мать села на край кровати, и пружины жалобно скрипнули под ней. Ее тревога была материальна, осязаема. И от этого - еще невыносимее. Потому что она была права. Денег у меня оставалось на пару месяцев вперед, если экономить на всем. А потом - черная дыра.

- Начну, - сквозь зубы процедила я. - Уборщицей, официанткой, курьером. Не знаю. Лишь бы дышать воздухом, в котором нет его лжи.

Но страх, холодный и липкий, уже заползал под кожу. Гордые слова хороши, пока не понимаешь, что завтра, возможно, негде будет переночевать. Прогресс в моей карьере переводчицы был медленным, а конкуренция - бешеной. Ипотеку на эту квартиру выплачивал в основном он. Моя фамилия была не в договоре. Только мое разбитое сердце и куча иллюзий.

Мама потрогала край моего чемодана, словно проверяя его на прочность. «Ты всегда была такая... категоричная. Все или ничего. Жизнь-то, дочка, состоит из полутонов. И из компромиссов».

- Это не компромисс, мама. Это самоуничтожение, - прошептала я, закрывая чемодан. Молния заскрипела, с трудом сходясь на объемных боках. Он был забит до отказа. А по сути - пуст. Потому что внутри не было ни одного плана. Ни одной надежной точки опоры. Только отчаянное, животное желание бежать.

Я оглядела комнату в последний раз. Полки, половину которых освободила. Зеркало, в котором больше не хотелось ловить свой взгляд. Окно, из которого был виден лишь унылый двор-колодец. Здесь не осталось ничего моего. Да и не было, наверное, никогда. Я была лишь временным жильцом в чужой сказке.

- Я поеду к Светке. На неделю. Пока не найду что-то, - сказала я уже более спокойно, беря чемодан за ручку. Он оказался неподъемно тяжелым.

Мама молча кивнула, глаза ее блеснули. Она понимала, что слова уже бесполезны. Просто встала и помогла мне донести сумку до прихожей.

На пороге она обняла меня быстро, сухо, как будто боялась расплакаться. «Звони. Хоть что-то найдешь - сразу звони».

- Хорошо, - буркнула я, уже выходя на лестничную площадку.

Дверь за моей спиной закрылась с тихим щелчком. Я стояла одна в холодном подъезде, держа в руке ключ, который нужно было теперь просто оставить в почтовом ящике. Впереди была серая мартовская слякоть, диван у подруги и леденящая пустота неизвестности.

В тот момент я думала, что это дно. Крайняя точка падения. Когда тебе двадцать пять, а у тебя нет ни дома, ни любви, ни веры в завтрашний день. Осталась лишь горькая, ясная, как лезвие, правда: никому нельзя верить. Только дого-

вору. Только деньгам. Только тому, что можно пощупать и проверить.

Я вышла на улицу, и мартовский ветер тут же ударил по лицу ледяной влажной лапой. Чемодан колесом зацепился за трещину в асфальте, и я чуть не упала. К черту каблуки. К черту это платье, которое он называл элегантным. Элегантность не замерзает насмерть на автобусной остановке.

Мысль о диване у Светки, которая жила с бойфрендом в однокомнатной хрущевке, внезапно показалась невыносимой. Я представляла их удивленно-сочувствующие взгляды, их шепот на кухне, пока я буду пытаться заснуть в гостиной, уставившись в чужой потолок. Нет. Только не это.

Рука сама потянулась к телефону в кармане. Пальцы, закоченевшие на ветру, с трудом нашли нужный контакт. Не Светка. Я пролистала список вниз, туда, где были не просто знакомые, а люди из другой, более прочной и честной жизни. Из времени, когда предательство было чем-то из области закрученных сериалов, а не твоей собственной биографии.

- Лиза. Привет, это я.
Голос в трубке звучал бодро и немного удивленно:

- Верка? Что случилось? Ты как будто в шахте говоришь.

- Я... на улице. Можно к тебе? Ненадолго. Совсем ненадолго.

Пауза на другом конце была короткой, но за нее мой мозг успел нарисовать десяток вежливых отговорок.

- Ко мне? Конечно. Ты где?

Облегчение, острое и щемящее, ударило под дых. Слезы, которых не было в ссоре с матерью, подступили к горлу.

- У своего... у бывшего дома. Сумчусь до метро.

- Сиди на месте. Через двадцать минут буду. Не двигайся.

Лиза появилась не через двадцать, а через семнадцать минут, за рулем своего старенького хетчбэка. Она не спросила ни о чем, просто вышла, помогла впихнуть мой неповоротливый чемодан на заднее сиденье, и обняла меня так крепко, что хрустнули ребра. В ее объятиях пахло кофе, духами с ноткой ванили и чем-то неуловимо домашним, своим.

- Поехали греться, - только и сказала она, усаживая меня на пассажирское кресло.

Ее квартира была такой, как я помнила: небольшая, но уютная до мозга костей, заваленная книгами, с огромным котом, развалившимся на подоконнике. Она не стала сразу расспрашивать. Сняла с меня мокрое пальто, повесила сушиться на батарею, поставила греться чайник и достала банку с печеньем.

- Рассказывай, когда захочешь. Или не рассказывай. Просто ешь, - сказала она, ставя передо мной кружку с ароматным травяным чаем. Он обжигал ладони, возвращая чувствительность пальцам.

И я рассказала. Всё. От первой тревожной звоночки (поздние «совещания», отключенный телефон) до той самой роковой смс, которую я увидела, когда взяла его телефон, чтобы сфотографировать смешную вывеску. «Милый, она

уже уехала?». И его лица в тот момент. Не раскаяния, нет. Паники. Страха быть пойманным. Как воришки.

Лиза слушала молча, не перебивая. Лишь хмурилась и иногда тихо материлась. А потом, когда я закончила, выдохнула:

- Ну и мудака. Знаешь что? Ты молодец. Что ушла. Сидеть в этом дерьме, делая вид, что это шоколад - это путь в никуда. Оно никогда не смоеется.

Ее слова были бальзамом. Не призывом к компромиссу, а признанием моей боли и моего права на гнев. На разрушение.

- А что теперь? - спросила я, уже чувствуя, как накатывает усталость. Бессонные ночи, слезы, скандалы, сборы - все это настигло меня разом.

- Теперь спишь. На моем диване. Сколько надо. А завтра... - она прищурилась, - завтра составим план. Резюме везде закинем. У меня есть знакомый, которому нужны переводы технических текстов, платит прилично. А пока - отдых. Ты похожа на загнанную лошадь.

Я кивнула, не в силах спорить. Она дала мне пижаму (мягкую, с енотами), постелила на диване свежее белье и плед.
Когда свет погас, и я осталась одна в тишине чужой, но дружелюбной квартиры, в голове, наконец, воцарилась не паника, а пустота. Та самая, что бывает после бури, когда все разрушено, но ветер стих, и можно оценить масштабы руин.

Я лежала и смотрела в потолок, где от фар проезжающих машин проплывали световые пятна. «Лишь бы не видеть эту сволочь», - сказала я матери. Это было правдой. Но вторая правда, которую я тогда не произнесла, была страшнее: мне негде было жить. И очень скоро не на что.

Я закрыла глаза, пытаясь загнать навязчивые мысли о счетах и арендных ставках. У Лизы я могла пожить неделю, от силы две. Потом надо было искать свой угол. Свой крошечный, но свой клочок пространства, где не будет его запаха, его смеха, его лжи.

Сейчас я думала только об этом. О выживании. О том, чтобы снова научиться дышать, не чувствуя, как с каждым вдохом в легкие впиваются осколки разбитого доверия.

Я еще не знала, что решение моей проблемы уже зрело в голове у совершенно другого человека. Человека, которого я никогда не видела и с которым нас не связывало ровным счетом ничего. Кроме, возможно, одинаково ледяного одиночества и острой, практической нужды. И что скоро мой телефон завибрирует не с сообщением от подруги и не с напоминанием о платеже, а с сухим, лаконичным деловым предложением. Предложением, которое перевернет все с ног на голову и заставит меня сделать шаг в авантюру, по сравнению с которой бегство из родного дома казалось бы детской игрой.

Но это было завтра. А сегодня был только теплый плед, тихое посапывание кота и глубокая, всепоглощающая усталость. Я втянула голову в плечи, как еж, и провалилась в бес-

просветный, тяжелый сон, в котором не было ни снов, ни надежд. Только темнота и тишина.

Утро пришло ко мне не через окно - занавески были плотно задёрнуты, - а через звуки и запахи. Сначала до меня доносилось тихое, довольное шипение масла на сковороде. Потом - низкий мужской смех, сдержанный и хрипловатый. И голос Лизы, звонкий, чуть насмешливый.

Я открыла глаза, на секунду потерявшись. Чужой потолок. Незнакомая тень от торшера. Потом сознание вернулось, принеся с собой тяжёлый груз вчерашнего. Бегство. Чемодан. Пустота.

Из-за полуоткрытой двери на кухню тянуло соблазнительным ароматом жареного бекона и свежесваренного кофе. Мой желудок предательски заурчал. Я не помнила, когда ела в последний раз вчера.

Собравшись с духом, я сбросила тёплый плед, надела пижаму (еноты смотрели на меня укоризненно) и, поправив спутанные волосы, вышла из гостиной.

Картина на кухне была настолько домашней и мирной, что у меня на мгновение перехватило дыхание. От неожиданности. От лёгкой зависти. От ощущения, что я вторглась в чужую, налаженную вселенную.

На кухонной столешнице, поджав под себя ноги в ярких шерстяных носках, сидела Лиза. В одной руке у неё была кружка с паром, другой она что-то оживлённо доказывала.

А у плиты стоял Он. Незнакомый мужчина. Высокий, ши-

рокопличий, в простой серой футболке и армейских штанах. Он ловко переворачивал что-то на сковороде, и в его движениях была какая-то... чёткая, экономная уверенность. Не спортсмена, а человека, привыкшего к определённым, почти ритуальным действиям. Он слушал Лизу, слегка склонив голову, и уголки его губ тронула лёгкая, спокойная улыбка.

- Ой, Верка! Доброе утро! - первая заметила меня Лиза, и её лицо озарилось приветливой улыбкой. - Выспалась?

Я почувствовала себя неловко, стоя в дверном проёме в этой глупой пижаме.

- Да, спасибо, - выдавила я, пытаюсь тоже улыбнуться. - Пахнет... потрясающе.

- А, это Стас, мой молодой человек, - с лёгкой, горделивой ноткой в голосе представила Лиза, махнув рукой в его сторону. - Стас, а это Верка, моя подруга, про которую я тебе рассказывала. Та самая.

Мужчина - Стас - повернулся, отложив лопатку. Его лицо было не «фотогенично-красивым», а... интересным. С резковатыми скулами, прямым носом и спокойными, внимательными глазами серо-зелёного оттенка. Взгляд был оценивающим, но не осуждающим. Просто фиксирующим факт моего присутствия. Он слегка кивнул.

- Очень приятно, - сказал он. Голос был таким же, каким звучал его смех - низким, немного глуховатым, будто присыпанным пеплом.

- Взаимно, - ответила я, чувствуя, как глупо это прозвуч-

чало.

Лиза, не обращая внимания на нашу лёгкую неловкость, протянула ногу и носком толкнула Стаса в голень.

- Стасик.

Он повернулся к ней, бровь ползла вверх в немом вопросе.

- Ау?

- А тебе сумку собирать не надо? - спросила Лиза, и в её тоне внезапно появилась какая-то деланная, преувеличенная невинность.

Стас посмотрел на неё, потом на меня, и в его глазах мелькнуло понимание. Уголки губ дрогнули.

- Да я вроде бы всё собрал, - ответил он с невозмутимым видом, возвращаясь к сковороде.

Лиза не сдавалась. Она сделала большие глаза.

- А форма?

Тут он не выдержал. Повернулся, и его лицо наконец расплылось в открытой, тёплой улыбке, которая на мгновение сделала его почти мальчишкой. Он подошёл к Лизе, положил руку ей на голову и нежно потрепал за волосы.

- Понял, понял. Девчачья болтовня. Ясно. Даю час. Не больше.

Он наклонился, быстро поцеловал её в макушку, кивнул мне, взял со стола кружку и вышел из кухни, направляясь, видимо, в спальню. Его уход оставил после себя лёгкий вакуум и запах мужского одеколона, смешанный с беконом.

Я молча села на стул, глядя на Лизу. Она наблюдала за исчезающей в коридоре спиной, и выражение её лица было странным - смесь нежности, гордости и какой-то глубокой, затаённой тревоги, которую она тут же спрятала, повернувшись ко мне.

- Ну что, завтракать будем? - весело спросила она, спрыгивая со столешницы.

- Лиза... - начала я осторожно. - А он... служит?

Она замерла на полпути к шкафчику с тарелками. Потом обернулась, и её лицо снова стало серьёзным.

- Да. Контрактник. Срочку отслужил, потом ушёл в гражданку, а потом... ну, знаешь, жизнь сложилась. Вернулся. Сейчас между командировками.

Она достала две тарелки, поставила их на стол с чуть более громким, чем нужно, стуком.

- Познакомились полгода назад. В кафе. Я пролила на него латте, он облился с ног до головы. Вместо того чтобы орать, как нормальный человек, спросил, есть ли у меня ещё кофе, чтобы добить.

Лиза улыбнулась, но улыбка была какая-то печальная.

- Я думала, просто классный парень. С юмором. Ходили в кино, на концерты. Всё как у людей. А через месяц... через месяц он просто сказал: «Слушай, мне скоро уезжать. На службу. Надолго». И всё».

Она села напротив меня, уставившись в свою кружку.

- Я тогда чуть с ума не сошла. И от злости, что не сказал

сразу. И от страха. А потом... привыкла. К этому. К ожиданию. К этим сборам, - Она махнула рукой в сторону коридора, - Вот как сейчас. Он дома - это маленький праздник. Потом он уезжает - и жизнь делится на «до» и «после». На «когда он вернётся». И на эти вот... дни, когда ты слушаешь новости с особым, гадким чувством в животе.

Я слушала, не дыша. В её словах был целый мир, о котором я не имела ни малейшего понятия. Мир не скандалов и измен, а тихого, ежедневного мужества. Страха, который носят в себе, не выплескивая. Бесконечного ожидания звонка.

- И... не страшно? - тихо спросила я.

Лиза посмотрела на меня, и в её глазах была взрослая, уставшая мудрость, которой не было вчера, когда она просто утешала подругу.

- Страшно, Верка. Каждый день. Но знаешь что? Когда встречаешь человека, с которым тихо и хорошо... с которым можешь просто молчать на кухне, пока он жарит бекон... за него стоит держаться. Даже если держаться приходится за тысячи километров. Даже если это держаться за воздух, за смс-ки и за редкие звонки.

Она встряхнулась, словно стряхивая с себя тяжёлые мысли.

- Ладно, не надо мне тут философствовать с утра пораньше. Давай лучше есть, пока Стас не вернулся и не сожрал всё. Он, как саранча голодная, когда дома.

Мы принялись завтракать. Бекон был идеально хрустя-

щим, яичница - воздушной. Но вкус еды перебивало новое, незнакомое чувство. Я смотрела на Лизу, которая шутила и смеялась, и видела теперь не просто подругу, а крепость. Хрупкую с виду, но невероятно прочную внутри. Она жила в условиях, которые моё недавнее горе казались почти что капризом избалованного ребёнка.

И в тот момент, сидя за её кухонным столом, я впервые за много дней подумала не о своей боли. Я подумала о том, какая разная бывает эта самая «любовь». Для кого-то - это счастливая сказка, которую можно разбить одной изменой. А для кого-то - это тихая, упрямая верность, которая должна выстоять под огнем совершенно других, не семейных, бурь. И почему-то вторая казалась мне теперь и страшнее, и... настоящей. До слёз настоящей.

А ещё я подумала, что не смогла бы так. Ждать. Бояться. Быть сильной. У меня не хватило бы духа. Моё мужество закончилось на том, чтобы упаковать чемодан и хлопнуть дверью.

Я и не подозревала, что судьба уже готовила мне проверку на это самое, казалось бы, недоступное мне мужество. И что урок будет не в теории, а на практике. Жестокой, невыносимой и единственно возможной.

Вернувшись в гостиную, я села на диван и укуталась в плед. Рядом мурлыкая, устроился Лизин кот Барсик, тычась влажным носом в ладонь. Я гладила его тёплый мех, а в голове роились мысли. Этот утренний эпизод, рассказ Лизы -

все это перевернуло во мне что-то.

Я всегда считала, что главное в отношениях - это честность, страсть, взаимопонимание. А оказалось, бывает иначе. Главным может стать простое «ждать». И это «ждать» - не пассивное сидение, а ежедневный труд. Труд души.

- К тебе можно? - в дверях появился Стас, уже без футболки, в камуфляжной майке. В руках он держал огромный армейский рюкзак, туго набитый и аккуратно застегнутый.

- Да-да, конечно, - поспешно кивнула я.

Он прошел, поставил рюкзак у стены и сел в кресло напротив, наклонившись, сцепив руки между колен. Он смотрел на меня не в упор, а как-то рассеянно, словно оценивая обстановку в целом.

- Лиза мне кое-что рассказала, - сказал он наконец. Голос был тихим, без эмоций. Констатация факта. - Про твоего бывшего. Про то, что случилось.

Мне стало неловко. Опять. Моя личная драма теперь была достоянием этого сурового, незнакомого человека.

- Неловко, что ввязываюсь, - как будто прочитав мои мысли, продолжил он. - Но хочу сказать одну вещь. Как человек, который видел много дерьма. И на фронте, и в жизни.

Я подняла на него глаза, заинтригованная.

- Ты поступила правильно, - сказал он четко, отрывисто. - Если бы ты простила, он бы не изменился. Он бы просто понял, что твои границы можно безнаказанно переступать. И сделал бы это снова. Там, где предают один раз, предадут

и два, и три. Это как с боевой позицией: если враг прорвался и не получил сдачи, он будет рваться там снова и снова. Потому что дыра найдена.

Его слова, грубые и армейские, резали правдой острее, чем любые утешения. В них не было жалости. Было холодное, стратегическое понимание.

- Спасибо, - прошептала я.

- Не за что, - он отмахнулся. - Просто факт. Теперь другой факт. Лиза говорит, у тебя с жильем проблема.

Я сгорбилась, почувствовав знакомый укол стыда и страха.

- Да. Временно. Я найду.

- Знаешь, - он задумался, потирая ладонью коротко стриженный затылок. - У меня есть друг. Точнее, товарищ. Служит в одной части. Кадровый офицер. У него... своеобразная ситуация.

Я насторожилась.

- Какая?

- Ему срочно нужен официальный брак. По семейным обстоятельствам. Вернее, по служебным, - Стас выбирал слова, будто расставлял минное поле. - Брак фиктивный. Чисто бумажный. За хорошую компенсацию. И предоставление жилья на время его службы.

В комнате повисла гробовая тишина. Я слышала, как в кухне звенит посуда - Лиза мыла тарелки. Слышала, как храпит кот. А слова «фиктивный брак» висели в воздухе, слов-

но инопланетные объекты, не имеющие ко мне никакого отношения.

- Ты... это... предлагаешь мне? - наконец выдавила я, чувствуя, как лицо заливают жар.

- Я информирую тебя о возможной вакансии, - поправил он с легкой усмешкой. - Работа не пыльная. Подписать бумаги в ЗАГСе. Жить в его квартире, пока он в командировке. Получать ежемесячно на счет сумму, которой хватит на жизнь и даже отложить. Взамен - статус замужней женщины. И никаких обязательств. Никаких чувств. Чистый договор.

- И зачем ему это? - спросила я, и мой голос прозвучал подозрительно и резко. Внутри все сжалось в комок.

Стас пожал плечами.

- У офицеров с семейным положением больше довольствие. Льготы. Иногда - возможность получить внеочередное жилье или избежать нежелательной переброски. Бумажка в паспорте открывает двери. Он циник. Для него это выгодная сделка. Он ищет не жену, а партнера по контракту. Такого же циничного. Которому нужны деньги и крыша над головой. Без сантиментов.

Он посмотрел на меня прямо.

- Я подумал о тебе. Потому что ты сейчас, наверное, тоже не очень веришь в сказки. И тебе нужна передышка. Время, чтобы встать на ноги. Не ночевать у друзей. Это не предложение. Это информация. Если заинтересует - Лиза передаст ему твой контакт. Он сам свяжется. Или нет. Как знаешь.

Он поднялся, потянулся, кости хрустнули.

- Я всё сказал. Думай. Но долго думать нельзя. У него, кажется, сроки горят.

Он вышел, оставив меня в полном смятении. Фиктивный брак. С незнакомым офицером. Деньги. Крыша над головой.

Это было безумие. Абсолютное, чистейшее безумие.

Но почему-то в этом безумии была леденящая, безэмоциональная логика. Та самая «конкретика», в которую я так хотела верить после предательства. Никаких обещаний. Никакой любви. Только договор. Только деньги. Только взаимовыгодный обмен.

Я сидела, обхватив голову руками, и слушала, как на кухне Стас что-то тихо говорил Лизе, как она вздохнула в ответ.

Я ненавидела идею. Она казалась мне унижительной, отчаянной, пахнущей полным крахом всех моих принципов.

Но в тот же самый момент мой внутренний голос, холодный и практичный, который проснулся во мне после той роковой смс, спросил: «А что у тебя есть взамен? Гордость? Она не согреет ночью. Принципы? Они не заплатят за аренду. Страх? Он уже твой постоянный спутник».

Я подошла к окну, отдернула занавеску. На улице был серый, неприветливый день. Мир, который вчера казался враждебным и пустым, сегодня предлагал мне странную, извращенную соломинку. Соломинку в виде брака по расчету с призраком в погонах.

И самое ужасное было в том, что я уже начинала ее обду-

мывать.

Я так и просидела, уставившись в законную серость, пока не услышала за спиной шаги.

- Ну что? - спросила Лиза, прислонившись к косяку. В руках у неё было две чашки с чаем. Она протянула одну мне.

- Сахар в жизни и так перебор, так что без.

Я взяла чашку, ощущая жар через фарфор.

- Стас всё рассказал?

- Конечно. Он же не сам это придумал. Этот... друг его. Кирилл. Офицер. Мы с ним виделись пару раз, когда Стас возвращался. Молчаливый такой, с каменным лицом. Как будто всё внутри выжгло. Стас говорит, он просто хочет тихо служить и получать за это максимум, что положено. А «семейный» статус - это ощутимый плюс к зарплате. И защита от лишних вопросов со стороны командования. Одиноким офицер - это, видимо, всегда потенциальная проблема.

Она присела на подоконник рядом со мной.

- Ты даже не представляешь, сколько таких браков, Вер. Не из любви. Из необходимости. Из страха остаться без жилья. Из желания получить пенсию по потере кормильца, если что... - она замолчала, поняв, куда завела речь, и махнула рукой. - В общем, это не редкость. И не самый худший вариант.

- Ты серьёзно считаешь, что мне стоит это рассматривать? - голос мой звучал хрипло. - Заключить сделку? Продать штамп в паспорте?

- Я считаю, что тебе стоит подумать о себе, - тихо, но очень

чётко сказала Лиза. - Ты в подвешенном состоянии. Нервный срыв рядом. И денег, если честно, у тебя нет. Это не продажа. Это контракт на оказание услуг. Ты будешь играть роль жены на бумаге. Жить в нормальной квартире. Получать зарплату. И сможешь спокойно отдышаться, найти нормальную работу, скопить. А когда он вернётся со службы... ну, разведётесь. Тихо и мирно. Как договаривались.

- А если он не вернётся? - сорвалось у меня.

Лиза вздрогнула, и лицо её потемнело.

- Тогда ты будешь вдовой. Со всеми льготами. Это тоже часть расчёта, наверное. Но, Верка... не думай об этом. Думай о том, что тебе нужна передышка. Вот прямо сейчас.

Она была права. Ужасно, цинично права. Передышка. Это слово отзывалось во мне физической потребностью. Перестать бояться каждого звонка от арендодателя. Не считать копейки в магазине. Залечить раны не на бегу, а в тишине и безопасности.

- А... а что он за человек? - спросила я, сжимая чашку. - Тот... Кирилл?

Лиза пожала плечами.

- Честно? Не знаю. Он как пустой дом. Мебель есть, а жильцов нет. Говорит мало, пьёт только воду, шутит едко, но беззлобно. Стасу доверяет, наверное, как единственному, кто не лезет с дурацкими вопросами. Но жестоким или опасным он не выглядит. Просто... исключенным. Как будто всё, что могло чувствовать, уже сгорело.

- Звучит заманчиво, - я попыталась пошутить, но получилось плохо.

- Звучит *безопасно*, - поправила меня Лиза. - Для тебя сейчас это главное. Безопасность и чёткие правила. Любовь - это роскошь. А тебе нужен фундамент.

Она встала и положила руку мне на плечо. «Не надо решать сейчас. Просто знай: если захочешь, я передам твой номер. Он сам напишет или позвонит. Всё обсудите. Как бизнесмены».

Она ушла на кухню, а я осталась стоять у окна. Чашка в моих руках постепенно остывала.

В голове крутился калейдоскоп из обрывков фраз. «Бумажка в паспорте». «Офицерское довольствие». «Пустой дом». «Передышка». И голос матери: «Семью надо беречь».

Какая уж тут семья. Фикция. Театр одного актёра в пустой квартире.

Но разве то, что у меня было, было лучше? Та была фикция, прикрытая сладкими сказками. Здесь же не будет обмана. Только договорённость. Чистая, прозрачная, как стекло. И такое же хрупкая.

Я достала из кармана пижамы телефон. Разблокировала. На экране - фото с прошлого лета, я смеюсь, обняв того, чьё имя теперь хотелось вычеркнуть навсегда. Улыбка на том фото казалась такой глупой, такой наивной.

Я закрыла глаза. Представила себя в чужой, чистой квартире. Без его вещей. Без его запаха. Только я, тишина и кон-

верт с деньгами в первый день каждого месяца. Возможность переводить тексты, не думая, хватит ли на еду. Возможность снова стать собой, а не тенью с разбитым сердцем.

Это была сделка с дьяволом. Но мой личный ад уже случился. Что могло быть хуже?

Я сделала глубокий вдох, открыла глаза и твёрдым шагом направилась на кухню. Лиза и Стас сидели за столом, он что-то чертил ей на салфетке, объясняя, видимо, схему какого-то расположения.

Они оба подняли на меня глаза.

- Передай ему мой номер, - сказала я, и голос не дрогнул.
- Пусть пишет. Я готова обсудить условия.

Глава 2. Кирилл Воронцов

Доклад о текущей обстановке подполковник слушал, глядя куда-то мимо меня, в стену. Стеклянным, уставшим взглядом. Я знал этот взгляд - не от рассеянности, а от того, что мозг, перегруженный сводками, картами и недосыпом, на короткой передышке просто отключает визуальный канал. Информация усваивалась на слух.

Я заканчивал, когда его глаза наконец сфокусировались на мне. Не на форме, не на планшете в моих руках, а прямо на лице. И в них не было ни одобрения, ни критики. Было раздражение. Глубокое, застарелое, как известковый налет в чайнике.

- Всё, Воронцов, - голос у него хриплый, пропитанный мажоркой и командованием. - Твоё состояние зомби у меня в печёнках сидит. Увольнительные тебе. На два месяца.

Отрезок фразы «на два месяца» мозг зарегистрировал, но отказался обрабатывать. Как будто прозвучало на неизвестном языке. Я просто стоял, тупо глядя на него.

- Товарищ подполковник! - выпалил я, больше по инерции, чем что-либо.

- Я всё сказал, майор. - Он помахал рукой, будто отмахиваясь от назойливой мухи, которой я вдруг стал. - И найди себе уже кого-нибудь, а? Бесишь, вот честное слово.

Вот это уже было знакомо. Знакомая территория. Личное.

То, что я умел парировать или, на худой конец, игнорировать.

- Товарищ подполковник, если вы мой крёстный, это никак не влияет на то, что вы имеете права лезть в мою личную жизнь, - отчеканил я, выдерживая уставной тон. В нотке неподчинения, но в рамках. Всегда в рамках.

Он приподнялся за столом, не вставая, но его массивная фигура словно нависла над канцелярским беспорядком. Глаза сузились.

- Так, поговори мне тут! Давай, вали, пока я в тебя не кинул чего-нибудь тяжелого!

Он не шутил. Стакан с чаем и тяжелая пепельница из стали были в зоне досягаемости. Я видел, как его пальцы непроизвольно пошевелились. Прощай, чай.

Вопрос родился сам собой, рефлекторный, как «есть» после команды:

- Разрешите идти?

Он откинулся в кресле, и оно жалобно скрипнуло. Взгляд снова стал стеклянным, но теперь в нем читалось нечто вроде досадливой жалости. К себе? Ко мне? Непонятно.

- Иди, Воронцов, иди. Два месяца. - Он ткнул пальцем в мою сторону. - Увижу на плацу раньше - выпишу увольнительные на год. Понял?

Угроза абсурдная. Но именно так он всегда выражал заботу. Через абсурд и угрозы. «Увижу в столовой без шапки - наряд вне очереди на год!» означало «Надень шапку, дурак,

СКВОЗНЯК».

- Есть, - коротко бросил я, повернулся и вышел.

Дверь закрылась за мной с мягким щелчком. Тишина коридора частичного здания оглушила после той напряженной, наполненной немой бранью тишины в кабинете. Два месяца.

Я медленно пошел по коридору. Парадные ботинки глухо стучали по линолеуму. Два месяца. Что это вообще такое? Это не отпуск. Это - пустота. Это вакуум, в котором нет расписания, нет приказов, нет части, нет цели, обозначенной сверху. Это как выбросить за борт в открытом море. Плыви куда хочешь. Точнее, тони, если не умеешь плыть сам.

Мои шаги автоматически повернули к выходу, но ноги были ватными. Мысли, обычно четко выстроенные в очередь по приоритету задач, метались, натыкаясь на стену «двух месяцев». В голове зазвучал его голос: «Найди себе уже кого-нибудь».

Легко сказать. Кого? Механизм, который когда-то умел что-то чувствовать, кроме адреналина, злости и ледящей усталости, давно заржавел и рассыпался. Внутри - тихая, просторная пустота, как в ангаре после вывода техники. Чисто, эхо гуляет, и ни одной живой души.

Я вышел на плац. Резкий ветер ударил в лицо, пахнул бетоном, машинным маслом и далекой, нездешней свободой. Два месяца.
Я достал телефон. Автоматически открыл список контактов. Он был коротким, как доклад. Родня. Командиры. Пару сослуживцев. И Стас. Именно его имя сейчас

выделялось на экране.
 Я тогда отмахнулся от своего же пьяного бреда. Но сейчас... Сейчас у меня было два месяца пустоты. А у Стаса - деловое предложение. Бумажка. Контракт. Четкие условия. Никакой нервной мороки. Простая, сухая схема. То, что я понимал. То, в чем можно было существовать.

Я ткнул в его номер. Гудки прозвучали как-то громче обычного в тишине этого внезапно наступившего «ничего».

- Алло, Кирилл? - голос Стаса был оживленным, там, на заднем плане, слышались женские голоса. Его мир.

- Да, это я, - мой собственный голос прозвучал чужо, слишком ровно для хаоса внутри. - Насчет того... делового предложения.

На другом конце провода на секунду воцарилась тишина. Потом услышал его слегка удивленное:

- В силе. Думаешь?

Я посмотрел на серое небо над плацем, на знакомые до боли контуры казарм.

- Думаю. Давай контакты. Обсудим условия.

Положил трубку. Ветер свистел в ушах. Два месяца. Хватит, чтобы заключить сделку. И, возможно, чтобы понять, что эта пустота внутри начинает тебя потихоньку съедать. Но об этом я думать не хотел. Пока.

Ветер на плацу был упрямым, как старый сержант. Он не обнимал, а шерстил лицо колючей щетиной мороза, выбивая из головы последние сомнения. Пустота - да. Но она была

предсказуема. А эта внезапная, навязанная «свобода» - нет. В ней таился хаос, с которым я не умел справляться. Сделка же... Сделка была операцией. Четкой задачей с понятными КПИ: подписать бумаги, получить статус, обеспечить тыл в виде квартиры и некоего подобия гражданской жизни. Всё.

Телефон в руке был холодным куском пластика и металла. Инструментом. Я сунул его в карман и направился к своей машине - старенькому внедорожнику, который видел больше бездорожья и полигонов, чем городских асфальтов. Металл тоже был холодным. Я сел за руль, не включая двигатель, и просто сидел, глядя на серое здание штаба.

«Увольнительные на два месяца».

Фраза снова прокрутилась в голове, на этот раз обрастая конкретикой. Две тысячи восемьсот восемьдесят часов. Сто семьдесят две тысячи восемьсот минут. Цифры успокаивали. Их можно было структурировать. Расписать как план: неделя на решение квартирных вопросов, три дня на формальности с ЗАГСом... Остальное - просто существование в режиме ожидания. Как на учениях, когда занял позицию и ждешь условного противника, который может появиться через час, а может - через сутки. Главное - бдительность и соблюдение распорядка.

Сделка вписывалась в этот план идеально. Она давала форму, содержание этим пустым дням. Цель. Даже если цель была циничной и бумажной.

Я повернул ключ зажигания. Двигатель взревел, нарушая

тишину казенной территории, и тут же приутих до ровного урчания. Я выехал за КПП, кивнув дежурному. Тот, удивленно подняв бровь - я редко уезжал в рабочее время, - отдал честь.

Город за пределами части встретил меня потоком чужих забот. Реклама, светофоры, суесящиеся пешеходы. Я ехал медленно, будто впервые. Квартира. Моя квартира. Имущество, которое я получил от деда, старого полковника, и где бывал раз в несколько месяцев, чтобы проверить счётчики и забрать почту. Холодные, пустые комнаты с мебелью, накрытой простынями. Там пахло пылью и одиночеством. Но это была точка на карте. Координата. «Тыл».

И теперь в этот тыл, возможно, придется впустить постороннего человека. Женщину. На условиях контракта.

Мысль не вызвала ни возмущения, ни радости. Только легкое напряжение, как перед инспекторской проверкой. Нужно будет договориться о правилах. О границах. О финансах. Всё прописать. Я включил диктофон на телефоне, набросал тезисы:

1. Брак - только юридическая формальность. Фактическое сожитительство не предполагается после оформления.
2. Раздельные бюджеты. Я перевозжу оговоренную сумму ежемесячно за использование статуса и квартиры.
3. Полная автономия. Не лезем в личную жизнь друг друга.
4. Срок действия договора - до расторжения по соглашению сторон или моего очередного длительного

го командировки.
 5. Конфиденциальность.

Список рос. Это успокаивало. Всё раскладывалось по полочкам. Контракт. Договорённости. Никаких эмоций.

Я припарковался у своего дома - старой кирпичной пятиэтажки, которую не тронул еще реновация. Подъезд встретил знакомым запахом затхлости и кошачьего корма. Квартира на третьем этаже. Дверь открылась с тихим скрипом.

Тишина. Полная, гробовая. Пыль висела в воздухе, подсвеченная слабым светом из окна. Я провел пальцем по полке в прихожей - четкая серая полоса. Да, здесь нужен живой человек. Хотя бы чтобы вытирать пыль и включать свет. Чтобы было не так... мертво.

Я снял китель, повесил его на спинку стула, и в одной гимнастерке прошел в гостиную. Сдернул простыню с дивана. Облако пыли заставило чихнуть. Нужно было убрать. Составить список для магазина. Освободить одну из спален. Всё это были задачи. Пункты в плане.

Я сел на диван и снова достал телефон. Стас уже скинул контакт. Имя: «Вера». Никаких картинок, просто номер. Женское имя. Обычное. Ничего не говорящее.

Палец замер над экраном. Что писать? «Здравствуйте, мне сказали, вы заинтересованы в браке по расчету»? Слишком прямо, даже для меня. Нужно было начать с делового предложения. Как на совещании.

Я набрал сообщение, несколько раз стирал и переписывал. В итоге остался сухой, конкретный текст:

«Добрый день. Вас беспокоит Кирилл. По рекомендации Стаса. Готов обсудить предложение. Удобно ли вам говорить в ближайшее время?»

Отправил. Положил телефон рядом. Он лег на пыльную поверхность журнального столика беззвучно.

И тут тишина квартиры, которую я всегда принимал как данность, вдруг навалилась с новой силой. Она была не просто отсутствием звуков. Она была физической. Давила на барабанные перепонки, на виски. В этой тишине слишком громко звучали собственные мысли. О двух месяцах. О пустоте. О том, что даже этот циничный план сейчас казался соломинкой, за которую хватается утопающий. Не от страха утонуть, а от непонимания, что делать на этой внезапной, безграничной суше.

Телефон вздрогнул, замигал синим светом уведомления. Я посмотрел на экран. Пришел ответ.

«Добрый день. Да, это удобно. Могу сейчас».

Вот и всё. Контакт установлен. Операция начинается. Я взял телефон, уже чувствуя, как мозг переключается в рабочий режим: анализ, оценка, ведение переговоров. Это была знакомая территория. На ней я не чувствовал ни пустоты, ни сомнений. Только холодную, собранную ясность.

«Отлично, - набрал я. - Предлагаю обсудить детали. Для начала - ваши основные условия и ожидания».

И, отправив это, я наконец встал, чтобы открыть окно. Впустить в эту мертвую тишину хотя бы звуки города. И по-

чувствовал, как первый, самый трудный шаг в эти два месяца пустоты уже сделан. Шаг в сторону сделки, которая должна была защитить от этой пустоты. Или, как настораживающе шептал какой-то внутренний голос, наоборот - привести к ней лицом к лицу.

Окно поддалось не с первого раза - краска на раме давно спеклась в монолит. Резкий рывок, и створка с скрежежом отъехала. В комнату ворвался прохладный воздух, запах мокрого асфальта и далекий гул машин. Звуки жизни. Они заполнили пустоту, сделали её менее гнетущей, более... фоновой. Так, как и должно быть.

Я стоял у окна, глядя на двор: детская площадка с пустыми качелями, пара голубей, что-то клюющих у помойки. Обычный тыл. Стабильный. Предсказуемый. Именно то, что мне было нужно как фону, как точке отсчета.

Телефон в руке снова завибрировал. Ответ.

«Мои условия просты: гарантированное проживание, финансовая компенсация, полная независимость. Никаких реальных обязательств с обеих сторон. Хочу услышать ваше предложение по цифрам и срокам.»

Деловито. Четко. Без лишних слов. Мне это понравилось. Чувствовался такой же рациональный подход, попытка взять под контроль хаос собственной жизни через сухие пункты договора. Я понимал это как никто другой.

Я ответил, не отходя от окна:

«Согласен с принципами. Предлагаю: официальная регистрация брака. Вы получаете право проживания в моей квартире (адрес пришлю), ежемесячно - сумма, эквивалентная средней аренде комнаты в этом районе. Все коммунальные расходы - за мной. Ваша задача - поддерживать статус «семейного человека» для внешнего мира по мере необходимости (редкие звонки моим родным, если будут спрашивать, формальное присутствие на моих редких визитах). Фактическое сожительство не требуется. Срок договора - до расторжения по соглашению сторон. Все детали оформим дополнительным соглашением у юриста.»

Отправил. Голуби на асфальте что-то не поделили, взметнулись в воздух с шумом крыльев. На секунду я за ними проследил. Простая, животная жизнь. Им не нужны контракты.

Телефон снова ожил. Диалог шел быстро, как переговоры по обмену пленными.

«Адрес и сумму - в студию. Уточнение: что подразумевается под «поддержанием статуса»? Конкретные примеры.»

Я мысленно составил список, представив себе редкие визиты крёстного-подполковника или звонки матери, которую я старался беспокоить раз в месяц для галочки.

«Примеры: если позвонят с моего номера родные (мать, крёстный), сказать «Кирилл сейчас не может подойти, всё хорошо, передам». При моих посещениях

квартиры (кратковременных, предупреждая заранее) - создать видимость совместного проживания (ваши вещи на виду, совместный завтрак и т.п.). Всё. Никаких публичных выходов, знакомств с друзьями, совместных фото в соцсетях.»

Пауза была чуть дольше. Я почти физически ощущал, как она там, по ту сторону экрана, взвешивает, меряет свою свободу против этих необременительных, но всё же условий. Против денег и крыши над головой.

«Принимаю. Готова рассмотреть адрес и обсудить сумму. Встреча для обсуждения деталей?»

Встреча. Личный контакт. Это был следующий логический шаг, но он почему-то вызвал легкое сопротивление. Переписка - это безопасно. Дистанция. Личная встреча стирает границы, вносит человеческий фактор: запах, мимику, неуловимые жесты. Всё, что может нарушить чистоту схемы.

Но отступать было некуда. И, в конце концов, нужно было оценить «объект» лично. Провести рекогносцировку.

«Да. Завтра, 15:00. Neutral place. Кофейня «Цикорий» на Ленина, 42. Знакомо?»

Кофейня была безликой, тихой и находилась ровно на полпути между моим домом и частью. Ничего личного.

«Знакомо. 15:00. Как узнаю вас?»

Я усмехнулся. Узнает. По тому же самому ощущению «своего-чужого», по выправке, по взгляду, который ищет не лицо, а потенциальную угрозу в помещении.

«Буду в гражданском. Темно-синяя куртка. Вы?»

«Синий шарф, темные волосы. До завтра.»

На этом всё. Контакт состоялся. Условия обозначены. Встреча назначена.

Я выключил телефон и положил его на стол. Дело было сделано. Теперь нужно было готовиться. Составить проект соглашения. Продумать аргументацию по сумме. Осмотреть квартиру ее будущими глазами - что нужно убрать, что купить, чтобы не вызывать подозрений в «семейности». Задачи. Пункты плана.

Я снова почувствовал под ногами твердую почву. Эти два месяца начали обретать контуры. Не просто пустота, а проект. Сначала - заключение контракта. Потом - оформление бумаг. Возможно, придется съездить к матери, чтобы формально предупредить о «женитьбе». Потом - просто жизнь по расписанию в ожидании, когда подпишут новый контракт и можно будет вернуться в часть, к своему настоящему делу.

Я подошел к шкафу, где под чехлом висела гражданская одежда. Темно-синяя куртка. Да, она была. Я достал ее, повесил на дверцу, чтобы не мять. Потом пошел проверять сан-узел, состояние кухни. Включил воду, проверил свет. Всё работало. Холодильник был пуст и выключен. Нужно будет купить минимальный набор: чай, кофе, что-то нейтральное. Печенье. Чтобы на встрече можно было сказать: «Всё необходимое есть».

Работа успокаивала. Руки были заняты, мозг - конкрети-

кой. Пустота отступила, затаилась в углах, но больше не давила на виски. Она ждала.

Вечером, когда стемнело и в окнах зажглись чужие жизни - желтые квадраты, за которыми двигались тени, слышался смутный гул телевизоров, - я сел за стол и начал набрасывать проект соглашения на ноутбуке. Сухим, юридическим языком. Каждое право, каждую обязанность. Пункт о конфиденциальности. Пункт о расторжении.

За окном где-то засигналила машина. Я вздрогнул, оторвавшись от экрана. На мгновение взгляд поймал свое отражение в черном стекле. Усталое, замкнутое лицо. Лицо человека, который готов купить себе иллюзию нормальности по контракту. Чтобы его оставили в покое. Чтобы пустота не съела живо эти два месяца.

Я резко отвернулся, снова углубившись в текст. Завтра встреча. Нужно быть в форме. Четким, холодным, не оставляющим места для сантиментов. Всё решат логика и взаимная выгода.

И только где-то на самом дне, в той самой пустоте, шевельнулся крошечный, почти неосоздаваемый вопрос: а что, если она там, по ту сторону стола, окажется не просто стороной по сделке? Что если в её глазах я увижу не расчет, а отражение того же самого одиночества? Того же страха перед жизнью, которая пошла под откос?

Я стер этот вопрос, как стирал неточную формулировку в документе. Нельзя. Эмоции - это слабость. Слабость, кото-

рая в бою приводит к гибели. А жизнь, даже такая, как сейчас, - это и есть поле боя. Только без выстрелов. И мое оружие здесь - холодный разум и железные правила.

Завтра в 15:00 я применю это оружие.

Дверной звонок прозвучал как выстрел в тишине квартиры. Резкий, настойчивый, нарушающий только-только установившееся подобие спокойствия. Я вздрогнул, оторвавшись от экрана ноутбука, где выверял очередной пункт соглашения о неразглашении. Взгляд автоматически метнулся к часам. Поздно. Кто?

Подойдя к двери, я не стал смотреть в глазок сразу. Прислушался. За дверью слышалось нетерпеливое переминание с ноги на ногу и сдержанное бормотание. Голос был знакомым. Снимая цепочку и поворачивая ключ, я уже знал, кого увижу.

Стас стоял на площадке, сняв кепку и беспокойно мня её в руках. На лице - смесь изнеможения и дикого веселья.

- Пока моя там с *«твоей»* план «Барбаросса» составляют, я к тебе, - выпалил он, не дожидаясь приглашения, и протиснулся в прихожую, шумно выдыхая. - У меня уже голова кругом от Лизкиного «А вот это?» - «Нет, это не подойдёт, слишком...» - «О, а может вот это?». Боже, будто к параду готовятся, а не к деловым переговорам.

Он говорил быстро, сбивчиво, жестикулируя кепкой. Я закрыл дверь, ощущая, как в мою стерильную, пыльную пустоту врывается вихрь чужой, слишком живой и громкой энер-

гии.

- Очень интересно, - сказал я медленно, опираясь на косяк и пытаюсь переварить этот поток. - Но нихрена не понятно.

Стас швырнул кепку на тумбу и прошел на кухню, как к себе домой. Я последовал за ним, чувствуя себя не хозяином, а гостем в собственном жилище.

- Моя Лиза, *«твою»* к завтрашнему готовит, - бросил он через плечо, открывая мой пустой холодильник, разочарованно хмыкнул и прислонился к столешнице. - Волнуется за неё. Говорит, девушка ломаная после всего, что было. Вот и пытается собрать по винтикам, подобрать *«правильный»* образ. Чтобы ты, значит, не подумал чего. Чтобы выглядела *«уверенно, но не агрессивно»*, *«самостоятельно, но не одиноко»*. Черт знает что. Полчаса только про цвет шарфа спорили. Я сбежал. Выжить там было невозможно.

В его словах проступила картина - теплая, суматошная кухня у Лизы, разбросанная одежда, женские голоса, полные тревоги и заботы. Совершенно чуждый мне мир. И где-то в центре этого мира - она. Вера. Та самая *«сторона по сделке»*. Не просто набор условий в телефоне, а живой человек, которого *«готовят»* ко встрече со мной. Которого собирают по винтикам.

- Ой, блять, - вырвалось у меня само собой, низким, уставшим стоном. Я провел рукой по лицу, словно пытаюсь стереть внезапно нахлынувшую усталость от всей этой сложности. Я хотел простую схему. А они там устроили театр воен-

ных действий с выбором экипировки.

- Вот и о том же, - солидарно кивнул Стас, доставая из кармана пачку сигарет. - Можно? У тебя тут как в склепе. Накурю, может, оживет.

Я махнул рукой, разрешая. Сам не курил, но пепельница где-то была. Он нашел её, сдул слой пыли и прикурил, жадно затягиваясь. Дым, едкий и непривычный, начал заполнять кухню, вытесняя запах затхлости.

- Слушай, Кирь, - Стас говорил уже серьезнее, прищурясь. - Я, конечно, понимаю твою затею. Бумажка, прибавка, всё дела. Но она... Вера-то. Не железная. Лиза говорит, в щепки разбита. Мудак тот, бывший, по полной программе её уничтожил. Она сейчас на рациональности держится, как на костылях. А костыли, они хрупкие.

Я молча слушал, глядя на кольца дыма, таявшие под потолком. Его слова стучались в хорошо укрепленную дверь моего рационального подхода, но не находили отклика. Её проблемы, её «разбитость» - не входили в условия контракта. Более того, они были потенциальной угрозой. Эмоционально нестабильная сторона - ненадежный партнер.

- Это её проблемы, - сказал я ровно. - Мы заключаем деловое соглашение. Я не психотерапевт.

Стас покачал головой, смотря на меня с каким-то странным сожалением.

- Железный ты человек, Воронцов. Прямо до мозга костей. Ладно. Дело твое. Но имей в виду: если начнется исте-

рика или депрессия - это тоже станет твоей проблемой. Ты же её в свою квартиру селишь. Пусть и на бумаге.

Он был прав. Черт возьми, он был прав. Я не подумал об этом. Я думал о пыли, о счетчиках, о видимости. Не подумал о том, что поселю рядом с собой не нейтральный объект, а целую вселенную чужой боли. Которая может в любой момент выплеснуться наружу.

- Я добавлю в соглашение пункт о соблюдении психологической гигиены и недопустимости деструктивного поведения, влияющего на условия договора, - пробормотал я, уже мысленно редактируя документ.

Стас фыркнул, докуривая сигарету и затушивая её о дно пепельницы.

- Ну вот, сразу видно офицера. Все по уставу. «Психологическая гигиена». Боже. Ладно, я предупредил. - Он вздохнул и посмотрел на меня прямо. - А сам-то ты как? Два месяца зомбирования, говорил подполковник?

- Увольнительные, - поправил я сухо. - И да. На два месяца.

- И идея с браком - это чтобы чем-то эти два месяца занять? Или правда только ради прибавки?

Вопрос был неожиданным и неприятно точным. Я пожал плечами, отводя взгляд.

- И то, и другое. Всё в рамках задачи.

- Задачи, - повторил Стас без особой теплоты. - Ну, смотри, командир. Чтобы твоя «задача» кому-нибудь жизнь не

сломила окончательно. Ей и своей в том числе.

Он поднялся, похлопал меня по плечу - жест тяжелый, мужской, полный невысказанного беспокойства.

- Я пошел. А то мои стратеги, наверное, уже штурм Берлина планируют. Завтра в три, да? В «Цикории»?

- Да, - кивнул я.

- Удачи. И, Кирилл... Попробуй не быть букой. Хотя бы для приличия.

Он ушел, оставив после себя запах табака, легкое чувство неловкости и осадок от своих слов. Я остался стоять посреди кухни, глядя на затушенный окурок в пепельнице.

«Пока моя там с твоей план «Барбаросса» составляют...»

Эта фраза эхом отдавалась в тишине. Получалось, завтрашняя встреча - не просто нейтральные переговоры. Это было настоящее свидание, к которому одна сторона активно готовится, а вторая... вторая просто надевает темно-синюю куртку и штудировать проект контракта.

Внезапно я ощутил себя неподготовленным. Не по части цифр и пунктов, а по части чего-то другого. Чего-то человеческого, что неизбежно возникнет завтра за тем столиком. Мне нужно было быть не просто четким, а еще и... каким? Сдержанно-вежливым? Не отпугивающим?

Я с отвращением отогнал эти мысли. Нет. Только дело. Только контракт. Всё остальное - несущественно. Её «разбитость», приготовления Лизы, предостережения Стаса - всё

это был фон. Шум. А мне нужно было завтра услышать суть и донести свою.

Я вернулся к ноутбуку, к холодному свету экрана. Но пальцы над клавишами замерли. Вместо юридических формулировок перед глазами почему-то стояла картина: две женщины на кухне, примеряющие шарфы, обсуждающие, как «выглядеть правильно» перед холодным, циничным офицером, который видит в них лишь сторону по сделке.

«Ой, блять», - снова мысленно выругался я, с силой нажимая на клавишу Delete, стирая целую строку. Всё шло не по плану. Уже на этом этапе. И самое противное было то, что я не понимал, как вернуть всё в русло чёткой, безэмоциональной схемы.

Глава 3. Вера Лебедева

- Не красный. Красный - это вызов. Агрессия. Слишком много эмоций для деловых переговоров», - Лиза с критическим видом разглядывала шарф, который я держала в руках. На её коленях уже лежала целая гора одежды, забракованной по разным, исключительно важным, с её точки зрения, причинам.

- Серый? - предложила я без особой надежды, показывая другой.

- Серый? Вера, ты хочешь выглядеть как мышь? Как тень? Нет, тебе нужно что-то... нейтральное, но с достоинством. Спокойное, но уверенное. Вот этот синий - в самый раз. Он у тебя глаза подчеркивает. Доверительно, но без панибратства.

Я покорно взяла предложенный синий шарф. Мягкая шерсть казалась невероятно тяжелой. Каждый его сантиметр был пропитан заботой Лизы и моим собственным, поднимающимся к горлу комом паники. Это же безумие. Завтра я иду обсуждать условия фиктивного брака с незнакомым мужчиной. И мы выбираем шарф.

Глупость ситуации была настолько оглушительной, что начала казаться нормальной. Такова, видимо, была моя новая реальность: когда твоя жизнь разбита вдребезги, ты начинаешь склеивать её из самых нелепых осколков. И цвет шарфа становится вопросом стратегической важности.

- Лиза, - голос мой прозвучал хрипло от натужного спокойствия. - Это просто деловая встреча. Контракт. Мне всё равно, в чём я буду.

- Вот именно потому, что тебе всё равно, я и должна думать за двоих! - она вскочила и начала ходить по комнате, жестикулируя. - Ты не понимаешь, ты должна с первой секунды задать тон. Ты не просительница. Ты - деловой партнёр. Равная сторона. А этот... этот Кирилл, по словам Стаса, человек-скала. Он будет смотреть на тебя как на объект, оценивать на надёжность и целесообразность. И ты не должна дать ему почувствовать ни капли жалости или, что хуже, превосходства.

Она была права. Разумом я понимала, что она права. Но всё внутри сжималось в холодный, твёрдый шар. Я не хотела быть ни объектом, ни партнёром. Я хотела, чтобы этой встречи не было. Хотела повернуть время вспять, туда, где были дурацкие, но мои проблемы: какой обои выбрать на кухню, что приготовить на ужин, почему он задерживается с работы. А не вот это: «выживет ли он на фронте» и «какую сумму просить за роль фиктивной жены».

Стас, спасаясь от нашего нервного обсуждения, сбежал к самому Кириллу.

- Пусть, у них свой мужской разговор, - бросила Лиза пока он на прощание, поспешно натягивал куртку.

И вот я сидела посреди чужой, уютной и такой чужеродной сейчас гостиной Лизы, с синим шарфом в руках, и ду-

мала о том, что завтра в три часа дня моя жизнь сделает ещё один виток в сторону абсурда.

- И ещё, - Лиза присела передо мной на корточки, беря меня за руки. Её пальцы были тёплыми, живыми. - Не молчи. Говори чётко. Спрашивай о деталях. Всё, что не прописано, - потом будет использовано против тебя. Ты не должна остаться у разбитого корыта. Никаких устных договорённостей «на честном слове». Только бумага. Подпись. Печать, если получится.

Я кивнула. Глотать было больно. Она говорила о деньгах, о гарантиях, о квартире. А я думала о другом. О том, что мне придётся притворяться. Незнакомым людям. Его родным, если позвонят. Наверное, соседям. Мне, для которой ложь всегда была пыткой, даже невинная «да, я попозже» любимому человеку, который потом оказался не любимым, а чужим и лживым. А теперь ложь должна была стать профессией. Ролевой игрой на выживание.

- Он офицер, - сказала я вдруг вслух, больше для себя. - Он привык отдавать приказы. А я... я буду должна подчиняться по контракту?

Лиза нахмурилась.
 - Ни в коем случае. Ты не солдат. Ты - арендатор с особыми условиями. Ты исполняешь оговорённые действия за оговорённую плату. Всё. Он не твой командир.

Но в этом и была загвоздка. Я чувствовала это кожей. Война, даже чужая, даже где-то там, меняет правила везде. Она

приходит в дом с запахом чужих сапог и духом железной дисциплины. Сможет ли он переключиться? Сможет ли я не сломаться под давлением этой другой, чужой мне системы?

Поздно вечером, когда Лиза наконец отступила, решив, что «образ» в целом подобран, а стратегия обсуждена, я осталась одна в тишине гостевой комнаты. Синий шарф лежал на стуле, как амулет. Я взяла телефон. Перечитала нашу короткую переписку с ним. Сухие, выверенные фразы. Ни одного лишнего слова. Ни одного смайлика. Чистая информация. Это должно было успокаивать. Но пугало. Так общаются с бездушным механизмом. Или с противником.

Я открыла браузер. Прописала в поиске: «Кирилл Воронцов». Социальные сети выдавали несколько тёзок, но ни один не подходил под описание. Никаких следов. Ни фотографий, ни постов, ни друзей. Как будто человека не существовало в цифровом мире. Только в реальном - с его приказами, окопами и... необходимостью в бумажке о браке.

Я закрыла телефон. Темнота за окном была густой, непроглядной. Где-то там был он. Сидел, наверное, в своей пустой квартире, тоже готовился к завтрашнему дню. Составлял свой список пунктов. Продумывал, как обезопасить себя от меня, эмоционально нестабильной женщины с чемоданом разбитых надежд.

Ирония ситуации была по нервам, как ток. Два одиночества, каждое в своей клетке - он в своей «скале» и пустоте, я в своей боли и страхе, - пытаются заключить сделку, чтобы

эти клетки... что? Украсить? Сломать? Или просто поставить рядом, чтобы было не так тихо?

Я легла на спину, уставившись в потолок. Завтра. Всего лишь несколько часов. Кофейня «Цикорий». Нейтральная территория. Синий шарф. Темно-синяя куртка. Мы будем как два агента на секретной встрече. Обменяемся кодовыми фразами - «сумма», «сроки», «обязанности». Подпишем виртуальный пакт о ненападении и взаимном использовании.

Но что-то внутри, какое-то ошмёток ещё живой, не закованной в броню рациональности души, тихо шептало: а что, если это дверь? Не выход из безвыходной ситуации, а именно дверь. В другую жизнь. Страшную, странную, пахнущую порохом и одиночеством, но... другую. Не ту, где тебя предали. А ту, где тебе, возможно, даже не понадобится верить. Просто - договориться.

Я зажмурилась. Нет. Никаких «дверей». Только сделка. Только конкретика. Синий шарф. Чёткий голос. Равная сторона.

- *Выживу*, - сказала я себе в темноту. - Просто переживу это, как всё остальное. Один шаг. Одно предложение за раз.

И заснула под утро с одной навязчивой мыслью: интересно, он тоже сейчас не спит, глядя в потолок и прокручивая в голове возможные сценарии завтрашнего дня? Или для него это просто пункт в плане, который не стоит лишних нервов?

Утро началось с тишины, но не спокойной. Это была ти-

шина перед выстрелом. Лиза ходила по квартире на цыпочках, украдкой поглядывая на дверь моей комнаты, будто боялась, что я рассыплюсь, если её потревожить. От этой заботы становилось только хуже. Я чувствовала себя хрустальной вазой, которую тщательно упаковывают перед отправкой в ненадёжном грузовике.

Я надела выбранное вчера - простые тёмные джинсы, нейтральный свитер и тот самый синий шарф. В зеркале смотрела на меня чужая женщина. Слишком бледная, с синяками под глазами, но собранная. Лицо закрыто. Кажется, так и нужно.

- Ты прекрасно выглядишь, - соврала Лиза, подавая чашку кофе. Её глаза выдали беспокойство. - Главное, помни: ты ничем ему не обязана, кроме того, что пропишешь на бумаге. И дыши. Если станет тяжело - выйди в уборную, позвони мне.

- Я не на допрос иду, Лиза, - попыталась я пошутить, но голос сорвался на хрипоту.

- Иногда деловые переговоры хуже допроса, - мрачно констатировала она. - Особенно когда на кону - твоя крыша над головой.

Это была правда, от которой свело желудок. Крыша над головой. Деньги на еду. Базовые потребности, которые теперь стали роскошью и предметом торга. Всё, во что я когда-то верила - любовь, доверие, совместное будущее - рассыпалось в пыль. Остался этот холодный, жёсткий расчёт. И

он был моим единственным спасательным кругом.

Я вышла на улицу раньше, чем нужно. Хотелось пройтись, чтобы унять дрожь в коленях. Город жил своей жизнью, не подозревая, что одна из тех, кто спешит по своим делам, направляется продавать своё имя и статус незнакомому мужчине. Меня окружали пары: смеющиеся, спорящие, просто идущие под руку. Я смотрела на них с каким-то отстранённым удивлением. Как они это делают? Как доверяют? Как не боятся, что в один миг всё рухнет?

Кофейня «Цикорий» оказалась тихим, полупустым местом с приглушённым светом и запахом кофейной гущи. Я пришла за десять минут. Выбрала столик у окна, спиной к стене - автоматический жест, подсмотренный в фильмах. Чтобы видеть вход. Чтобы контролировать пространство.

Сердце колотилось так громко, что, казалось, его слышно за соседним столиком. Я заказала эспрессо, просто чтобы занять руки, и уставилась в стакан с водой, пытаюсь унять панику. Равная сторона. Деловой партнёр. Чёткость. Конкретика.

Ровно в три дверь открылась. Вошёл он.

Я узнала его сразу, даже не по описанию. Не по тёмно-синей куртке. По... по манере держаться. По взгляду, который одним быстрым, сканирующим движением оценил помещение, нашёл меня, и только потом, уже целенаправленно, направился к столику. Движения собранные, экономные. Ничего лишнего. Человек, привыкший к дисциплине простран-

ства и времени.

Когда он подошёл ближе, я смогла разглядеть лицо. Не старое, но и не молодое. Лицо, на котором усталость и какая-то внутренняя стянутость отпечатались глубже, чем морщины. Глаза серые, холодные, как речная галька в ноябре. В них не было ни любопытства, ни неприязни. Просто оценка.

- Вера? - голос низкий, ровный, без интонации. Констатация факта.

Я кивнула, слишком сжав гортанные мышцы, чтобы произнести «да».

- Кирилл, - представился он, коротко кивнув. Не протянул руку. Просто отодвинул стул и сел напротив. Неловкой неловкости не было. Была тишина, напряжённая, как струна.

Официантка подошла, нарушив натянутость момента. Он заказал чёрный кофе, даже не взглянув в меню. Я сделала глоток своего уже остывшего эспresso.

Он достал из внутреннего кармана куртки сложенный лист бумаги и положил его на стол между нами. Не тетрадь, не папка. Один лист.

- Я подготовил проект основных положений, - сказал он, не глядя на меня, а на лист. - Рекомендую начать с этого, чтобы обозначить рамки.

Всё. Никаких предисловий. Никаких «как ваши дела» или «погода отвратительная». Прямо в суть. Это было одновременно пугающе и... облегчающе. Не нужно было надевать со-

циальные маски, играть в светскую беседу. Только дело.

Я взяла лист. Чёткий, рубленый шрифт. Пункты, подпункты. 1. Предмет договора. 2. Обязанности Стороны А (его). 3. Обязанности Стороны Б (мои). 4. Финансовые условия. 5. Конфиденциальность. 6. Расторжение.

Мои глаза побежали по строчкам. **«Сторона Б обязуется поддерживать статус законной супруги Стороны А в глазах третьих лиц (родственники, командование) в пределах, оговоренных в Приложении 1... Сторона А обеспечивает Стороне Б беспрепятственное проживание по адресу: ... и выплачивает ежемесячную компенсацию в размере...»**

Цифра была... справедливой. Чуть выше, чем я ожидала. Это обожгло. Не радостью, а каким-то жгучим стыдом. Моя жизнь, моя безопасность оценивались в конкретную сумму. И я была согласна.

Я подняла на него глаза. Он смотрел на меня, ожидая. Его взгляд был как у хирурга: не на лицо, а на реакцию.

- Пункт 3.4, - сказала я, и мой голос прозвучал удивительно чётко. - «Недопустимость деструктивного поведения, влияющего на репутацию Стороны А или условия договора». Это можно конкретизировать? Что подразумевается под «деструктивным поведением»?

Он слегка наклонил голову, будто такой вопрос его не удивил, а лишь подтвердил, что я тоже готова работать с текстом.

- Публичные скандалы, злоупотребление алкоголем в общих зонах, приведение в квартиру посторонних лиц без предварительного уведомления, если это может создать угрозу моей репутации или безопасности имущества, - отчеканил он. Список не исчерпывающий, но базовый. Готов внести уточнения.

- А что считается «предварительным уведомлением»? - не отступала я, чувствуя, как внутри просыпается тот самый «деловой партнёр». Страх отступал, его место занимала концентрация. Это был язык, на котором я могла говорить. Язык условий и оговорок.

- За 24 часа. В письменной форме. Смс или мессенджер достаточно.

Мы погрузились в обсуждение. По пунктам. Фраза за фразой. Он был жёсток, но корректен. На каждое моё «а если» у него был готовый ответ, часто с отсылкой к возможным юридическим коллизиям. Он продумал всё. Каждую лазейку. Это восхищало и пугало одновременно. С таким человеком страшно было бы враждовать. Но, возможно, безопасно - сотрудничать на чётких условиях.

Обсуждали деньги, график возможных его визитов (крайне редких, в основном для решения бюрократических вопросов), порядок коммуникации с его родными (кратко, нейтрально, ничего личного).

Когда мы дошли до конца листа, кофе был давно допит. В кофейне стало немноголюдно, но вокруг нашего столика

по-прежнему витала зона отчуждения.

Он откинулся на спинку стула, впервые за весь разгляд позволив себе едва заметное движение - провёл ладонью по подбородку.
 «Вопросы по существу?»

Я смотрела на этот лист, испещрённый нашими пометками. Здесь было всё. Всё, кроме одного.
 - А что насчёт... самой церемонии? - спросила я тихо. - И... документов потом?

Он не моргнул.
 - Чистая формальность. Будет назначен день в ЗАГСе. Явка обязательна. Свидетелей приведу я. После получения свидетельства вы сможете въехать. Ваши данные нужны будут для регистрации. Больше от вас ничего не потребуется.

Больше ничего. Ни колец, ни поцелуя, ни даже фальшивой улыбки для фотографии. Чистый акт подписания. Как при приёме на работу.

Я посмотрела в окно. По улице шла пожилая пара, медленно, держась за руки. Мой бывший, наверное, сейчас с ней, с той, другой. Строит новую жизнь на обломках моей.

Я повернула голову к Кириллу. К этому человеку-скале, человеку-договору.
 - Я согласна.

Он кивнул, один раз, коротко.
 - Хорошо. Я внесу наши правки и пришлю вам чистовик для ознакомления завтра. После вашего подтверждения назначим дату.

Он поднялся. Встреча была окончена. Цель достигнута.
 - До связи, - сказал он и, сделав паузу, добавил, - Ве-

ра.

И ушёл. Так же быстро и незаметно, как и появился.

Я осталась сидеть, глядя на его пустую чашку и смятый лист бумаги между нами. Всё. Сделка заключена. Теперь у меня есть план. Есть цифры. Есть адрес. Есть... фиктивный муж, который только что ушёл, не оглянувшись.

Облегчения не было. Был только огромный, всепоглощающий холод. Холод расчёта, который теперь должен был согреть меня вместо любви. Я медленно сложила тот лист, этот странный брачный контракт, суть моей новой жизни, и сунула его в сумку.

Потом достала телефон и написала Лизе:
 «Всё. Согласилась».

Ответ пришёл почти мгновенно:
 «Держись. Еду за тобой».

Я закрыла глаза. Следующий шаг - просто дождаться её. А потом - подписать бумагу. А потом - начать жить по этим пунктам и подпунктам. Один за другим. День за днём.

Жизнь по контракту. Казалось, хуже уже некуда. Но где-то в глубине, подо всем этим холодом, шевелился крошечный, едва уловимый вопрос: а что, если для такой жизни, как моя сейчас, контракт - это и есть самая надёжная форма любви? Та, которая не обещает счастья, но гарантирует от предательства.

Пятничный вечер выдался странно спокойным. Тихим. Мы с Лизой сидели на её кухне - она за ноутбуком, я с чаем и

книгой, которую уже двадцать минут не могла читать, просто перебирала страницы. В голове гудело. Как низкочастотный гул после взрыва. Там были мысли о контракте, который вот-вот придёт, о скором визите в ЗАГС, о пустой чужой квартире, где мне предстояло жить. Они кружились, сталкивались, но не складывались в картину. Просто белый шум тревоги.

Лиза украдкой поглядывала на меня, время от времени что-то бурчала про дурацкую отчётность на работе. Её заботливая суета поутихла, сменившись этим осторожным, наблюдательным спокойствием. Она давала мне время не говорить, не решать, просто - быть. И за это я была ей безмерно благодарна.

Тишину взорвал Стас. Он влетел на кухню не как человек, а как порыв ветра - с хлопнувшей дверью, грохотом ключей о тумбу и широкой, хитрой улыбкой.
- Так, девчат! - объявил он, потирая руки. - У меня к вам деловое предложение по развлекательной программе на субботу-воскресенье!

Лиза подняла на него взгляд, полный скепсиса и предчувствия.
- Что ты уже придумал? - спросила она, откладывая ноутбук.

Я просто смотрела на него, чувствуя, как внутри всё настораживается. «Деловое предложение» от Стаса после всего, что случилось за последние дни, звучало как минимум тревожно.

- Не я! - отмахнулся он, грациозно уклоняясь от возможной претензии в авантюризме. - Андрюха. Наш с Кирюхой

сослуживец. Он со своей женой приглашает нас на дачу. Грибы там, шашлык, воздух... Отдохнуть. Всё культурно.

«Кирюха». Мои пальцы непроизвольно сжали край страницы. Сердце сделало один тяжёлый, неровный удар где-то в районе горла.

Лиза уже открыла рот, чтобы что-то сказать, но Стас выпалил главное, его глаза весело блеснули, наблюдая за нашей реакцией:
- Ну и Кирюха ляпнул, что с невестой будет.

В кухне повисла тишина. Но уже другая. Густая, звонкая от недоумения.

Лиза медленно, очень медленно закрыла рот. Потом её брови полезли к волосам.
- Вот это он скорострел, - выдохнула она, и в её голосе читалось смешанное чувство: уважение к дерзости, ужас и дикое любопытство.

Я же не могла издать ни звука. В голове будто перемкнуло. «С невестой». Он сказал им про меня. Не «со стороны по контракту», не «с гражданкой, которую я нанимаю». С «невестой». Это слово, чужое, вымышленное, ударило с неожиданной силой. Оно обволакивало нашу грязную, циничную сделку фальшивым, почти что романтическим флёром. И это было невыносимо. И... страшно.

Все мои тщательно выстроенные внутренние баррикады, вся рациональность, на которую я опиралась, вдруг дала трещину. Потому что это выводило нашу авантюру из зоны чёрно-белых документов в зону живых людей. В зону, где будут другие пары - настоящие. Где нам придётся... притворяться.

Вдвоём. Не по переписке и не наедине в ЗАГСе, а среди людей, которые, возможно, будут смотреть на нас с улыбкой, с теплом. И нам придётся это отражать. Мне придётся смотреть на него не как на контрагента, а как на «жениха». А ему - касаться меня, возможно, для виду. Говорить обо мне что-то.

Меня затрясло изнутри. Мелкой, холодной дрожью.

- Вера? - осторожно позвала Лиза, заметив, должно быть, как я побелела.

- Он... он что, с ума сошёл? - наконец выдавила я из себя. Голос звучал тонко и срывался. - Зачем? Мы же договорились о... о минимальном взаимодействии! Это же сразу люди, взгляды... Игра!

Стас, видя мою панику, поумерил пыл. Он прислонился к дверному косяку, сложив руки на груди.
 - Слушай, не кипятись. Андрюха - свой. Нормальный мужик. Жена у него, Катька, - золото. Никто тебя на части рвать не будет. А Кирилл... - он усмехнулся, - Кирилл, видимо, решил, что нужно ввести легенду в оборот. Опросить её в боевых, так сказать, условиях. Перед своими. Чтобы потом, когда вдруг спросят родственники или ещё кто, не споткнуться. Рационально, в общем.

«Рационально». Да, это было на него похоже. Это был полевой тест. Проверка нашей способности поддерживать легенду под давлением социального окружения. Никаких чувств. Только функционал.

Но от этого осознания не стало легче. Стало только страшнее. Потому что я была к этому не готова. Я ещё даже не подписала контракт, а меня уже бросают в самое пекло - изображать счастье с человеком, который для меня всего лишь набор строгих пунктов на листе бумаги.

- Я не могу, - прошептала я, глядя в стол. - Я не актриса. Они всё поймут. Они увидят, что мы... что мы чужие.

- Нифига не поймут, - уверенно заявил Стас. - Все только пожмут руку, скажут «очень приятно» и уйдут жарить мясо. Это же не допрос с пристрастием. Это просто выезд на природу. Ты подышишь воздухом. Отвлечёшься от... всего этого. - Он сделал широкий жест, включая в «это» и мою старую жизнь, и новую авантюру.

Лиза смотрела на меня, её взгляд был тяжёлым, взвешивающим.
- А что, может, и правда стоит? - сказала она осторожно. - Сидеть тут и накручивать себя - только хуже. А там... Хоть посмотришь на него в неформальной обстановке. Не как на статую, а как на человека. Может, станет чуть менее страшно.

«Посмотреть на него как на человека». Вот что было самым пугающим. Потому что в кофейне я видела именно статую. Холодный, расчётливый механизм. А что, если на природе этот механизм даст сбой? Что, если я увижу что-то человеческое? Улыбку? Раздражение? Усталость? Это сломает всю хрупкую конструкцию, в которой он - просто сторона «А», а я - сторона «Б».

Но Лиза была права в другом. Сидеть и ждать, когда придёт контракт, а потом ехать в ЗАГС, было невыносимо. Это ожидание съедало изнутри. А тут - действие. Пусть и страшное. Пусть и фальшивое.

Я подняла глаза. На Стаса, который смотрел на меня с выжидающим оптимизмом. На Лизу, в глазах которой читалась поддержка и понимание моего ужаса.
 - А вы... вы оба поедете? - спросила я, и это прозвучало как мольба о спасательном круге.

- Конечно! - хором ответили они. - Мы тебя не бросим. Это «не бросим» стало решающим. Я была не одна. У меня есть тыл. Свидетель. Друг.

Я сделала глубокий, дрожащий вдох.
 - Ладно, - сказала я, и моё согласие прозвучало как капитуляция. - Поедем.

Стас широко улыбнулся.
 - Вот и отлично! Я Кирюхе смску кину. Он, кстати, наверное, уже офигевает от своей же смелости.

Лиза фыркнула.
 - Думаю, да. Представляю, как он сейчас в своей пустой квартире сидит и думает: «И зачем я это ляпнул?»

Я представила. Представила его - Кириллу - сидящим в той самой пустоте, которую он описывал Стасу. И теперь ему предстояло заполнять её не только моим присутствием в будущем, но и вот этой целой поездкой, этой сложной игрой. Может быть, ему тоже было страшно? Нет, не страшно. Скорее... раздражённо. Как перед нештатной, но необходимой

проверкой.

Я снова уставилась в свою чашку, но уже не видела её. Перед глазами стоял лес, мангал, незнакомые лица. И он. Рядом. Мне нужно будет взять его под руку? Улыбаться, когда он представит меня? Как к нему обращаться? «Кирилл»? «Кирюша»? Последнее заставило меня внутренне содрогнуться.

Это будет самый странный и неловкий уик-энд в моей жизни. Но, кажется, назад дороги уже не было. Легенда была запущена. И мне предстояло в ней жить. Всего через несколько часов.

Ночь прошла в лихорадочных метаниях между сном и явью. Каждый раз, когда я начинала проваливаться в забытие, мозг услужливо подкидывал картинку: я стою у мангала, а какой-то незнакомый Андрюха хлопает Кирилла по плечу и вопросительно смотрит на меня. Или его жена, Катя, задаёт какой-нибудь простой, убийственный вопрос вроде: «А как вы познакомились?». И я замираю, а Кирилл молчит, и тишина становится гулкой, как перед обвалом.

Под утро я сдалась, встала и начала готовиться с маниакальной тщательностью. Что берут на дачу? Тёплую одежду, потому что уже осень. Удобную обувь. Что-то, что не жалко испачкать. Каждый предмет, который я клала в сумку, казался мне частью маскарадного костюма. Я одевалась не для себя, а для роли. Роли невесты.

Лиза, заметив мою нервозность, накормила меня завтра-

ком почти насильно и сама подобрала мне «образ»: «Не слишком нарядно, чтобы не выглядеть выпендрёжной, но и не в потрёпанных трениках, чтобы про тебя не подумали, что ты ему не пара». В итоге я была одета в джинсы, замшевые ботинки и объёмный свитер цвета хаки. «Естественно и непринуждённо», - заключила Лиза, заплетая мне тугую, аккуратную косу. Я чувствовала себя не естественно, а как солдат перед принятием присяги.

Стас тем временем весело суетился, собирая уголь, маринад для мяса и пару бутылок вина. «Расслабься, Вера, всё будет чики-пуки!» - бодро говорил он, но в его глазах я читала ту же настороженность, что и у Лизы. Они волновались за меня. И это волнение было мне единственной опорой.

Ровно в десять раздался звонок в домофон. Стас щёлкнул кнопкой: «Спускаемся!».

Сердце ушло в пятки, откуда его пришлось буквально вытаскивать силой воли. Я взяла свою нелепую сумку, надела куртку и вышла на лестничную площадку. Лиза обняла меня за плечи коротким, крепким объятием: «Держись. Мы рядом».

Мы спустились. У подъезда стоял тот самый старенький внедорожник, который я мельком видела, когда мы с Кириллом расставались у кофейни. Он стоял рядом с машиной, спиной к нам, что-то проверяя в багажнике. В тёмных джинсах и простой чёрной куртке он выглядел... обычным. Не офицером, не «стороной А». Просто мужчиной, который со-

брался на природу.

Услышав наши шаги, он обернулся. Его взгляд скользнул по Лизе и Стасу, а затем приземлился на мне. На секунду - просто констатация факта: объект прибыл. Но в следующее мгновение в его глазах промелькнуло что-то сложное. Не раздражение, а скорее... сосредоточенная готовность. Как у человека, который видит приближающуюся задачу и мобилизуется.

- Всё, погрузились, - сказал Стас, разряжая натянутую тишину, и кинул свой рюкзак в багажник.

- Вера, - кивнул Кирилл, здороваясь. Просто назвал меня по имени. Ни «привет», ни улыбки. И почему-то это было лучше любой фальшивой приветливости.

- Здравствуйте, - выдохнула я, чувствуя, как глупо звучит это официальное «здравствуйте» в такой ситуации.

- Поехали? - он уже открывал переднюю пассажирскую дверь, явно намекая, что мне следует сесть рядом. Часть легенды. Невеста рядом с женихом.

Я бросила умоляющий взгляд на Лизу, но та только ободряюще подмигнула и полезла на заднее сиденье со Стасом. Предатели.

Мне ничего не оставалось, как сесть рядом с ним. Дверь захлопнулась с глухим звуком, отрезав меня от своего тыла. В салоне пахло кожей, бензином и чем-то холодным, металлическим. Его запах. Сдержанный, чистый, без парфюмерных нот.

Он завёл двигатель, включил передачу. Машина тронулась плавно. Тишина в салоне была оглушительной. Сзади Стас и Лиза перешёптывались, но их шёпот только подчёркивал напряжённое молчание между нами.

Глава 4. Кирилл Воронцов

Идея с дачей была спонтанной глупостью. Андрей позвонил, сказал, что с Катей на выходные за город, зовёт «собратьях». Я, автоматом, отбрил: «Не могу, дела». На что он, хитрый, паузу выдержал и спросил: «Какие ещё дела? У тебя же два месяца увольнительных, как у новобрачной». Я проямлил что-то невнятное, а потом, сам не поняв зачем, ляпнул: «С невестой встречаюсь». Молчание в трубке было таким плотным, что его можно было резать. Потом Андрей медленно сказал: «Значит, так. Берёшь невесту, берёшь Стаса с его Лизой, приезжаете. Иначе приеду сам и лично проверю, какого хрена ты врёшь».

Вот так я и влип. Пришлось звонить Стасу, тот, естественно, обрадовался. Сказал, что Вера согласилась, но только из-за Лизы. Честно говоря, я даже удивился. Думал, после нашей ледяной встречи в «Цикории» она на этом цирке поставит крест. Но нет. Видимо, безвыходность - великий мотиватор.

Подъезжает машина Стаса. Из неё выходят сначала Лиза - энергичная, с сумкой, похожей на походный рюкзак. Потом - Вера.

Она выглядит... собранной. Тёмные джинсы, простой свитер, тот самый шарф, который был в кофейне. Волосы собраны. Никакой паники в глазах, которые она поднимает на

меня. Сухой, деловой взгляд. Как на переговорах. Мне это даже нравится.

- Не опоздали? - спрашиваю, туша окурок.

- На минуту раньше, - парирует Лиза. - Вера, кстати, пунктуальна до дрожи.

Вера молча кивает. Вижу, как она сжимает ручку небольшой сумки. Напряжена, конечно. Но держится.

- Поехали? - Стас уже за рулём.

- Давайте, - говорю я и открываю заднюю дверь, пропуская Веру. Сажусь рядом. Запах её духов - что-то лёгкое, травянистое, не сладкое. Ничего общего с тем густым, удушающим ароматом, который любила моя последняя... не важно.

Машина трогается.

Первые минут десять едем молча. Лиза и Стас болтают на переднем сиденье, пытаясь создать видимость непринуждённости. Получается плохо.

- Нам нужно обсудить легенду, - тихо говорю я, глядя в окно. - Андрей и Катя - мои друзья. Они будут копать.

Вера поворачивается ко мне. В её взгляде - ожидание инструкции.

- Как познакомились? - спрашиваю.

- Через друзей, - быстро отвечает она. - Через Лизу и Стаса. На... вечеринке.

- Хорошо. Когда?

- Месяц назад.

- Почему так быстро решились на брак?

Она замирает. Видно, как работает мозг. Ищет логичное, но не сентиментальное объяснение.

- У тебя - служба. Уезжаешь. У меня... были свои причины не тянуть. Мы оба взрослые люди и понимали, чего хотим.
- Её голос ровный, без дрожи. Отличная формулировка. Деловая, но не циничная.

- Что нравится друг в друге? - продолжаю допрос.

Она смотрит на меня, и в её глазах мелькает что-то вроде усталой иронии.

- Ты - серьёзный, ответственный. Знаешь, чего хочешь. - Пауза. - А во мне тебе что нравится?

Вопрос неожиданный. Ловлю себя на том, что не могу сразу ответить. Потом говорю первое, что приходит в голову:

- Ты не назойливая. И не играешь в игры.

На её губах появляется что-то вроде слабой улыбки.

- Это правда.

- Ладно, - говорю я. - Главное - не переигрывать. Они не дураки. Будут наблюдать. Держись естественно. Можно... быть немного сдержанной. Это даже впишется.

- В образ холодной невесты по расчёту? - уточняет она.

- В образ моей невесты, - поправляю я, и почему-то это звучит грубее, чем я планировал. Она отводит взгляд.

Остаток пути молчим.

Дача Андрея - добротный дом под Питером. Свет в окнах, дым из трубы. Припаркованы рядом, выходим. Вера глубоко вдыхает холодный воздух.

- Готова? - тихо спрашиваю я.

- Нет, - так же тихо отвечает она. - Но пойдёмте.

Дверь распахивается ещё до того, как мы поднялись на крыльцо. На пороге - Андрей, мощный, с медвежьей улыбкой, а за его спиной - Катя, хрупкая, с острым, оценивающим взглядом.

- Наконец-то! - гремит Андрей, обнимая меня так, что хрустят рёбра. - Показывай свою загадочную невесту!

Катя мягко отодвигает его в сторону и подходит к Вере первой. Смотрит ей прямо в глаза.

- Я Катя. Очень рада.

- Вера, - говорит моя «невеста», и её голос звучит спокойно и уверенно. - Спасибо за приглашение.

Рукопожатие. Взгляд Кати смягчается на полградуса. Пока всё.

- Заходите, заходите, тут дубак! - Андрей всех загоняет внутрь.

В доме пахнет печью, едой и чем-то домашним, чего в моей жизни не было лет десять. Стас и Лиза сразу вливаются в атмосферу, сбрасывая верхнюю одежду с привычной ease.

Вера стоит посреди прихожей, немного потерянная. Я машинально помогаю ей снять пальто. Наша близость внезапна и неестественна. Она замирает, я чувствую напряжение её плеч.

- Расслабься, - бормочу я ей на ухо, вешая пальто на крючок. - Худшее уже позади.

- Это встреча? - так же тихо спрашивает она.

- Нет. Это проверка на прочность.

Катя ведёт нас на кухню, где уже накрыт стол. Простая, но обильная еда. Водка, вино.

Садимся. Андрей сразу наливает всем.

- Ну что ж, - поднимает он рюмку. - За неожиданную, но такую приятную новость! За Веру! Давно хотел посмотреть, какая женщина сможет этого замшелого циника до алтаря довести!

Все смеются. Я улыбаюсь криво. Вера поднимает свой бокал с вином. Её улыбка - лёгкая, сдержанная, не восторженная, но и не холодная. Идеально.

- За здоровье, - говорит она просто.

Выпиваем. Начинается допрос под соусом закусок и шуток.

- И как же вы сошлись характерами? - интересуется Катя, накладывая Вере салат. - Кирилл - человек... специфический.

Вера бросает на меня быстрый взгляд. В нём - не паника, а расчёт.

- Мы, наверное, похожи, - говорит она, возвращая взгляд Кате. - Не любим пустых разговоров. Ценим ясность.

- И что, сразу поняли, что это оно? - не унимается Андрей.

- Сразу поняли, что хотим попробовать, - поправляет Вера. Её ответ нравится мне. Никаких сказок про любовь с первого взгляда. Честно и здраво.

Разговор течёт дальше. Вера мало говорит, но когда говорит - по делу. Слушает внимательно. Отшучивается, когда нужно, легко и без надрыва. Она играет. Но играет так тонко, что я, зная правду, почти начинаю верить в этот образ: умной, немного уставшей от жизни женщины, нашедшей в другом таком же уставшем человеке тихую гавань.

В какой-то момент Катя уводит всех женщин помогать с десертом. Андрей хлопает меня по плечу.

- Ну ты даёшь, Воронцов. Молчал как партизан. Она... ничего. Серьёзная. Не похожа на твой обычный тип.

- Я и не выбирал по типу, - отрезаю я.

- А по чему тогда? - Андрей смотрит на меня пристально.

- По принципу «подходит», - отвечаю я и закурываю, отходя к окну.

Из кухни доносится смех Лизы и спокойный голос Веры, что-то объясняющей. Андрей подходит ко мне.

- Смотри, Кирилл... Ты мне как брат. Ты уверен в том, что делаешь? Не горишь? - Его голос теряет шутливый тон.

Я смотрю на огонёк сигареты.

- Всё рассчитано, Андрей. Всё под контролем.

Но глядя в тёмное окно, где отражается комната с теплом, едой и приглушёнными голосами, я впервые сомневаюсь в этом. Потому что этот спектакль, эта ложь... почему-то чувствуется здесь и сейчас более настоящей, чем всё, что было в моей жизни до этого. И это пугает больше, чем любой арт-обстрел.

Андрей прищурился, ещё раз хлопнул меня по плечу, видимо, решив, что копать дальше бесполезно.
 - Ладно, молчун. Пошли баню топить. Стас! - крикнул он через всю комнату.
 Стас, стоявший на подхвате у Лизы с тарелками, облегчённо вздохнул.
 - Я не против, но мне приказано, - шутливо согнулся он в поклоне.
 - Я тут главный! Марш за мной!

Мы вышли в предбанник - прохладное, пахнущее деревом и дымом помещение. Андрей щедро закинул в топку берёзовых поленьев, чиркнул зажигалкой.
 - Топится быстро, - проворчал он, закрывая дверцу. - Час - и парилка готова. Садитесь.

Мы устроились на широкой лавке. Стас тут же достал пачку сигарет, раздал. Молча закурили. Шипение дров в печи было единственным звуком. Тишина между нами не была неловкой - она была привычной, мужской, заполненной не словами, а их отсутствием.

Первым не выдержал, конечно, Андрей.
 - Так что, правда, через Стаса познакомились? - спросил он, выпуская кольца дыма.
 - Ага, - кивнул я.
 - И что, сразу понравилась?
 Я посмотрел на тлеющий кончик сигареты.
 - Она не глупая. Не ноет. Не лезет с дурацкими вопросами.
 - Высшая похвала от Воронцова, - фыркнул Стас. - «Не ноет». Уже почти признание в любви.
 - Заткнись, - беззлобно бросил я ему. - Ты-то тут при чём вообще? Устроитель.
 - Устроитель счастья! - парировал Стас. - Лиза

сказала - Вере сейчас тяжело, крыши над головой нет, а ты, Кирилл, как раз в поисках... пары для бумажки. Симбиоз, понимаешь?

Андрей внимательно смотрел на меня сквозь дым.
 - Пару для бумажки, - медленно повторил он. - Кирилл... Это же не твой стиль. Ты всегда был... одиноким волком. Даже с бабами. Всё временно, всё на расстоянии. А тут - ЗАГС, квартира...
 - Квартира пустует, - резко перебил я. - Деньги ей нужны, мне - статус. Всё честно. Никаких обязательств. Я уезжаю, она живёт. Всё.
 Я сказал это слишком жёстко, слишком оборонительно. Андрей понял. Его взгляд стал тяжёлым, понимающим.
 - Понял. Ты на войну возвращаешься. И хочешь, чтобы хоть кто-то... знал, что ты вообще живой. Или не живой.
 В бане стало тихо. Только дрова потрескивали.
 - Да не в этом дело, - про- бормотал я, но звучало это фальшиво.
 - В этом, брат, - тихо сказал Андрей. - В этом и дело. Когда тебя никто не ждёт - ты и солдат, и мишень, и призрак. А когда ждут... ты уже человек. Хоть на бумаге.
 Он встал, открыл топку, бросил ещё пару поленьев. Яркое пламя осветило его грубо- ватое, знакомое до боли лицо.
 - Я за тебя рад, - не глядя на меня, сказал он. - Фикция, не фикция... Не важно. Глав- ное, что ты не один сейчас здесь. И там... - он махнул рукой куда-то в сторону фронта, - там, будем считать, тоже не со- всем один.
 Стас молча курил, глядя в пол. Видимо, да- же его легкомысленная натура прониклась серьёзностью мо-

мента.
 - Она хорошая, - неожиданно сказал Стас. - Вера. Надломленная, но сильная. Не сломается, пока ты там. Лиза говорит, она из тех, кто держит слово.
 «Держит слово». Простая формулировка. Но в нашем с ней договоре - это была единственная валюта. Доверие было невозможной роскошью. А слово... слово можно было дать и взять.

- Ладно, хватит тягомотины! - Андрей стряхнул пепел. - Щас банька дойдёт, всех девок позовём, попаримся, водки выпьем! Ты, Воронцов, должен будешь тост сказать! За невесту!
 - Андрей...
 - Без отговорок! Тренируйся. А то в ЗАГСе язык отсохнет.
 Он засмеялся, и напряжение спало. Мы стали обсуждать, как будем париться, кто кого венником отхлещет. Обычный мужской треп. Но слова Андрея висели в воздухе, смешиваясь с запахом хвои и дыма. «Когда ждут... ты уже человек. Хоть на бумаге».

Я снова закурил, глядя на языки пламени за жарочным стеклом. Вспомнил, как Вера стояла в прихожей, как её плечи напряглись под моими пальцами, когда я помогал снять пальто. Как она сдержанно улыбалась за столом, отвечая на вопросы. Не играла в счастье. Играла в достоинство. И, возможно, именно это и выглядело правдой.

Скоро идти обратно, в комнату, где сидела она - мой бумажный якорь, моя временная жена, мой единственный контакт в тылу. И нужно будет продолжать спектакль. Но почему-то мысль об этом уже не вызывала того раздражения и желания сбежать, что было в кофейне. Было скорее чув-

ство... ответственности. Не по контракту. А перед ней. Перед этой хрупкой, надломленной, но не сломавшейся женщиной, которая согласилась стать частью моей лжи.

Печка раскалилась докрасна. Жар начал просачиваться в предбанник.
 - Готово, - удовлетворённо сказал Андрей. - Пойдёмте, зовите дам. Эх, вечер-то какой хороший закручивается...
 Я потушил окуроч. Час в парилке. Ещё пара часов за столом. Потом обратная дорога в машине, наедине с Верой. Новая порция молчания или новых, уже не придуманных, а настоящих вопросов.

Баня была готова. А я - нет. Но отступать было некуда.

Андрей распахнул дверь в дом и рявкнул нараспев:
 - Парилка ждёт, прекрасные дамы! Кто заказывал порцию лёгкого пара и берёзового веника?

Из кухни донёсся смех и возгласы. Через мгновение в предбанник ввалились женщины. Лиза - с азартом в глазах, Катя - с хозяйственным видом, Вера - чуть позади, с осторожным любопытством. На ней были уже не джинсы и свитер, а тёмный, простого кроя спортивный костюм. Волосы были стянуты в тугой хвост, без единой выбившейся пряди. Готовность к процедуре, но без намёка на кокетство. Как на задание.

- Раздевайся, Воронцов, не стесняйся! - скомандовал Андрей, уже скидывая футболку. - Дамы, вам отдельная раздевалка за шторкой, всё цивильно!

Мы стали переодеваться в просторные, грубые полотня-

ные штаны. Я поймал взгляд Веры, прежде чем она скрылась за ситцевой занавеской. В её глазах мелькнула тень паники - не из-за раздевания, а из-за предстоящей близости, этой странной, вынужденной интимности в парилке. Я едва заметно кивнул, пытаясь передать: «Всё нормально». Она отвела взгляд.

Через пару минут мы уже сидели в предбаннике на лавках, завернувшись в простыни. Андрей, как хозяин, пошёл проверять пар.

- Эх, красота! - донёсся его голос изнутри. - Заходи, кто смелый!

Первой влетела Лиза с визгом. Потом Катя. Стас потянул за собой Веру. - Не бойся, в самый раз, не горячо ещё!

Она шагнула через порог, и я последовал за ней.

Жар обрушился плотной, ласковой волной. Воздух пах берёзовым листом, мёдом от веников и древним, чистым деревом. Мы устроились на разных ярусах: Андрей, Стас и я - на верхней полке, женщины - внизу.

Первые минуты прошли в молчании, пока тело привыкало к температуре. Я видел, как Вера сидит, сгорбившись, обхватив колени руками. Она смотрела на каменку, где шипели капли воды. Её профиль в полумраке парилки казался очень чётким и немного потеряннным.

- Ну что, Кирилл, с твоей-то невестой как? - начал Андрей, поливая каменку ковшом воды. Шипение стало громче, пар взметнулся густой, обжигающей пеленой. - Не боится

баньки?

Все посмотрели на неё. Она медленно подняла голову.
 - Боюсь, - сказала она честно. И добавила, уже с лёгкой, едва уловимой иронией: - Но раз уж попала в такую компанию, придётся терпеть.

Катя тихо рассмеялась.
 - Правильно. У нас тут традиция: кто в баню зашёл - тот свой. Даже если пришёл в первый раз.

Андрей взял веник, похлопал себя по плечам.
 - Вера, а ты Кириллу веником похлопать не хочешь? У нас тут такая примета: если невеста в бане мужа попарит - к долгой и счастливой жизни!

Мне захотелось провалиться сквозь полку. Глупая, пьяная шутка. Я уже открыл рот, чтобы как-то отшутиться, но Вера отреагировала первой.

Она спокойно поднялась с нижней полки, подошла к бочку с вениками и выбрала один - берёзовый, пушистый.
 - Приметы - дело хорошее, - сказала она своим ровным, чуть глуховатым голосом. - Но я, наверное, пока не готова отвечать за чью-то долгую жизнь. Могу просто подать.

И она протянула мне веник ручкой вперёд. Её взгляд был спокоен и немного устал. Никакого вызова, никакого смущения. Простой, элегантный выход из дурацкой ситуации. Она не отказала напрямую, не сыграла в стеснительную невесту, а просто перевела всё в практическую плоскость.

Я взял веник. Наши пальцы на секунду соприкоснулись.

Её рука была горячей от пара.
 - Спасибо, - сказал я.
- Да ничего, - она вернулась на своё место.

Андрей присвистнул.
 - Осторожная. Умная. Ну, Кирилл, брат, может, ты и правда клюнул на умную. Ладно, давайте по-честному - плеснем на каменку аромамасла, Катя принесла.

Началась обычная банная рутина: поддавали пару, хлестались вениками, обливались холодной водой из таза на улице. Вера участвовала во всём сдержанно, но без отказов. Когда Лиза с визгом выбежала на мороз, она после секундного колебания последовала за ней. Вернулась румяная, с каплями воды на ресницах, и села рядом со мной на полке, уже не так напряжённо.

Мы сидели плечом к плечу, молча, слушая, как Андрей доказывает Стасу, как правильно париться. Жар пожирал все мысли, оставляя только простые ощущения: жжение в лёгких, тяжёлую сладость расслабления в мышцах, тепло от её плеча, почти касающегося моего.

И в этом мутном, распаренном состоянии ко мне пришла простая мысль. Мы оба здесь - притворщики. Но в этой бане, под этим жаром, среди этого смеха и пара, наша ложь почему-то не казалась такой уж чужеродной. Она таяла, как снег на раскалённых камнях. Оставалось что-то простое: два человека, которым, по большому счёту, некуда больше идти. И которые нашли временное, шаткое пристанище в чужой даче, среди почти чужих людей.

Катя объявила, что пора на перерыв, на закуску и чай. Мы, словно сонные, потянулись из парилки.

Вера вышла одна из первых. Я задержался, завернувшись в простыню, глядя ей вслед. Она остановилась у окна в предбаннике, глядя на тёмный сад за стеклом. Её силуэт на фоне ночи был очень чётким и одиноким. Таким же одиноким, как и мой.

Андрей толкнул меня локтем в бок. - Иди уже, - пробормотал он. - Невеста-то твоя загрустила, может, слова доброго ждёт.

Я фыркнул, но шагнул вперёд. Не к ней. Просто в дом, где нас ждал стол, чай, и ещё несколько часов этой странной, вынужденной, но уже не такой невыносимой близости.

Я вышел из парилки последним, завернувшись в грубую простыню. Воздух предбанника показался ледяным после той адской печи. Андрей и Стас уже шумели у стола, открывая пиво. Женщины переодевались.

И тогда я увидел её. Вера стояла у большого окна, за которым лежала чёрная, беззвёздная ночь. Она была укутана в банный халат поверх полотенца, подарённого Катей. Сидела она на подоконнике, подобрав под себя ноги, и смотрела в темноту, где угадывались только силуэты голых деревьев. Её волосы, распущенные после бани, были ещё влажными и темнее обычного. Они скрывали её лицо, когда она наклонила голову.

Я сделал шаг в её сторону. Половицы под ногами скрип-

нули. Она не обернулась, но, кажется, напряглась.

Я остановился в паре шагов, прислонившись к косяку. Она продолжала молчать, будто не замечая меня. Но я чувствовал - она знает, что я здесь.

- Не замёрзнешь? - спросил я, и мой голос прозвучал хрипло от пара и неловкости. Глупый вопрос. Очевидный. Просто чтобы что-то сказать.

Она медленно повернула голову. Её лицо было покрасневшимся от жара, кожа почти прозрачной. Глаза казались очень большими и тёмными. В них не было паники, как раньше. Была усталость и какая-то отстранённая ясность.

- Просто там жарко, - тихо сказала она. - Аж дышать нечем.

Её голос был низким, немного сиплым от пара. Простой, без жалобы. Констатация факта.

- Андрей всегда так, - сказал я, кивая в сторону двери в парилку, откуда ещё валил жар. - Он считает, что если не сварись, как рак, то и не помылся.

Уголок её губ дрогнул, но улыбка не сложилась.

- А ты чего вышел? - спросила она, глядя прямо на меня. Её взгляд был спокоен и любопытен. Не как у невесты, притворяющейся заинтересованной. А как у человека, который действительно хочет знать ответ.

Вопрос застал меня врасплох. Я мог отшутиться. Сказать что-то про пиво или свежий воздух. Но в этой тишине, под её прямым, уставшим взглядом, ложь почему-то не захоте-

лось произносить. Ложь была для других. А здесь, в этом углу, пахнущем деревом и её чуть влажными волосами, были только мы двое. И странное перемирие, наступившее после бани.

- Почти по той же причине, - честно ответил я, пожимая плечами. И, после паузы, добавил: - Иногда и тишины хочется. От всего этого.

Я махнул рукой в сторону комнаты, откуда доносился гомон, звон посуды и смех Лизы. «Всего этого» - означало не их, не друзей. А всего этого спектакля. Веса, который давил на плечи с момента той встречи в «Цикории».

Она кивнула, как будто поняла. Не сказала «я тебя понимаю». Просто кивнула и снова повернулась к окну. Но теперь её поза была менее закрытой.

- Они хорошие, - тихо сказала она, имея в виду, видимо, Андрея и Катю. - Искренние. Им правда за тебя рады. Это... заметно.

В её словах не было упрёка или намёка на наш обман. Была просто констатация. И в ней сквозила какая-то своя, личная грусть. Как будто, глядя на эту искренность, она острее чувствовала фальшь нашего положения.

- Да, - коротко согласился я. - Они - семья. Ближе, чем родня.

Мы помолчали. Я смотрел, как её палец бессознательно водит по прохладному стеклу, оставляя влажный след.

- Спасибо, - неожиданно сказал я.

Она обернулась, удивлённо подняв брови.
 - За что?

- За то, что там, за столом... и в бане. Не усложняешь. - Я с трудом подбирал слова. Это было непривычно - объяснять, благодарить. - Держишься... адекватно.

Она снова чуть скривила губы - почти улыбка.
 - «Адекватно» - это, наверное, лучший комплимент, который я сегодня могла получить, - сказала она, и в её голосе впервые за весь вечер прозвучал оттенок лёгкой, сухой иронии, направленной не на меня, а на всю ситуацию.

Это рассмешило меня. Коротко, тихо. Я почувствовал, как каменная скованность в груди немного ослабла.

- Давай, иди чай пить, - сказал я, отталкиваясь от косяка. - А то Катя обидится. Она за пирогом день колдовала.

Она медленно спустила ноги с подоконника и встала.
 - А ты?

- Сейчас. Сигаретой подышу. - Я показал на выход во двор.

Она кивнула и, закутавшись в халат, пошла в сторону кухни. На пороге обернулась.
 - Не замёрзни, - сказала она моими же словами, и в её глазах мелькнула искорка того же сухого понимания.

Оставшись один, я вышел на крыльцо. Морозный воздух обжёг лёгкие. Я закурил. Из окна кухни лился тёплый свет и доносились голоса. Я видел, как Вера подошла к столу, как Катя налила ей чаю, как Лиза что-то оживлённо рассказывала. Она слушала, положив подбородок на сцепленные ла-

дони. И в этой позе уже не было той отчаянной собранности, что была в машине. Была просто усталость после долгого дня. И, возможно, крошечное, едва зародившееся чувство, что она здесь не совсем чужая.

Я докурил, глядя на свою дымящуюся на морозе сигарету. «Почти по той же причине», - сказал я ей. И это была правда. Но не вся.

Вся правда была в том, что мне тоже стало нечем дышать. Не от жары в бане. А от груза этого одиночества, которое я так тщательно выстраивал годами и которое вдруг, в присутствии этой молчаливой, сломленной, но не согнувшейся женщины, стало невыносимым.

И это было страшнее любой парилки.

Мы вернулись за стол, разморенные, расслабленные баней и пивом. Кухня была залита тёплым светом, стол ломился от закусок, и Катя разливала ароматный травяной чай. Я устроился напротив Веры. Она сидела, поджав под себя ноги на деревянной скамье, обернув ладони вокруг горячей кружки, и выглядела уже не так собранно-деловой, а скорее умиротворённо-усталой. В таком виде она казалась... моложе. И гораздо менее защищённой.

Разговор тек легко, как река после плотины. Шутили, вспоминали старые армейские байки - в основном Андрей, я только вставлял редкие реплики. Стас подливал масла в огонь. Смотрел на них и думал: вот она, нормальная жизнь. Та, что осталась где-то за бортом. Она согрета этим чаем,

этим смехом, этим ощущением, что ты среди своих. И я был здесь, физически, но мыслями уже где-то далеко, ощущая ту самую пустоту, ради заполнения которой и затеял весь этот маскарад.

И тут Катя, поправляя салфетку под пирогом, мягко спросила, глядя на Веру: - М, а вы останетесь? Ночь-то тёмная, ехать далеко. У нас места всем хватит.

Вопрос повис в воздухе. У меня внутри что-то ёкнуло - тревожный, острый сигнал. Ночь здесь. В одной комнате. С ней. Это было вне плана. Вне контракта. Слишком реально и слишком сложно. Мои инстинкты затребовали немедленного, жёсткого отступления. Я уже открыл рот, чтобы сказать свою стандартную, отработанную отмазку: «Спасибо, но у меня дела с утра», или что-то в этом роде. Сухое, не оставляющее пространства для уговоров.

Но Вера заговорила первой. Не быстро, не паникуя, а спокойно, обдуманно, как будто просто взвешивая факты.

- Мы бы с радостью, - сказала она, и её голос звучал искренне тепло, - но мне до понедельника нужно отправить переработанный проект, так что даже не знаю... Успею ли, если останемся.

Она посмотрела на меня, не заискивая и не ища поддержки, а просто как на соучастника этой легенды. Её взгляд был ясным. Она не сказала «нет». Она создала вескую, взрослую причину для возможного отказа. И сделала это так гладко, так естественно, что это прозвучало абсолютной правдой.

Никакой нервозности, никакой лжи в голосе. Просто деловая женщина с дедлайном.

Андрей, разломив кусок сыра, хмыкнул: - Сроки горят? - Да не то чтобы, - чуть улыбнулась Вера, делая маленький глоток чая. - Но лучше не рисковать. Работу люблю делать без авралов.

В её тоне была лёгкая, профессиональная гордость. Это было убедительно. Но Катя, хозяйка и по натуре устроительница, не сдавалась. - Оставайтесь, - настаивала она. - На свежем воздухе и спится легче. А завтра с утра, свеженькая, за пару часов всё сделаешь. У нас тут тихо, никто не мешает.

Лиза, всегда готовая к приключениям, тут же подключилась: - Я бы осталась! Правда, Вера, давай? Как в старые добрые, как в общежитии!

Стас, обняв Лизу за плечи, бодро поддержал: - Я не против. За руль я и завтра утром могу. Или даже после обеда.

Все взгляды снова упёрлись в нас. В меня и в неё. Я сидел, чувствуя, как под столом сжимается кулак. Всё шло не по плану. План был: вежливый ужин, отбытие, сохранение дистанции. А не эта домашняя, давящая теплотой, ловушка.

Я снова собрался говорить. Надо было взять инициативу. Сказать твёрдое «нет» от лица нас обоих. Но я снова промедлил. Потому что увидел едва уловимую тень в глазах Веры. Не страх. Не сопротивление. Скорее... усталое раздумье. И что-то ещё, что я не мог сразу распознать. Может быть,

крошечное, запретное желание просто остаться в этом тепле, под этим давлением дружеской заботы, пусть даже ненадолго. Пусть даже под чужим именем и с чужим «мужем» рядом.

В этот момент наша фиктивная помолвка, наш сухой контракт столкнулся с чем-то более весомым и живым - с простым человеческим «останьтесь». И моя железная логика дала сбой.

Я поймал её взгляд и едва заметно пожал плечом. Мол, решай ты. Это была её зона комфорта, её границы, которые предстояло нарушить.

Она на секунду задумалась, потом её взгляд скользнул по лицам Кати, Лизы, Андрея - по лицам, смотрящим на неё с неподдельным, простым ожиданием. И она выдохнула. Не сдаваясь, а просто принимая обстоятельства.

- Ну... если мы никому не помешаем... - тихо начала она, и в её голосе прозвучала нерешительность, которая была куда правдивее любой уверенной игры.

- Конечно, не помешаете! - обрадовалась Катя. - Вот и отлично! Сейчас постелю!

И решение было принято. Не мной. Не ею в одиночку. Всей этой тёплой, настойчивой силой, что звалась «гостеприимством».

Я отпил из своей кружки, чувствуя странную смесь облегчения и тревоги. Облегчения - потому что не пришлось ломать эту приятную атмосферу грубым отказом. Тревоги - потому что впереди была целая ночь под одной крышей с

женщиной, которая была мне практически чужой, но которая только что, одним своим спокойным «да не то чтобы», спасла нас обоих от неловкости и, возможно, даже вызвала ко мне какую-то долю... уважения?

Я посмотрел на неё. Она уже слушала, как Лиза что-то оживлённо рассказывала, и кивала, слабо улыбаясь. Но в глубине её глаз, когда она на мгновение встретилась со мной взглядом, я прочитал ту же тревогу. И что-то вроде молчаливого вопроса: «И как мы будем выкручиваться теперь?»

Мы оба не знали ответа. Но мост был сожжён. Оставалось только ждать утра.

Глава 5. Вера Лебедева

Тепло от печки, сытость после ужина и моросящий за окном дождь - всё это создавало опасную иллюзию уюта. Иллюзию, внутри которой я сейчас должна была спать на одном диване с мужчиной, который был мне юридическим супругом, но по сути - незнакомцем с ледяными глазами и контрактом в кармане.

Катя постелила нам в гостиной, на широком раскладном диване.

- Вам тут будет отлично, уединённо! - сказала она с доброй, ничего не подозревающей улыбкой. «Уединённо». Слово звенело в ушах иронией.

Кирилл стоял у окна, курил, глядя в чёрную влажную тьму. Его спина, прямая и негибкая даже сейчас, выражала то же самое напряжённое отчуждение, что и у меня внутри. Мы сделали всё, что требовалось. Отлично сыграли. Слишком отлично. И теперь расхлёбывали последствия.

В комнату вошла Лиза с парой моих вещей, которые она принесла из машины.
- Вот, - она бросила на диван упаковку с новыми зубными щётками и свою футболку для сна.
- Выживайте как хотите. Мы с Катей на втором этаже, мужики - внизу, на веранде на раскладушках. Никто вам мешать не будет. - Она подмигнула мне так многозначительно, что мне захотелось провалиться сквозь пол. Она думала, что по-

могает романтике. Она не знала, что помогает разыграть самый неловкий спектакль в моей жизни.

- Спасибо, - пробормотала я, принимая вещи.

Лиза ушла, наконец, пожелав спокойной ночи. Дверь закрылась. И в комнате воцарилась гулкая, невыносимая тишина, нарушаемая только шорохом дождя по крыше и редкими приглушёнными голосами из-за стены, где располагались Андрей и Стас.

Кирилл потушил сигарету в жестяной банке на подоконнике и, наконец, повернулся.
- Ладно, - сказал он своим ровным, лишённым эмоций голосом. - Ситуация идиотская. Делаем вот что: ты спишь на диване. Я - в кресле. Всё.

Он указал на большое кожаное кресло в углу. В нём можно было вытянуться, но спать... это было сомнительным комфортом.

- Не надо, - вырвалось у меня. Я ненавидела ощущение, что из-за меня кто-то должен мучиться. Даже его. - Диван широкий. Мы можем... просто не занимать пол-Европы.

Я сказала это, глядя в пол, чувствуя, как горит лицо. Не от стыда, а от абсурдности. Мы обсуждали раздел спального места, как делегации на переговорах о границе.

Он помолчал, оценивая.
- Ты уверена?
- Нет, - честно ответила я. - Но и кресло - не вариант.

Он фыркнул, коротко, почти неслышно. Потом кивнул.
- Хорошо. Граница по середине. Нарушитель будет считаться агрессором и понесёт ответственность по всей

строгости... контракта.

В его голосе прозвучала тень чего-то, что можно было принять за слабую попытку шутки. Настолько слабую, что я даже не поняла, стоит ли улыбаться. Вместо этого я просто кивнула.

Процедура подготовки ко сну превратилась в новый уровень сюрреализма. Мы делали это молча, по очереди, как в казарме. Сначала он вышел, чтобы я могла переодеться в Лизкину футболку. Потом я ушла в ванную чистить зубы, оставив его менять одежду. Когда я вернулась, он уже лежал на своём краю дивана, спиной ко мне, укрывшись одним из тонких пледов. На моей половине лежал второй. Между нами - почти метр пустого пространства. Целая вселенная.

Я выключила свет, оставив только слабый ночник в розетке, и скользнула под свой плед. Матрац был хорошим, диван удобным. Но я лежала, как на иголках, сверхосознавая каждое движение, каждый шорох ткани с другой стороны.

Дождь за окном усилился. В комнате пахло деревом, старой кожей и... им. Чистым, не парфюмерным запахом - мыло, дым, что-то ещё, неуловимое, просто мужское. Я закрыла глаза, пытаясь заставить мозг отключиться. Перед глазамиплыли обрывки дня: его сухой взгляд в кофейне, его рука, протягивающая веник в бане, его спина у окна в предбаннике. И его слова: «Почти по той же причине».

Он тоже уставал от всего этого. От притворства. От давления. Мы были в одной лодке, скреплённые не желанием, а

необходимостью и общим чувством глупости.

- Вера. - Его голос в темноте прозвучал неожиданно громко.
 - Да? - я ответила, не поворачиваясь.
 - За проект. Спасибо. Ты быстро сориентировалась.

Он говорил о моей отговорке насчёт работы. Он оценил не игру, а тактический манёвр. В его мире, должно быть, это и было высшей похвалой.
 - Ты же не оставил выбора, - тихо сказала я.
 - Я?
 - Ты пожал плечами. Передал мне решение. В своей жизни я уже достаточно решений принимала за двоих.

Я не планировала это говорить. Слова вырвались сами, горькие и острые. Я закусила губу, ожидая колкости в ответ или ледяного молчания.

Но он просто сказал:
 - Понял.

И всё. Никаких вопросов, никакого любопытства. Просто - «понял». И в этой неожиданной тактичности было больше уважения, чем в любых расспросах.

Тишина снова сгустилась, но теперь она была другой. Менее враждебной. Более... общей.

- Я всё-таки завтра встану пораньше, - сказала я уже просто чтобы что-то сказать. - Сделаю вид, что работаю. Чтобы не врать Кате совсем уж беспардонно.
 - Логично, - отозвался он из темноты. - Я в семь пойду помогать Андрею дрова колоть. У него ритуал.

Я чуть повернулась на бок, глядя в сторону его невидной спины.
 - Вы с ним... давно?
 - Со школы. Потом вме-

сте в училище. Он как брат. Единственный, кто... - он за-
пнулся, не договорив. Потом закончил иначе: - Кому не всё
равно.

«Кому не всё равно». Эти слова повисли в воздухе, тяжё-
лые и откровенные. Это было больше, чем он говорил о себе
за весь день. Это был крошечный кусочек правды, брошен-
ный в темноту, как доверие.

- Это ценно, - тихо сказала я. И добавила, потому что это
была правда: - Катя и Лиза... они тоже хорошие. Не каждый
впустит в дом вот так, с концами.

- Да, - коротко согласился он. Потом, после паузы: - Спи.
Завтра ещё целый день притворяться.

В его тоне снова мелькнула та же усталая ирония. И на
этот раз я позволила себе слабую улыбку в подушку.
 - Спокойной ночи, Кирилл.
 - Спокойной.

Я закрыла глаза. Дождь за окном теперь набатом стучал
по крыше. Тело постепенно отпускало напряжение. Грани-
ца на диване оставалась нерушимой, но странное ощущение
осады, паники начало отступать. Мы были двумя островами
в одной штормовой бухте. Не вместе. Но и не совсем по от-
дельности.

И прежде чем сон окончательно сморил меня, я подума-
ла, что, возможно, это и есть самая точная метафора нашего
брака. Не союз. Не сделка. А временное убежище от разных,
но одинаково сильных бурь. И, возможно, на сегодняшний
день этого было достаточно.

Сознание возвращалось обрывками, медленно и неохотно. Сначала я ощутила тепло. Плотное, уютное, разлитое по спине. Потом - тяжесть. Тяжёлую, тёплую полосу, лежащую поперёк моей талии.

Я ещё не понимала, где я и что происходит. Тело было ослабленным, размякшим после глубокого, неожиданно крепкого сна. Я потянулась, пытаюсь стряхнуть остатки дремоты, и... наткнулась на эту тяжесть. На то, что оказалось чужой рукой. Мужской. Твёрдой, даже во сне не теряющей своей формы.

Мозг сработал с задержкой. Секунду я просто лежала, пытаюсь осознать. Потом, как удар током, по телу прошла волна ледяной, мелкой паники.

Чужой. Мужчина. Рука. Диван. Кирилл.

Адреналин выжиг остатки сна. Сердце заколотилось где-то в горле. Я застыла, боясь пошевелиться. Его дыхание было ровным и глубоким у меня за спиной. Тёплый выдох касался моего затылка. И эта рука... она лежала не просто так. Она обнимала меня. Держала. Кирилл, всей своей спиной, прижимал меня к своей груди, как будто я была... его.

Паника сменилась полным ступором. Как? Почему? В памяти с жуткой ясностью всплыла наша «граница по середине», метры пустого пространства, его отстранённая спина, повернутая ко мне в самом начале ночи.

Значит, это я? - промелькнула унижительная мысль. Может, это я во сне перебралась на его территорию, вцепилась в

него от одиночества или холода? Но нет. Положение тела говорило об обратном: он был с краю, я - ближе к центру. Это он пересёк нейтральную полосу. Он. Ледяной, отстранённый Кирилл Воронцов, обнял во сне свою фиктивную жену.

Обрывки вчерашнего вечера начали складываться в неловкую мозаику. Его редкие, усталые реплики. Молчаливое согласие остаться. Его спина в предбаннике. И эта ночь, когда мы, два одиночества, делили один диван, как ковчег во время потопа.

И вот теперь это. Непроизвольное, животное, глупое движение спящего тела, ищущего тепла и близости в холодной комнате. В этом не было ничего преднамеренного, ничего от того расчётливого циника, с которым я подписывала контракт. В этом была жуткая, обезоруживающая уязвимость.

Паника медленно отступала, сменяясь странным, щемящим чувством. Я лежала неподвижно, прислушиваясь к его дыханию, к биению его сердца, которое чувствовалось сквозь спину. Оно билось ровно и медленно. Он спал. Глубоко. Возможно, впервые за долгое время.

Мне следовало осторожно освободиться. Отодвинуться. Восстановить границы, которые он сам же и нарушил. Но я не двигалась. Было... тепло. И как-то спокойно. Эта вынужденная близость, этот нечаянный контакт почему-то не чувствовался насилием. Он чувствовался... естественно. Как будто наши уставшие, измученные одиночеством тела нашли наконец какой-то примитивный способ коммуникации, пока

наши разумные, надломленные «я» были отключены.

Я закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями. Что делать? Разбудить его? Сделать вид, что сама только что проснулась и в ужасе отпрыгнула? Но это будет неловко для нас обоих. Фарс на фарсе.

Пока я металась в тихом ужасе, его дыхание изменилось. Стало чуть менее глубоким. Рука на моей талии слегка дрогнула, пальцы непроизвольно сжали ткань футболки. Он просыпался.

Я зажмурилась, притворяясь спящей. Это была трусость, но лучшего варианта не было.

Я почувствовала, как всё его тело замерло. Как он осознал своё положение. Как его дыхание на секунду вообще остановилось. Рука на моем боку стала каменной, а потом - медленно, очень медленно и осторожно - начала отодвигаться. Он старался сделать это так, чтобы не разбудить меня. В его движении была неловкость, почти паническая поспешность, тщательно скрываемая.

Он отодвинулся на свой край дивана. Между нами снова возникла пропасть. Воздух, только что наполненный его теплом и запахом, стал холодным и пустым.

Я лежала, не шевелясь, изображая глубокий сон, и слушала, как он бесшумно поднимается с дивана, как его босые ступни шаркают по полу. Как он находит свои вещи и так же тихо выходит из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Только когда за дверью стихли его шаги, я открыла глаза

и перевернулась на спину, глядя в потолок. Утро за окном было серым, дождливым. В комнате пахло одиночеством и сожалением.

Я прикоснулась к тому месту на талии, где ещё сохранялось призрачное тепло от его руки. Стыд? Нет. Смушение? Ещё бы. Но было и что-то другое. Что-то похожее на понимание.

Война где-то там, его война и мои личные сражения, сделали нас обоих калеками. Он - калекой, который не умеет просить и принимать тепло. Я - калекой, который боится доверять и принимать близость. И вот наши израненные души, отключив контроль, нашли друг в друге на одну ночь простое человеческое утешение. Без договора, без контракта, без слов.

Это было страшно. Потому что это было настоящее. И оно угрожало всей нашей хлипкой, выстроенной на расчёте и отчаянии конструкции.

Я села на краю дивана, обхватив голову руками. Надо было вставать, идти «работать над проектом», поддерживать легенду. Но всё, чего я хотела сейчас, - это чтобы дождь за окном шёл вечно, а этот странный, неловкий миг между сном и явью никогда не заканчивался. Потому что в нём, в этом произвольном объятии, было больше правды, чем во всём нашем браке.

Я сидела на краю дивана ещё несколько минут, пока сердце не перестало колотиться как сумасшедшее. Воздух в

комнате казался густым от невысказанного. Оттуда, за дверью, доносились приглушённые звуки просыпающегося дома: скрип половиц, дальний смех Лизы, шипение чайника. Обычная утренняя жизнь, в которую мне теперь предстояло вписаться с лицом, на котором должно быть написано «всё в порядке, просто выспалась».

Я встала, словно на ватных ногах, и быстро сложила оба пледа, старательно разгладила складки на диване, стерев все следы нашего странного ночного сосуществования. Сделала это почти с отчаянием, как преступник, заметающий улики. Потом взяла свою сумку и почти бегом проскочила в ванную, чтобы успеть привести себя в порядок до того, как придёт очередь других.

Замок щёлкнул, и я облокотилась о раковину, глядя на своё отражение в зеркале. Лицо было бледным, под глазами - лёгкая синева, но глаза... глаза горели каким-то странным, встревоженным блеском. Я умылась ледяной водой, пытаюсь смыть и остатки сна, и это навязчивое ощущение его руки на талии. Оно не уходило. Оно было похоже на фантомную конечность - ощущения нет, но память о нём жжёт кожу.

Переодевшись в свои вчерашние джинсы и свитер, я набрала в грудь воздуха и вышла.

На кухне уже царило движение. Катя стряпала что-то на сковородке, Лиза нарезала хлеб. Андрей что-то говорил Стасу, уже одетый и явно собиравшийся по хозяйству. И он. Кирилл. Стоял у окна, почти в той же позе, что и вчера вече-

ром, но теперь держал в руках кружку с дымящимся чаем. Он был уже одет, собран, броня из отстранённости и лёгкой насмешки над миром снова была на месте. Только я, знающая правду о том, как эта броня треснула ночью, могла заметить едва уловимую скованность в его плечах, в том, как он избегал смотреть прямо на меня, когда я вошла.

- О, Вера, проснулась! - радостно воскликнула Катя. - Как спалось? Не замёрзли?

- Отлично, спасибо, - мой голос прозвучал неестественно бодро. - Очень удобно. И тепло.

Я почувствовала, как взгляд Кирилла на секунду скользнул по мне, быстрый и оценивающий, будто проверяя, не выдаст ли меня что. Я не посмотрела на него в ответ.

- Кирилл говорит, ты с работой сегодня, - сказала Катя, с пониманием кивая. - Не хочешь кофе?

- Лучше чай, пожалуйста.

Я села за стол, приняв от Лизы ломоть хлеба. Наступило то самое утро после. Все были немного помяты, добродушны, полны воспоминаниями о хорошем вечере. И только между мной и человеком у окна висело незримое, напряжённое знание. Знание о нарушенной границе, о мимолётной, украденной у сна слабости.

Андрей хлопнул Кирилла по плечу.
 - Ну что, пойдёшь дрова колоть, как договаривались? Или невесту жалко оставлять?

Кирилл оторвался от созерцания двора.
 - Пойду, - ко-

ротко бросил он. - Ей же работать. - Он, наконец, повернулся и встретился со мной взглядом. Его глаза были теми же ледяными озёрами, что и в кофейне. Ни намёка на смущение, на растерянность. Только деловая констатация. «У тебя свои дела, у меня свои». Это был его способ восстановить дистанцию. Рыть окоп поглубже. - Ты будешь здесь? - спросил он, и это прозвучало как формальность.

- Да, - кивнула я. - За ноутбуком. Если никто не против.

- Конечно, нет! - хором ответили Катя и Лиза.

Кирилл просто кивнул, поставил пустую кружку в раковину и, не глядя больше ни на кого, вышел за Андреем. Через окно я увидела, как они шли к сараю, их фигуры растворялись в серой утренней дымке. Он шёл своей привычной, прямой, немного жёсткой походкой. Солдат. Не человек, который всего полчаса назад обнимал во сне женщину.

- Он у тебя... какой-то весь в себе, - задумчиво сказала Лиза, наблюдая за ним. - Но вчера, мне кажется, немного расслабился. Для него это много.

«Если бы ты только знала, насколько», - подумала я, откусывая хлеб, который казался безвкусным.

После завтрака я устроилась с ноутбуком в гостиной, на том самом диване. Включила его, открыла документ - реальный, кстати, проект, по которому и правда были небольшие сроки. Но буквы плыли перед глазами. Вместо текста я видела его руку на талии. Вместо экрана - его спину, уходящую в дождь.

Это было невыносимо. Не потому, что это было страстно или романтично. А потому, что это было по-человечески. Слишком по-человечески для нашей бесчеловечной сделки. И эта человеческая трещина в его броне пугала больше, чем вся его циничная отстранённость. Потому что в ней была потенциальная боль. Та самая, на которую у меня больше не было сил.

С улицы донёсся мерный, сильный стук - удар колуна о чурбак. Раз. Два. Три. Ритмично, безжалостно, как пулемётная очередь. Он колол дрова. Рубил что-то. Может, свою собственную слабость. Может, наше неловкое утро. А может, просто дрова.

Я закрыла глаза, прижав ладони к вискам, и сделала глубокий вдох. Нет, Вера. Контракт. Деньги. Крыша над головой. Тишина. Одиночество, которое ты выбрала сама, потому что оно безопаснее. Вот твои координаты. Держись их.

И я открыла глаза, впилась взглядом в экран и заставила пальцы побежать по клавиаше, переводя абзац за абзацем. Создавая другую реальность из слов. Безопасную, далёкую, где не было ни тёплых рук во сне, ни ледяных взглядов наяву, ни этой дурацкой, пронзительной надежды, что даже в самой циничной сделке может случайно затесаться капля чего-то настоящего.

Стук колуна за окном стал моим метрономом. Раз. Два. Пауза. Снова удар. Я пыталась синхронизировать с этим ритмом постукивание пальцев по клавиатуре, но мысли упрямо

уползали, как слизняки, в сторону сарая. Каждый удар отдавался где-то под рёбрами. Я представляла, как напрягаются мышцы на его спине и плечах под футболкой, как лётко расходится полено на две идеальные половины. В этой работе была какая-то первобытная, очищающая ясность, которой так не хватало сейчас мне.

Через какое-то время Лиза заглянула в комнату с двумя кружками чая.
- Подкрепись, затворница, - поставила одну передо мной. - Работа кипит?
- Тлеет, - честно ответила я, отводя взгляд от экрана.
- А Кирилл твой там впахивает, как каторжный, - Лиза села на край дивана, любопытство так и пылало в её глазах. - Андрей уже ушёл по делам, а он всё рубит и рубит. Катя говорит, запас на три зимы уже наколот. Не пытается ли он что-то... заглушить?

Я чуть не поперхнулась чаем. Лиза смотрела на меня с хитрой улыбкой.
- Что ты имеешь в виду? - спросила я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.
- Ну, знаешь... Мужчины они такие. Когда в них что-то бурлит, а выразить не могут - берутся за физический труд. Особенно военные. У Стаса так же. После тяжёлых командировок он либо днищами не вылезит, либо дома всё по полочкам раскладывает с маниакальной точностью. Может, у вас... э-э-э... прогресс наметился?

«Прогресс». Если бы она знала, что прогресс заключался в произвольных объятиях во сне и в последующей ледяной стене наяву.
- Лиза, нет, - вздохнула я. - Никакого

прогресса. Просто... мы друг друга терпим. И всё.
 - Ага, «терпим», - фыркнула она, не веря ни слову. - Он на тебя вчера смотрел, когда ты не видела.
 - Как? - не удержалась я.
 - Не как влюблённый щенок, если ты об этом. Скорее... как на загадку. Которую нужно решить, но непонятно, с какой стороны подступиться. Для Кирилла это много, поверь. Он обычно на женщин смотрит как на либо удобную мебель, либо на источник проблем.

Её слова засели в мозгу, как заноза. «Как на загадку». Это было ненамного лучше, но и не хуже, чем быть «удобной мебелью». Хотя после сегодняшнего утра я чувствовала себя скорее проблемой. Неудобной, живой, сломавшей негласные правила нашего договора.

- Он уезжает скоро, Лиза, - тихо напомнила я и себе, и ей. - А я остаюсь в его квартире. Наша история закончится раньше, чем начнётся. И это правильно.
 Лиза покачала головой, но больше не стала давить.
 - Ладно, не буду тебя мучать. Я пойду, Кате помогу.

Она ушла, оставив меня наедине с чаем, ноутбуком и навязчивым стуком извне. Работа не шла. Совсем. Я закрыла ноутбук и подошла к окну.

Дождь почти прекратился, небо было низким и серым, как потолок. Во дворе, у поленницы, стоял он. Без куртки, в спортивных штанах и футболке, которая потемнела от пота на спине. Он заносил колун над головой, и на мгновение замирал, собравшись, сконцентрировав всю силу и, как мне

показалось, какое-то внутреннее напряжение, в этом движении. Потом - резкий, точный удар вниз. Полено раскалывалось с громким, почти злым треском. Он отбрасывал половинки в сторону и брал следующее. Движения были отточенными, экономичными, без лишних усилий. В них была какая-то странная, жестокая красота.

Я наблюдала за ним, спрятавшись за занавеской, и чувствовала, как в горле комок. Отчего? От жалости? Нет. От понимания. Он рубил не просто дрова. Он восстанавливал порядок. В мире, где всё пошло наперекосяк, где он, циник и одиночка, обнял во сне фиктивную жену, есть простые, ясные вещи: колун, чурбак, чёткий удар. И полено раскалывается по плану. Вот что он понимал. Вот где он был уверен.

И вдруг он остановился. Поставил колун, выпрямился и... повернулся к дому. К окну. Он смотрел прямо на меня. Я отпрянула от стекла, но было поздно. Наш взгляды встретились через мокрое стекло и тридцать метров мокрого двора. Он не улыбнулся, не кивнул. Просто стоял и смотрел. Его лицо было залито потом, дыхание от морозного воздуха клубилось белым паром. А взгляд... Взгляд был не ледяным. Он был усталым. И в нём читался немой вопрос. Или упрёк. Или то же самое недоумение, что и у меня.

Это длилось всего несколько секунд. Потом он резко отвернулся, плюнул на землю, взял колун и с удвоенной силой вонзил его в следующее полено.

Я отступила от окна, прислонившись спиной к стене.

Сердце бешено колотилось. Этот взгляд выжег во мне всё. Всю мою хрупкую защиту, все самоубеждения. Мы оба понимали, что произошло что-то. Какая-то черта перейдена. Не в ту сторону, куда вели стрелки нашего контракта. И мы оба были напуганы до чёртиков.

Мне нужно было бежать. Не из этого дома, а от этих мыслей. Я накинула куртку, нашла в прихожей резиновые сапоги Кати и вышла на крыльцо. Холодный, влажный воздух обжёг лицо. Я свернула в сторону, противоположную сараю, и пошла по тропинке, ведущей вглубь сада, к небольшой берёзовой рощице.

Мне нужно было привести в порядок нервы. Но вместо этого я только глубже увязала в трясине собственных чувств. Они были знакомы, эти чувства. Это была та самая боль, тот самый страх быть снова раненной, обманутой, брошенной. Только в этот раз всё было в сто раз сложнее. Потому что мой потенциальный... что? Мучитель? Спаситель? - был человеком, который сам не знал, чего хочет. Который платил за иллюзию семьи и, возможно, случайно наткнулся на её призрак.

Я дошла до скамейки под старой, голой берёзой и села, обхватив себя руками. И тут до меня донёсся звук. Не стук колуна. Шаги. Тяжёлые, уверенные, по мокрой земле.

Я не обернулась. Я знала, кто это.

Шаги остановились в паре метров позади. Я не оборачивалась, глядя на переплетение чёрных ветвей над головой.

Дышать стало труднее, будто воздух загустел.

- Побег? - раздался его голос. Низкий, слегка хриплый от недавних усилий. В нём не было насмешки. Была просто констатация. Или вопрос.

- Прогулка, - ответила я, всё ещё не глядя на него. - Воздух сменить. От экрана глаза болят.

Он помолчал. Я слышала, как он дышит - ровно, глубоко, но с какой-то остаточной частотой, будто сердце ещё не успокоилось после работы.
 - Можно? - спросил он на удивление вежливо.

Что я могла сказать? «Нет, это моя скамейка в моём выдуманном мире»? Я просто кивнула.

Он обошёл скамейку и сел на другой её конец, сохраняя почтительную дистанцию. Из бокового зрения я видела его профиль: напряжённую линию скулы, капли пота, смешавшиеся с каплями дождя на виске, тёмные ресницы, опущенные вниз. Он положил локти на колени, свесил руки. Его кисти были красными от холода и работы, пальцы - длинными, сильными, со сбитыми костяшками. Руки, которые могли разрубить полено пополам и... нечаянно обнять во сне.

Мы сидели молча. Это молчание было другим, не таким, как вчера в машине. Оно было насыщенным. Перегруженным всем, что мы не сказали. Всё, что случилось, висело между нами, как туманная завеса.

Первым нарушил тишину он.
 - Прошлой ночью... - он начал и сразу замолчал, будто подбирая слова. Я замерла,

вжимаясь в спинку скамейки. - Это было не со стороны. Это был я.

Признание прозвучало сухо, по-военному чётко. Без оправданий. Без сантиментов. Просто факт. Это обезоружило больше, чем любая попытка отшутиться или сделать вид, что ничего не было.

Я повернула к нему голову. Он смотрел куда-то перед собой, на промокшую землю.
 - Я знаю, - тихо сказала я. - Я проснулась раньше.

Он кивнул, как будто ожидал этого.
 - Неловкая ситуация, - произнёс он слова, которые были верхом неуклюжего преуменьшения.
 - Да, - согласилась я. Потом, неожиданно для самой себя, добавила: - Но не страшная.

Он медленно повернул ко мне лицо. Его глаза изучали моё лицо с тем самым выражением, о котором говорила Лиза. Как будто я была сложной картой местности, на которой не было обозначений.
 - Не страшная? - переспросил он.
 - Ну... не было злого умысла. Ни с чьей стороны. Просто... физиология. Усталость. - Я говорила, пытаюсь загнать ситуацию обратно в безопасные, рациональные рамки. Но звучало это фальшиво даже в моих ушах.

Он фыркнул, коротко и беззлобно.
 - Физиология. Звучит как диагноз.
 - А что это было, по-твоему? - спросила я, и в голосе прозвучал вызов. Мне вдруг отчаянно захотелось услышать его версию. Хотя что-то, кроме этой каменной стены.

Он отвёл взгляд, снова уставившись в землю. Его челюсть поработала.
- Слабость, - сказал он наконец, тихо, но отчётливо. - Непредвиденная и... непозволительная. В моей ситуации.

«В моей ситуации». То есть на войну едет человек, у которого кто-то есть. Человек, который должен быть лёгким, как пушинка, не обременённым ничем, кроме долга и собственной шкуры. А тут - объятия во сне, фантомное тепло, которое может стать привязкой. А привязки на войне - это роскошь, которую нельзя себе позволить. Это больно, когда их теряешь.

Я поняла. Поняла его утренний лёд, его яростную рубку дров. Это была не злость на меня. Это была паника. Паника профессионала, обнаружившего в своей броне трещину.

- Я не стану тебя держать, Кирилл, - сказала я, и мои собственные слова прозвучали странно спокойно. - Наш договор в силе. Квартира, деньги, легенда для твоих родителей и командиров. Всё остальное... всё остальное - шум. Его можно игнорировать.

Он долго молчал. Потом поднял голову и посмотрел на небо, где между серых туч проглянул бледный, водянистый просвет.
- Шум, - повторил он. И вдруг его губы тронуло что-то, очень отдалённо напоминающее усмешку. - Громкий, блин, шум.

Наши взгляды снова встретились. И в этот раз в его глазах не было ни льда, ни паники. Была усталая, циничная, но

какая-то общая с моей усталостью правда. Правда о том, что мы оба влипли во что-то гораздо более сложное, чем ожидали. И что игнорировать этот «шум» будет не так-то просто.

- Ладно, - вздохнул он, поднимаясь со скамейки. Он потянулся, и я услышала, как хрустят позвонки. - Пойду, пополучаю свой запас. А тебе, наверное, работу дописывать.

- Да, - кивнула я, хотя мысль о возвращении к ноутбуку вызывала тошноту.

Он сделал шаг, чтобы уйти, но замер.
 - И, Вера... - я подняла на него глаза. - Спасибо. За то, что не... не сделала из этого трагедию.

Он не сказал «за понимание». Сказал «за то, что не сделала трагедию». Это было в его стиле. Максимально снизить градус, упаковать неловкость в нейтральные термины.

- Да не за что, - прошептала я.

Он кивнул и ушёл, его шаги быстро затихли на влажной земле.

Я осталась одна на скамейке, но ощущение панического одиночества куда-то ушло. Его сменила странная, тяжёлая ясность. Мы не стали ближе. Мы не стали мужем и женой. Мы даже не стали друзьями. Мы стали сообщниками. Сообщниками в более сложном преступлении, чем фиктивный брак. Мы стали сообщниками в том, чтобы случайно наткнуться на что-то живое посреди нашей мёртвой сделки. И теперь нам предстояло с этим как-то жить.

Я подняла голову. Тот самый бледный просвет в облаках

стал чуть ярче. Дождь, кажется, кончился.

Глава 6. Кирилл Воронцов

Возвращаясь от скамейки к поленнице, я чувствовал себя не солдатом, вернувшимся с задания, а мальчишкой, уличенным в краже яблок. Только вместо яблок - идиотская, произвольная слабость во сне, а вместо сторожа - она, со своим спокойным «я знаю» и этим взглядом, который видел насквозь. Я схватил колун с такой силой, что деревянная рукоять хрустнула в пальцах. Следующий чурбак я представил себе как собственную глупость и всадил удар так, что половинки отлетели в разные стороны с сухим, злым треском. Работа, как всегда, была лучшим лекарством от мыслей. Здесь всё просто: сила, траектория, результат. Никаких подводных течений, никаких «шумов», как она это назвала. Шум. Чертовски точное слово. Всё, что выходило за рамки контракта, было шумом. Помехой. И я был мастером по заглушению помех. Но эта... эта помеха была тихой. Она не кричала, не требовала. Она просто была. В виде тепла другого тела во сне. В виде усталого понимания в её глазах на скамейке. Я замахнулся снова. «Слабость, непозволительная в моей ситуации». Я выпалил ей это, как отчёт перед командиром. А что ещё оставалось? Сказать, что это было приятно? Что за эту одну ночь я выспался лучше, чем за последние полгода? Это было бы не просто слабостью. Это было бы предательством. Предательством по отношению к самому себе, к тому Ки-

риллу Воронцову, который годами выстраивал свою жизнь как хорошо укреплённый редут, где не было места никому, кроме него самого и долга. Андрей вернулся ближе к обеду, громко топая по двору. - Ого! - присвистнул он, окидывая взглядом гору аккуратно сложенных поленьев. - Ты тут, я смотрю, не отдыхал. Решил мне на три года вперед запасти? Или просто не знал, куда деть свою прыть? - Разминка, - буркнул я, втыкая колун в колоду. - Разминка, - скептически протянул он, подходя ближе. Его взгляд стал пристальным, пронизательным. Андрей мог быть простоватым на вид, но считать людей он умел лучше любого психолога. - Говори, что стряслось. С невестой поссорился? - Нет, - слишком быстро ответил я и тут же понял, что совершил ошибку. - Ага, значит, поссорился, - с умным видом заключил Андрей. - Или не поссорился, а что-то стряслось. Она утром вся задумчивая ходила, а ты тут лес валишь. Знакомый сюжет. - Оставь, Андрей, - я попытался отмахнуться, но он был как бульдог. - Не оставляю. Ты мне как брат. И я вижу, когда ты не в себе. Не из-за службы же? С ней всё понятно. Значит, из-за неё. Он упёр руки в боки, ожидая. Я понимал, что не отделаюсь. Но и рассказать правду... нет, это было невозможно. - Всё нормально, - сказал я, снова уходя в бесполезную оборону. - Просто... непривычно всё. И она, и эта вся история. Андрей покачал головой, но, кажется, решил не давить. - Ладно, молчун. Но запомни: она, смотрится, не дура. Не ломай. Даже если у вас там что-то... по расчёту. - Он сделал

паузу, давая словам проникнуть. - Женщины они... они же как мины. Наступить можно по-разному. Одну обезвредишь - и порядок. А на другую наступишь - и тебе же хуже будет. И всем вокруг. Ты её уже в свою жизнь впустил, бумагами там, квартирой. Так что смотри в оба. Его сравнение с миной было настолько в его духе, что я чуть не усмехнулся. Но смысл был ясен. Я уже «впустил». Создал точку уязвимости. И теперь эта точка уязвимости сидела в доме, дорабатывала свой проект, и у неё были глаза, которые видели слишком много. - Я в оба смотрю, - пробормотал я. - То-то же, - хлопнул он меня по спине. - А теперь пошли, Катя обед зовёт. Искусительница, борщ наварила такой, что за километр нос выворачивает. Мы пошли к дому. Перед тем как зайти, я на секунду задержался, стряхивая с себя опилки и пытаюсь стряхнуть с себя остатки утренней неловкости. Впустил. Точка уязвимости. Мина. Все определения были верны. И все они заставляли внутренне сжиматься. Обед прошёл относительно спокойно. Вера сидела напротив меня. Она почти не смотрела в мою сторону, отвечала на вопросы Кати и Лизы односложно, но вежливо. Она играла свою роль уставшей, но сосредоточенной на работе женщины. Играла безупречно. Но я, зная правду, видел лёгкую тень под её глазами, едва заметную напряжённость в уголках губ. Она тоже перемалывала вчерашнее и сегодняшнее утро. И, судя по всему, её это выматывало не меньше моего. После обеда Стас объявил, что пора, наверное, собираться. Лиза заныла ещё на полчаса, но Ка-

тя, взглянув на Веру, которая незаметно для всех подавила зевок, сказала: - Да отпустите вы людей. Видно же, что Вера устала, а Кирилл, глядя на него, тоже не против тишины и покоя. Сборы были недолгими. Прощание - тёплым, с объятиями, напутствиями «берегите друг друга» и приглашениями приезжать чаще. Я кивал, отшучивался, чувствуя, как фальшь наших с Верой кивков и улыбок накрывает это искреннее тепло, как масляная плёнка воду. Наконец, мы тронулись в путь. Снова машина Стаса, снова мы с Верой на заднем сиденье. Только теперь тишина в салоне была другой. Не предварительной, натянутой, как струна, а уставшей, притихшей, полной невысказанного. Лиза первая не выдержала. - Ну что, как вам? - обернулась она к нам с переднего сиденья. - Не пожалели, что остались? - Было здорово, - ровно сказала Вера. - Спасибо, что уговорили. - Ага, - буркнул я. - Андрей как всегда накормил до отвала. Больше расспросов не последовало. Стас включил музыку, что-то ненавязчивое. Я смотрел в окно на мелькающие огни дачных посёлков, потом на темноту трассы. Рядом Вера сидела, прислонившись головой к стеклу, и, кажется, дремала. Или притворялась. Её профиль в полумраке салона был спокойным и очень далёким. Я вспомнил, как она сказала на скамейке: «Я не стану тебя держать, Кирилл». Не «я не буду тебя мучить», не «я не влюблюсь». «Не стану держать». Как будто я был чем-то хрупким и тяжёлым одновременно, что могло выскользнуть из рук. И она, вместо того чтобы ухватиться, решила просто

не сжимать пальцы. Это было мудро. И страшно. Потому что в этой её готовности не держать, не требовать, была какая-то такая взрослая, почти материнская... нет, не то... какая-то щемящая незащищённость. Она не строила крепостей, как я. Она просто очертила круг и сказала: «Вот наши условия. Всё, что за кругом - не наше. Не тронь, и я не трону». Но чертов сон пересёк этот круг. И теперь по его периметру стояли мы оба, не зная, то ли отступить, то ли стереть границу совсем. Машина подъехала к её подъезду - вернее, к подъезду, где была квартира, которую она теперь могла называть своей. Моя квартира. - Всё, прибыли, - сказал Стас, глуша мотор. - Спасибо за компанию, - Вера потянулась за своей сумкой. - Подожди, - неожиданно для себя сказал я. - Я тебя провожу. Входная дверь иногда заедает. Я сказал это, не глядя на неё. Просто потому, что это была правда. Дверь и правда заедала. - Ладно, - просто сказала она. Мы вышли. Я кивнул Стасу и Лизе: «Позвоню». Они уехали. Мы остались вдвоём в желтоватом свете уличного фонаря. Холодный ветер гнал по асфальту жухлые листья. - Дверь, говоришь, заедает? - тихо спросила она, когда мы вошли в подъезд. - Да. Нужно плечом прижать и толкнуть. - Хорошо, запомню. Мы поднялись на этаж. Она достала ключ - тот самый, что я отдал ей в ЗАГСе вместе с конвертом. Вставила в замок. Щёлкнуло. Она толкнула дверь - она поддалась легко, без усилий. Миф о заедающей двери был разоблачён в ту же секунду. Она обернулась ко мне, стоя в проёме. В её глазах не было ни упрёка,

ни торжества. Было просто понимание. - Спасибо, что проводил. - Не за что, - я стоял, чувствуя себя идиотом. Зачем я полез сюда? Что я хотел? Убедиться, что она дошла благополучно? В этом спальном районе, в её собственной (на время) квартире? - Кирилл, - она сказала моё имя тихо, но чётко. - Всё в порядке. Договор в силе. Границы... они там, где были. Просто одну ночь ветром сдуло. Не стоит из-за этого менять карту. Она говорила о границах так, будто они были реальными линиями на земле, а не в наших головах. И в её тоне снова была эта удивительная, успокаивающая ясность. Она брала хаос и раскладывала его по полочкам. Даже если полки эти были шаткими. Я кивнул. Слов не находилось. - Завтра... я заеду за оставшимися вещами, - сказал я наконец. Формальность. Отговорка. - Хорошо. Я буду дома. Она сделала маленький шаг назад, внутрь квартиры. - Спокойной ночи. - Спокойной, Вера. Дверь закрылась. Тихий, но окончательный щелчок замка. Я остался стоять на площадке, глядя на глухую деревянную поверхность. За ней была она. И моя пустая квартира, которая теперь пахла чужими духами и была наполнена присутствием другого человека. Человека, с которым у меня был контракт. И «шум». Громкий, чёртов шум, от которого теперь не спастись ни рубкой дров, ни отъездом на фронт. Я развернулся и пошёл вниз. На улице я закурил, делая первую затяжку с таким ощущением, будто это глоток воздуха после долгого удержания под водой. Карта не изменилась. Границы восстановлены. Всё по плану. Только поче-

му-то план этот теперь казался самым идиотским, что я придумывал в своей жизни. Полтора месяца. Сорок пять дней. Не срок, а целая вечность, когда не знаешь, как её убить. И адская пытка, когда понимаешь, что убивать её не хочется, но и наполнять смыслом - страшно. Первые дни после дачи я провёл в своей каморке, пытаюсь вернуться к привычной рутине. Тренировки, стрельбище, встречи со старыми сослуживцами, которые уже отгремели свои контракты и теперь рассказывали байки за пивом. Всё было как всегда. Только теперь сквозь эту привычную ткань пробивался назойливый луч света - мысль о том, что в моей квартире живёт человек. Что у неё там свой график, свои привычки. Что она, возможно, прямо сейчас пьёт чай у моего окна и смотрит на тот же двор, что и я когда-то. Я не звонил. Контракт не обязывал. Но через неделю позвонила мать. - Кирюша, как ты? Как Вера? Почему не привозишь? Хоть фото покажи! Пришлось врать, что она в командировке, у переводчиков график сумасшедший. Мать вздохнула, сказала: «Береги её, такие жёны на дороге не валяются». Я просто мычал в трубку, чувствуя себя последним подлецом. А ещё через день мне позвонил Стас. - Слушай, мужик, ты чего пропал? Лиза говорит, Вера в себя приходит, заказы новые берёт. Но как-то... тихая очень. Вы там не поссорились, после дачи? - Нет, - буркнул я. - Всё нормально. - Ну, смотри... Если что, ты ж её теперь, в каком-то смысле, в ответе. Хоть и бумажный муж. «В ответе». Это слово вонзилось, как нож. Я был в ответе. За её

безопасность в моих стенах. За то, чтобы на неё не давили счета за коммуналку (я перевёл ей деньги на полгода вперёд). Но в ответе ли я был за её тишину? За этот странный свет в окне, который теперь маячил в моём сознании? Я сдался на десятый день. Не позвонил. Просто сел в машину и поехал. Без причины. Просто «проверить, всё ли в порядке». Идиотская отмазка даже для самого себя. Подъехал к дому вечером. Свет в гостиной горел. Я долго сидел в машине, курил, глядя на это жёлтое пятно в сетке окон. Что я скажу? «Просто проезжал мимо»? Она не дура. В итоге я просто вышел, зашёл в подъезд и поднялся. Стоял перед дверью, слушая тишину за ней. Потом постучал. Не звонком, а костяшками пальцев. Шаги. Пауза - она, наверное, смотрела в глазок. Потом щёлкнул замок. Она стояла на пороге в тех же домашних лосинах и большом свитере. В руках - карандаш, в волосах - ещё один, воткнутый в пучок. Удивление в глазах сменилось настороженностью. - Кирилл? Всё в порядке? - Всё, - сказал я. И, помедлив, добавил: - Был в районе. Решил... проверить, не ломается ли что. Сантехника, электричество. Ложь была настолько беспомощной, что мне самому стало стыдно. Она медленно кивнула, отступая, чтобы впустить меня. - Вроде, всё работает. Дверь, кстати, больше не заедает. Я её смазала. Я вошёл. Квартира была чистой, но в ней появились следы жизни: плед на диване, стопка книг на журнальном столике, ноутбук с кучей стикеров. И запах. Не мой запах пустоты и пыли. А запах кофе, бумаги и чего-то

сладкого, возможно, крема для рук. - Чай? - спросила она, уже направляясь на кухню. - Давай, - согласился я, хотя пить не хотелось. Я прошёл в гостиную, сел на диван. Включённый ноутбук показывал какой-то сложный документ с двумя колонками текста. Она работала. - Не помешаю? - спросил я, когда она вернулась с двумя кружками. - Нет, я как раз на перерыве. Она села в кресло напротив, поджав под себя ноги. Смотрела на меня, ожидая. Я не знал, что сказать. - Как... дела? - выдавил я наконец. - Нормально. Работа есть. Спасибо, - она имела в виду деньги. Потом, после паузы, добавила: - А у тебя? Как подготовка? - Идёт, - я пожал плечами. - Жду вызова. Могут и раньше, могут позже. Мы пили чай. Молчание висело между нами, но оно не было гнетущим. Оно было... заполненным. Присутствием друг друга. Я осматривал комнату, она смотрела в свою кружку. - Слушай, - не выдержал я. - Про ту ночь... На даче. Она подняла на меня глаза. В них не было паники, только лёгкая усталость. - Кирилл, давай не будем. Мы всё обсудили. Это был сон. Ничего больше. - Я знаю, - сказал я. - Но... мне нужно было сказать, что я не хотел тебя... поставить в неловкое положение. И что это не повторится. Она чуть скривила губы, почти улыбка. - Ты сейчас как будто отчитываешься перед командиром. «Происшествие исчерпано, меры приняты». - Так и есть, - честно признался я. - В этом и есть твоя проблема, - тихо сказала она, отводя взгляд. - Ты всё пытаешься взять под контроль. Даже сны. Нельзя всё контролировать.

Иногда... иногда нужно просто позволить чему-то быть. Без оценки. Без тактики. Её слова прозвучали как приговор. И как откровение. Я всегда жил контролем. Без него - смерть. А она предлагала его отпустить. Хотя бы в этом. В нашем «шуме». - Легко сказать, - пробормотал я. - Я не говорю, что это легко, - она вздохнула. - Просто... попробуй. Хотя бы пока ты здесь. Потом... потом уже не будет ни времени, ни возможности. «Потом». Это слово обозначало фронт. И ту неизвестность, что ждала нас обоих после него. Она не сказала «когда ты вернёшься». Она сказала «потом». Как будто это было какое-то другое измерение, где наши правила перестанут действовать. Я допил чай и встал. - Ладно. Я пойду. - Хорошо. Она проводила меня до двери. Я уже взялся за ручку, когда она сказала: - Кирилл. Если захочешь... просто заехать. Не нужно придумывать про сантехнику. Можно просто заехать. Я обернулся. Она стояла, обняв себя за плечи, и смотрела на меня не как на делового партнёра, а как на человека. На того самого человека, который рубил дрова и брал её во сне. - Понял, - кивнул я. - Спасибо. Я вышел. На этот раз, спускаясь по лестнице, я не чувствовал того же щемящего одиночества. Было чувство... разрешения. Смутного, неясного, но разрешения быть не только солдатом с контрактом, но и просто человеком, который может «просто заехать». И за оставшиеся полтора месяца я «просто заезжал». Сначала раз в неделю. Потом чаще. Мы не устраивали свиданий. Я привозил иногда еды (оправдываясь, что «рядом

был хороший магазин»). Она варила кофе. Мы могли молчать, каждый занимаясь своим: она - работой, я - глядя в окно или листая оставленные на полке книги. Иногда разговаривали. О чём-то нейтральном. О книгах. О музыке, которая ей нравится. О том, как она учила языки. Я рассказывал что-то бесцветное о службе, вымарывая из рассказов весь ужас и оставляя только бытовуху. Это было странное, подвешенное состояние. Мы не сближались. Но мы и не отдалялись. Мы существовали в одном пространстве, потихоньку привыкая к присутствию друг друга. Как два островка, между которыми натянулся тонкий, невидимый мостик. Ходить по нему было страшно. Но знать, что он есть, было... невыносимо важно. И каждую ночь, засыпая в своей каморке, я ловил себя на мысли, что жду следующего «просто заехать». И это пугало больше любого боя. Потому что это значило, что контроль уже был потерян. И я даже, чёрт возьми, не очень-то этому сопротивлялся. Я стоял в прихожей квартиры Стаса и Лизы, прислонившись к косяку, и чувствовал себя абсолютным идиотом в этом новом, темно-синем костюме. Галстук душил, туфли жали. Я курил, хотя Лиза уже десять раз шипела на меня, что от меня пахнет табаком, и это «испортит момент». Момент. Свадьба. Настоящая, с гостями, рестораном и всей этой мишурой, которой я успешно избегал всю жизнь. Мать поставила ультиматум после того, как увидела наше с Верой свидетельство о браке, выданное в каком-то безликом ЗАГСе на окраине. «Это не брак, это справка! -

рыдала она в трубку. - Я хочу видеть свою невестку в платье, хочу тост сказать, хочу, чтобы все знали! Или ты меня, старуху, в гроб сгоняешь!» Сопротивляться было бесполезно. Я сказал Вере, готовясь к её категоричному отказу. Но она, помолчав, просто вздохнула и сказала: «Ладно. Только давайте быстро». «Быстро» не получилось. Мать и её мать (которая, кажется, уже называла меня «сыночек» и плакала от счастья, совершенно не подозревая, что это за цирк) устроили нам целую операцию. Сегодня - выкуп, потом ЗАГС, потом банкет на тридцать человек. Ад. Стас нервно поглядывал на часы. - Лиза! Всё, сейчас же опоздаем на выкуп! Ты же знаешь, тётя Галина (моя мать) устроит нам тут выволочку на весь район! - Секундочку! - крикнула Лиза из глубины квартиры. - Я не могу найти ту самую подвязку! Она должна быть синей! - Да какая разница! - взвыл Стас. - Главное - невесту похитить и до ЗАГСа довести! Кирилл, скажи ей! Я молча затаился, глядя на дым, стелющийся к потолку. Всё это было каким-то сюрреалистичным кошмаром. Выкуп. Я, Кирилл Воронцов, кадровый офицер, буду сейчас ломиться в дверь собственной квартиры, отдавать деньги и выпивать с какими-то ряжеными «друзьями невесты», которых наверняка натаскала Лиза, чтобы выкупить свою же жену. По бумажке. Мысль о том, что там, в квартире, сейчас Вера, которую наряжают в белое платье наши матери, вызывала во мне странную смесь паники и... любопытства. Как она там? Вцепляется ли в стул, отказываясь надевать фату? Или, сжав

зубы, терпит всё это, как терпела на даче, потому что «таковы условия контракта»? - Всё, нашла! - Лиза вылетела в прихожую, сияя. На ней было какое-то розовое платье, делающее её похожей на торт. - Поехали, жених! Твоя суженая ждёт! Стас схватил ключи. Мы высыпали в подъезд. Я шёл последним, чувствуя, как каждая клетка моего тела протестует против этого фарса. Но отступать было поздно. Мосты были сожжены. Причём сожжены с такой помпой, что дым теперь стлался над всем городом. По дороге Стас пытался шутить, Лиза трещала без остановки о том, как они всё подготовили. Я молчал, глядя в окно. Мы подъехали к моему же дому. У подъезда уже толпились люди - видимо, «свидетели» и прочие актёры этого спектакля. Увидев нашу машину, они зашумели. - Ну, поехали, - вздохнул Стас, паркуясь. - Кирилл, лицо не такое, будто на расстрел ведут. Улыбнись! Ты жених! Я выдавил что-то, похожее на оскал, и вышел из машины. На меня сразу набросились: кто-то прицепил на лацкан пиджака дурацкую розетку «Жених», кто-то сунул в руку бутылку шампанского. Меня окружили и повели к подъезду под похабные кричалки и прибаутки. Всё это было громко, глупо и невыносимо. Поднялись на мой этаж. Дверь в мою же квартиру была украшена лентами и воздушными шарами. Из-за неё доносился женский смех и голос моей матери: «Верочка, не сутулься! Ты же королева сегодня!» Кто-то громко постучал в дверь: - Эй, отдавайте невесту! Жених пришёл! Не отдадите - дверь выбьем! - А у вас что есть для невесты? - про-

звучал из-за двухийкий, незнакомый голос. Девушка, наверное. - У нас есть жених! Красивый, холооодный! - орал Стас. - И шампанское! И выкуп! Начался торг. Я стоял в стороне, чувствуя, как краснею от унижения и бешенства. Я платил деньги через щель в двери, отгадывал дурацкие загадки про Веру (отвечал наугад, Лиза подсказывала шёпотом), пел по требованию куплет из какой-то похабной песни. Всё это фиксировалось на десяток телефонов. И вот, наконец, дверь открылась. Толпа хлынула внутрь. И я увидел её. Вера стояла посреди гостиной в простом, но элегантном белом платье до колен. Без рюшей и пачки. Фата была короткой, заколотой в её собранные волосы. Она стояла очень прямо, сжав в руках маленький букет. Её лицо было бледным, губы плотно сжаты. Но когда её взгляд нашёл меня в толпе, в её глазах мелькнуло нечто знакомое - та же самая усталая, циничная решимость, что была у меня. «Терпи, - словно говорил её взгляд. - Сколько там ещё?» Наши матери рыдали рядом, обнимая друг друга. Лиза захлёбывалась от восторга. А мы с Верой стояли в эпицентре этого безумия, как два островка тишины в бушующем море идиотизма. Она была красивой. Чертовски красивой. И совершенно чужой в этом наряде, который кричал о любви и счастье, которых между нами не было и не могло быть. - Ну, жених! - толкнул меня Стас в спину. - Забирай свою суженую! На колено вставай, целуй! Все затихли в ожидании. Я подошёл к ней. Видел, как она едва заметно отшатнулась. Я опустился на одно колено, как полагается.

Глядя снизу вверх на её напряжённое лицо. Шёпотом, так, чтобы слышала только она, сказал: - Извини за этот цирк. - Не ты его придумал, - так же тихо ответила она. Я взял её руку. Холодную. Поцеловал её пальцы, как требовал ритуал. Толпа взревела от восторга. Я поднялся. - Теперь в ЗАГС! В ЗАГС! - закричали гости. Её мать накинула ей на плечи какую-то белую накидку, моя мать что-то поправила у меня в волосах, плача. Меня и Веру вытолкали из квартиры и повели вниз, осыпая конфетти и рисом. В лифте мы оказались на мгновение одни, оттесненные от остальных. Она прислонилась к стене, закрыв глаза. - Жива ещё? - спросил я. - Еле-еле, - она открыла глаза и посмотрела на меня. И вдруг, в её взгляде мелькнула слабая, но самая настоящая улыбка. - Зато теперь, когда тебя на фронте убьют, у меня будут красивые фотографии для памяти. Это была такая чёрная, такая наша с ней шутка, что я фыркнул. И это сняло часть напряжения. - Потерпи ещё немного, - сказал я. - Осталось только выдержать банкет. - Обещаешь, что это кончится? - спросила она, и в её голосе была детская, почти наивная надежда. - Клянусь, - серьёзно ответил я. - После завтра всё вернётся на круги своя. Лифт открылся. Нас снова поглотила шумная толпа. Но теперь, ведя её к машине, я чувствовал не просто ответственность по контракту. Я чувствовал странное желание... защитить её от всего этого. От этого чужого счастья, которое на нас давило. От этих чужих надежд. Защитить нашу тихую, уродливую, но честную сделку от этого громкого,

красивого вранья. Я помог ей сесть в украшенную лентами машину Стаса. Она поправила складки платья. Наше отражение мелькнуло в стекле - жених и невеста. Картинка из чужой жизни. «Потерпи, - повторил я про себя, уже не зная, к кому обращаюсь - к ней или к себе. - Скоро кончится». Но часть меня, предательская и тихая, уже начинала сомневаться: а что, собственно, кончится? И что начнётся? ЗАГС был кошмаром наяву. Мрамор, зеркала, гулкое эхо под сводами и десятки таких же, как мы, пар - только у них в глазах был идиотский блеск, а не усталое отчаяние. Нас загнали в очередь, потом в какой-то кабинет для «молодожёнов». Там фотограф, липкий от пота, заставлял нас встать в дурацкие позы: «Жених, обнимите невесту за талию! Невеста, положите голову ему на плечо! Улыбочку!» Вера леденела под моей рукой, её улыбка на фотографиях выходила застывшей и пугающе безупречной. Моя собственная гримаса, должно быть, напоминала предсмертный оскал. Потом - сам ритуал. Мы стояли перед пышной, улыбающейся женщиной в мантии, которая говорила пафосные слова о любви, верности и союзе душ. Каждое её слово било по мозгам, как молотком. Я смотрел на Веру. Она смотрела куда-то в пространство над плечом регистраторши, её пальцы судорожно сжимали мой новый, купленный матерью, обручальный брусоч из белого золота. Мне казалось, я слышу, как стучит её сердце - не от волнения, а от ярости и стыда. Когда пришло время сказать «да», мы произнесли это хором с десятком других пар, и на-

ши голоса потонули в общем гулком «ДААА!», прозвучавшем как приговор. Обмен кольцами. Её рука дрожала, когда она надела кольцо на мой палец. Моё было холодным и чужим на её тонкой, холодной же руке. Поцелуй. Мы знали, что он будет. И мы его оттрепетировали - сухой, быстрый, в щёку. Но когда настал момент, толпа наших «гостей» взревела: «Горько!». И регистраторша с улыбкой сказала: «Ну, молодые, осчастливьте гостей!» Вера взглянула на меня. В её глазах был панический вопрос. Я видел, как она едва заметно качнулась назад. Чёрт. Я наклонился, схватил её за плечи, чтобы это выглядело «страстно», и прикоснулся губами к уголку её губ. Мимо. На долю секунды. Её кожа была прохладной и пахла каким-то цветочным кремом. Толпа заголосила, довольная. Она резко отстранилась, её щёки вспыхнули румянцем - не от смущения, а от гнева. Я отпустил её, чувствуя, как горит собственное лицо. Не от поцелуя. От унижительной лжи, в которой мы только что участвовали. Потом были поздравления, очередные фото, хлопанье пробок. Меня хлопали по спине, трясли руку. Её обнимали, целовали, шептали что-то на ушко. Она кивала, улыбалась той же мёртвой, идеальной улыбкой. Я ловил её взгляд через толпу - мы оба тонули, и только мы знали, насколько глубоко. Наконец, нас вывели из ЗАГСа и повезли в ресторан. Банкет был ещё одним кругом ада. Длинный стол, уставленный едой, которую никто не будет есть. Музыка, под которую нельзя не танцевать. Бесконечные тосты. Мои сослу-

живцы, которых притащил Андрей, орали «Горько!» каждые пять минут, и мы целовались - всё те же быстрые, аккуратнее прежнего, касания в щёку или в губы, которые уже начали жечь, как ожоги. Я пил. Не от веселья. Чтобы заглушить. Вера от вина отказывалась, пила только воду. Она сидела рядом, изображая внимательную невесту, иногда тихо что-то говоря мне на ухо: «Ещё тост от троюродной тёти, держись», или «Танцев, кажется, будет три. Я записала». Она была моим штурманом в этом море безумия. И в какой-то момент, посреди очередного дурацкого танца (меня заставили танцевать с ней один на один под какую-то соплившую балладу), я понял, что без неё я бы, наверное, уже сорвался и ушёл. А она без меня просто сломалась бы от давления. Мы были сообщниками не только в сделке, но и в выживании на этой помпезной, чужой нам свадьбе. - Спасибо, - пробормотал я ей на ухо, пока мы медленно кружились, стараясь не касаться друг друга больше необходимого. - За что? - она не подняла на меня глаз. - За то, что не сбежала ещё в ЗАГСе. - Думала об этом, - призналась она. И добавила: - Но подвела бы Лизу. И наших матерей. И тебя, наверное. «И тебя». Эти два слова засели во мне. Она оставалась не из-за контракта. Она оставалась, потому что не хотела подводить. Даже меня. Особенно меня. Танец кончился. Нас разлучили - меня потащили мужики «обмывать» новую ступень жизни, её - женщины, чтобы дать «наставления». Я пил коньяк с Андреем и Стасом в каком-то углу, наблюдая, как она, бледная,

но собранная, слушает что-то мою развеселившуюся мать. - Ну что, братан, - хлопнул меня по плечу Андрей, - поздравляю, значит. Семьянин. Теперь у тебя есть ради чего возвращаться. Он сказал это просто, от всей души. И от этих слов у меня внутри всё сжалось в тугой, болезненный узел. «Ради чего». Ради квартиры, которую я ей сдал? Ради конверта с деньгами? Ради этой кучи лживых фотографий? - Да, - хрипло ответил я и осушил стопку. Ближе к концу, когда гости уже были изрядно пьяны, а мы с Верой - смертельно уставшими, случился момент. Её мать, плача, обнимала её и говорила что-то. Потом подошла ко мне. В её глазах стояли слёзы искренней радости. - Кирилл, сынок. Береги её. Она у меня... хрупкая. Но золотая. Вы будьте счастливы. Обязательно. Она поцеловала меня в щёку. Я стоял, окаменев, чувствуя, как по спине бегут мурашки от стыда. Этот женщине я лгал в лицо. Её дочери я купил, как вещь. А она называла меня «сынком» и желала счастья. Я встретился взглядом с Верой через стол. Она видела мой стыд. И в её глазах я прочёл то же самое. В тот момент мы поняли друг друга без слов. Мы не просто лгали всем этим людям. Мы причиняли боль самым близким. И это было в тысячу раз тяжелее любой фикции. Наконец, ближе к полуночи, стало затихать. Гости начали расходиться. Матери, счастливые и уставшие, уехали на такси. Остались только самые стойкие - Андрей с Катей, Стас с Лизой. Они решили, что должны проводить «молодых» в их «брачную ночь». Ещё один дурацкий ритуал. Нас

с Верой усадили в ту же украшенную машину, обсыпали ещё раз крупой и конфетти и повезли... ко мне. В мою квартиру. Которая теперь была и её. Подъезд был пуст. Мы вышли. Стас подмигнул: - Ну всё, ребята. Дальше - ваше. Не шумите слишком громко! Лиза что-то прошептала Вере на ухо, та покраснела и отмахнулась. Потом они уехали. И мы остались вдвоём. В тишине. В полной, оглушительной тишине после десяти часов непрерывного грохота. Я открыл дверь. Мы вошли. Свет в прихожей щёлкнул, освещая знакомый коридор. Но теперь на вешалке висело её лёгкое пальто рядом с моей старой курткой. На полу стояли её туфли. Она прошла в гостиную, скинула с плеч накидку и, не глядя на меня, сказала: - Всё. Цирк окончен. Её голос был плоским, безжизненным. Она сняла с головы фату, бросила её на диван. Потом потянулась к застёжке платья на спине. - Поможешь? - спросила она через плечо. Чисто технический вопрос. Я подошёл. Мои пальцы, неуклюжие от выпитого и от всего пережитого, нашли крошечную молнию. Расстегнул. Платье слегка расшлось, обнажив её спину, белую и хрупкую. Она тут же стянула платье с плеч и, придерживая его на груди, быстро прошла в спальню, захлопнув за собой дверь. Я остался один в гостиной. На диване лежала белая фата, как призрак только что закончившегося кошмара. Стояло полупустое блюдо с конфетами, которое так и не доели. В воздухе витал сладкий, приторный запах чужих духов, смешанный с запахом еды из ресторана. Я снял пиджак, расстегнул воротник ру-

башки, сел на диван и закурил прямо там, в гостиной, чего никогда не делал. Затягивался, пытаюсь прогнать вкус лжи со своих губ. Вкус её помады от того дурацкого поцелуя. Вкус стыда от слов её матери. Из спальни доносился шум воды - она, наверное, смывала с себя весь этот день. Я сидел и курил, глядя на обручальное кольцо на своей руке. Оно блестяло тускло в полумраке. Знак чего? Не любви. Не верности. А хорошо разыгранного спектакля. И мучительной, нечаянной солидарности с той, кто сейчас была за стеной и, наверное, тоже чувствовала себя абсолютно разбитой. Цирк окончен. Да. Но что началось? Не знал. И впервые за долгое время это незнание не злило, а просто пугало до дрожи.

Глава 7. Вера Лебедева

Вода смыла лак для волос, стойкую помаду и тонкий слой пудры, за которым я пряталась весь день. Но смыть ощущение чуждости, липкий стыд и усталость, которая проникла в кости, - это оказалось невозможно. Я вытерлась насухо, натянула свою самую старую, мягкую футболку и домашние шорты - доспехи нормальности. В отражении в зеркале была просто Вера. Бледная, с мокрыми тёмными прядями волос и синяками под глазами. Не невеста. Никогда больше не невеста.

Из-за двери доносился едкий запах табачного дыма. Он курил в гостиной. В нашей гостиной. Мысль о том, что я теперь должна как-то обозначать пространство этими местонаименованиями, вызывала новую волну тошноты. Я сделала глубокий вдох, расправила плечи и вышла.

Он сидел, откинувшись на спинку дивана, в расстёгнутой рубашке поверх брюк. Галстук валялся на полу. В одной руке - дымящаяся сигарета, взгляд уставлен в потолок. На журнальном столике лежала та самая белая фата, скомканная, как ненужная тряпка. Картина полного опустошения.

Он услышал мои шаги и медленно повернул голову. Его глаза были красными от усталости и, возможно, от выпитого. В них не было привычной насмешки или льда. Была пустота. Та же самая, что и у меня внутри.

- Привет, - хрипло сказал он.
 - Привет, - мой голос прозвучал тише, чем я хотела.

Я прошла мимо него на кухню, налила два стакана воды. Поставила один перед ним на стол, рядом с пепельницей. Села в кресло напротив, поджав под себя ноги. Мы пили молча. Вода была холодной и безвкусной, но хотя бы она была реальной.

- Ну что, - он затушил сигарету, раздавив окурок с каким-то ожесточением. - Поздравляю нас с успешно проведённой спецоперацией. Цель достигнута. Все довольны.
- Кроме нас, - тихо добавила я.

Он посмотрел на меня, и в его взгляде что-то дрогнуло.
- Кроме нас, - согласился он. Потом провёл рукой по лицу. - Боже, этот банкет. Эти тосты. Твоя мать... Моя мать...
- Не надо, - попросила я, закрывая глаза. - Пожалуйста, не надо вспоминать. Я не выдержу.

Я слышала, как он встал, прошёлся по комнате. Шаги были тяжёлыми, неровными.
- А этот поцелуй в ЗАГСе, - пробормотал он, будто говоря сам с собой, но достаточно громко, чтобы я слышала. - Я извиняюсь. Это было... некорректно.

«Некорректно». Армейский термин для обозначения кошмара.
- Всё было некорректно, Кирилл. С самого утра. Не ты виноват.

Он остановился передо мной.
- А кто? Я. Это я согласился на эту идиотскую идею матери. Я втянул тебя в

это.
 - А я могла отказаться, - возразила я, открывая глаза. - Но не отказалась. Потому что... потому что уже зашла слишком далеко. И потому что смотреть, как твоя мать плачет от счастья... это была какая-то извращённая плата за её будущие слёзы, когда ты...

Я не договорила. Не смогла. Сказать «когда тебя убьют» сейчас, после всего этого дня, когда он стоял рядом в смокинге и выглядел таким живым и неукротимым, было бы слишком жестоко. Даже для нас.

Он понял. Кивнул.
 - Да. Её слёзы сегодня... они делают всё в десять раз хуже.

Мы снова замолчали. Тишина была густой, но в ней не было прежней неловкости. Было общее горе. Горе от того, что мы обманули самых близких. Горе от того, что наш сухой, расчётливый договор оказался вымазан в этом липком, сладком торте под названием «семейное счастье».

- Знаешь, что самое ужасное? - сказала я, глядя на своё отражение в тёмном окне. - Что где-то в глубине души, на какую-то долю секунды... мне было не так уж плохо. Когда мы танцевали, и ты сказал «спасибо». Или когда моя мама обнимала тебя. В эти секунды ложь казалась... почти правдоподобной. И это отвратительно.

Он сел на диван, на противоположный от меня конец.
 - Я тоже, - признался он так тихо, что я едва расслышала. - Когда твоя мать называла меня «сынком»... чёрт. На мгновение я почти поверил, что заслуживаю этого.

Его слова ранили какой-то новой, острой болью. Потому что в них была та же одинокая, голодная часть души, что и у меня. Та часть, которая, несмотря на все баррикады и контракты, всё ещё хотела простых вещей: чтобы тебя считали своим. Чтобы о тебе заботились. Чтобы тобой гордились.

Я поднялась с кресла, подошла к окну и прислонилась лбом к холодному стеклу.
- Что мы делаем, Кирилл? - прошептала я. - Во что мы ввязались?
- Не знаю, - честно ответил он. - Я думал, это будет просто. Бумажка. Деньги. Тишина. А получилось... это.

«Это». Всё, что было между нами теперь, кроме контракта. Ночные разговоры. Нечаянные объятия во сне. Взгляды, полные понимания. И этот чудовищный день, который связал нас прочнее любой подписи.

- Я не хочу, чтобы ты чувствовал себя обязанным, - сказала я, всё ещё глядя в ночь. - После сегодняшнего. Весь этот фарс... он не меняет наших условий. Ты уезжаешь. Я остаюсь. Всё как было.

Я ждала его согласия. Его привычного, облегчённого «да, конечно». Вместо этого я слышала, как он встал и подошёл ко мне. Он остановился в шаге сзади. Я чувствовала его тепло, запах табака, одеколона и усталости.

- А если я не хочу, чтобы всё было «как было»? - тихо спросил он.

Я замерла. Сердце пропустило удар, потом заколотилось с бешеной силой. Я медленно обернулась. Он стоял близко.

Его лицо было в тени, но глаза ловили слабый свет из окна и горели каким-то странным, незнакомым огнём. Не страстью. Скорее... отчаянием. И решимостью.

- Что ты имеешь в виду? - мой голос был едва слышен.
- Я имею в виду, - он говорил медленно, подбирая слова, - что этот день, этот кошмар... он показал мне одну простую вещь. Мы уже не просто две стороны сделки. Мы... команда. Мы прошли через это вместе и не сдали друг друга. И я... - он запнулся, сжав кулаки. - Я не хочу терять это. Не хочу возвращаться к тому, что было. К тишине, в которой я один, а ты - просто точка на карте в моей квартире.

Он сказал это. Выложил всё. Без прикрытий, без цинизма. И в этот момент он был уязвимее, чем когда-либо. Уязвимее, чем во сне.

- Кирилл, - начала я, и голос дрогнул. - Ты уезжаешь на войну. Ты...
- Знаю, - резко перебил он. - И именно поэтому. Потому что там, в окопе, мысль о том, что ты здесь, просто как арендатор, которая в любой момент может взять и уйти... она не греет. А мысль о том, что ты... что у меня есть ты. Не как жена. Как... человек, который знает. Который прошёл этот бред со мной. Который может получить похоронку и... и хоть как-то понять. Это... это уже что-то. Это больше, чем было у меня когда-либо.

Слёзы, которых не было весь этот долгий, невыносимый день, наконец подступили к горлу. Они жгли глаза. Я пыталась их сдержать, но одна предательская капля скатилась по

щеке.

- Это ужасная основа для чего бы то ни было, - прошептала я. - Боль, стыд и обман.
 - Какая разница, - сказал он, и его рука медленно, неуверенно поднялась, чтобы стереть эту слезу большим пальцем. Прикосновение было грубоватым, но бесконечно бережным. - Какая разница, на чём оно растёт, если оно живое?

Я смотрела на него, на этого человека в мятой рубашке, с красными глазами и кольцом на пальце, которого я боялась больше, чем одиночества. И впервые не видела в нём циника или хозяина по контракту. Я видела такого же потерянному, такого же напуганного человека, как я. Который, вопреки всем своим правилам, протянул руку. Не чтобы удержать. Чтобы не потерять связь.

И я поняла, что тоже не хочу её терять. Этот «шум». Это тихое, странное понимание между двумя сломанными людьми. Это было страшно. Это грозило новой болью, куда более страшной, чем всё, что я уже пережила. Но альтернатива - вернуться в ледяную тишину нашего первоначального договора - казалась теперь ещё страшнее.

Я не сказала «да». Я не сказала ничего. Я просто наклонила голову, прижавшись щекой к его ладони, которая всё ещё лежала на моём лице. Закрыла глаза. И позволила ещё одной слезе скатиться, но теперь уже не от горя. От облегчения. От того, что я наконец-то перестала притворяться, что мне всё равно.

Он вздохнул - глубоко, с каким-то сдавленным звуком. Потом его рука осторожно обвила моё плечо, и он притянул меня к себе. Не как в том сне. Осознанно. Аккуратно. Я уткнулась лбом в его грудь, в складки мятой рубашки, и позволила себе расслабиться, впервые за весь день. Его вторая рука легла мне на затылок, пальцы запутались в мокрых волосах.

Мы стояли так, посреди разгромленной после праздника гостиной, среди запаха дыма и чужих духов. Две одинокие души, нашедшие друг в друге не любовь, не страсть, а просто тихую гавань в море лжи и предстоящей боли. И этого, возможно, было достаточно. Чтобы начать. Чтобы дышать. Чтобы дожить до завтра.

- Оставайся, - тихо сказал он мне в волосы. - Оставайся не только из-за контракта.
- Хорошо, - выдохнула я. - Остаюсь.

Я отстранилась, всего на полшага, ровно настолько, чтобы видеть его лицо. Его глаза были темными, бездонными колодцами, в которых тонуло всё: усталость дня, стыд, цинизм. Оставалась только та самая голая, дрожащая на ветру правда, которую мы оба только что признали. И страх. Страх перед этим шагом, который не был прописан ни в одном контракте.

Мое сердце колотилось так, будто хотело вырваться из груди и убежать от той опасности, на которую я сейчас шла. Но я не отпустила его плечо. Мои пальцы вцепились в гру-

бую ткань его рубашки, чувствуя под ней жар и напряжение мышц.

И я потянулась.

Медленно, давая ему время отстраниться, оттолкнуть, вернуть всё на круги безразличия. Он не сделал ни одного движения. Он замер, его взгляд прикован к моим губам.

Мои губы коснулись его. Сначала это было просто прикосновение. Точка соприкосновения двух миров, холодная и неуверенная. Никакой страсти, только вопросительная тишина. *«Это? Ты этого хочешь? Я этого хочу?»*

Потом он вздохнул. Глубокий, сдавленный звук, который разорвал тишину. И его рука, лежавшая у меня на затылке, сжалась, вдавливая пальцы в кожу. Не больно. Твердо. Как якорь. В ответ я приоткрыла рот, и это уже был не вопрос, а шаг. Неуклюжий, робкий, но шаг вперёд.

Его губы ответили. Сначала с той же осторожностью, будто боясь сломать что-то хрупкое. Потом настойчивее. Горячее. Вкус был сложным: горьковатая острота табака, сладость выпитого за вечер вина и что-то ещё, чистое, просто его. Он вёл, его язык провёл по моей нижней губе, требуя доступа, и я сдалась, позволив ему войти. Поцелуй перестал быть нежным исследованием. Он стал захватом. Признанием. Отчаянной попыткой двух людей, оглохших от лжи, доказать друг другу что-то настоящее на языке, которому не нужны слова.

Я вскрикнула, когда он впился зубами в мою губу, не боль-

но, но достаточно резко, чтобы по спине пробежали мурашки. Мои руки сами нашли путь под его расстёгнутую рубашку, ладони легли на горячую, твердую кожу его спины. Он вздрогнул от прикосновения, его тело на мгновение окаменело, а потом он рванул меня к себе так сильно, что наши тела слились в один горячий комок.

Он разорвал поцелуй, его дыхание было прерывистым, горячим у моего уха.
- Ты уверена? - прошептал он хрипло. Последний шанс. Последний выход.
Вместо ответа я потянулась и снова поймала его губы, уже без тени сомнения. Да. Чёрт возьми, да.

Это был сигнал. Всё, что сдерживалось месяцами - его холод, моя осторожность, наши выстроенные баррикады - рухнуло в одно мгновение.

Его руки скользнули под мою футболку, большие, шершавые ладони обхватили мою талию, провели по рёбрам, заставив меня выгнуться. Пальцы нашли грудь, нащупали тугой сосок через тонкий хлопок бюстгальтера, и я застонала, прижимаясь к нему. Это было не похоже ни на что прежде. Не было нежности, не было романтики. Была только жгучая, почти болезненная потребность чувствовать. Доказывать, что мы живы. Что мы здесь. Что это не сон.

- Надо... убрать это, - он пробормотал, отрываясь, и его руки потянули мою футболку вверх. Я подняла руки, позволив ему стянуть её и швырнуть куда-то в темноту. Его рубашка полетела следом. В полумраке гостинной наша кожа казалась

бледной и уязвимой. Его тело было совсем не таким, как у моего бывшего мужа - более жёстким, с чёткими рельефами мышц, со шрамами и татуировками, рассказывающими истории, которые я, возможно, никогда не узнаю. Я прикоснулась к одному из шрамов, длинному и белому, на его боку.
 - Не сейчас, - резко сказал он, ловя мою руку и прижимая её ладонью к своей груди, прямо над бешено колотящимся сердцем. - Не о прошлом. Только сейчас.

Он поднял меня на руки так легко, будто я невесомость. Мои ноги обвили его талию, руки вцепились в плечи. Он понёс меня, не в спальню, а прямо тут, в гостиной, и опустил на широкий диван. Его тело накрыло моё, тяжелое, реальное, пахнущее потом, кожей и им. Его губы обжигали шею, спустились к ключице, оставляя влажный, горячий след. Его рука скользнула между моих ног, поверх шорт, и нажала именно туда, где уже всё горело и пульсировало от желания.

Я закричала, вцепившись пальцами ему в волосы, когда его пальцы нашли путь под ткань, коснулись обнажённой, мокрой кожи.
 - Кирилл... - простонала я, уже не в силах выносить это сладкое, мучительное напряжение.

Он отстранился, его глаза в полумраке пылали темным огнем.
 - Смотри на меня, - приказал он хрипло, снимая с меня шорты и последнюю преграду - тонкое кружевное белье, купленное Лизой «на всякий случай». - Я хочу видеть твои глаза.

И когда он вошёл в меня, медленно, преодолевая сопро-

тивление, но не останавливаясь, я действительно смотрела ему в глаза. В них не было победы или обладания. Была та же самая потерянная и боль, что и у меня. Было осознание, что мы оба пересекаем черту, из-за которой нет возврата к нашему безопасному, пустому договору.

Боль сменилась заполненностью, а потом - ритмом. Он задал его - неистовый, почти яростный, как будто хотел стереть в пыль все воспоминания, все призраки, всё, что было до этого момента. Я отвечала ему, впиваясь ногтями в его спину, встречая каждый толчок, каждый вздох. Это не было любовью. Это было битвой. Битвой против одиночества, против лжи этого дня, против невыносимой легкости нашего фиктивного брака. Мы сражались, пытаясь найти в этом телесном столкновении хоть каплю той простой, животной правды, которой нам так не хватало.

Я чувствовала, как внутри всё сжимается, как нарастает волна, готовая снести все остатки контроля. Его дыхание стало хриплым, лоб прижался к моему.
- Вера... - простонал он, и в его голосе прозвучала мольба, обрывок, сдавленный страстью и болью.

Это стало последней каплей. Контроль лопнул. Волна накрыла меня с такой силой, что мир на секунду пропал, оставив только белое пламя и сдавленный крик, застрявший в горле. Он последовал за мной почти сразу, с глубоким, животным стоном, вонзившись в меня в последнем, отчаянном толчке, и замер, весь дрожа, прижимая меня к дивану так

крепко, будто боялся, что я рассыплюсь.

Тишина, что наступила потом, была абсолютной. Нарушали её только наши неровные, хриплые вздохи и далёкий гул города за окном. Он лежал на мне, не двигаясь, его вес давил, но это было хорошее, реальное давление. Его сердце билось о мою грудь частыми, тяжелыми ударами.

Потом он медленно приподнялся на локтях. Его лицо было близко. Всё то же лицо, но что-то в нём изменилось навсегда. Границы стёрлись. Остались только мы. Двое людей в потрепанной гостиной, пахнущей сексом, дымом и распадом чужого праздника.

Он ничего не сказал. Просто опустил голову и прижался лбом к моему плечу. Держался. Я обвила его руками, проводя ладонями по его мокрой от пота спине. По его шрамам. По новой, только что оставленной мной царапине.

Никаких слов не было нужно. Всё, что было важно, уже случилось. Мы сожгли наш контракт в этом огне. И теперь нам предстояло жить в пепле, не зная, что вырастет из него завтра. Но сегодня, в этой тишине, под его тяжестью, я чувствовала лишь одно: я не одна. И он - тоже. И этого пока что было достаточно.

Сознание возвращалось медленно, через слои глубокого, тяжёлого сна. Сначала я почувствовала боль. Не острую, а приятно-ноющую, разлитую по мышцам бёдер, спины, даже плеч. Память о вчерашнем нахлынула не сразу, а обрушилась сразу всей своей весомой, неоспоримой реальностью. Жар

его кожи под моими ладонями. Жёсткость его тела над моим. Хриплый, прерывистый стон у моего уха. И та тишина после, густая и полная, в которой мы просто лежали, прижавшись друг к другу, не в силах и не желая шевельнуться.

Я открыла глаза. Я была в постели. Не на диване в гостиной. Он перенёс меня сюда, пока я спала. Я лежала на его стороне кровати, на простынях, которые пахли им - чистым, мужским запахом кожи и чего-то ещё, неуловимого, что теперь было мне знакомо до боли. Рядом на подушке лежала вмятина от его головы, но его самого не было.

Я потянулась, и тело отозвалось той самой сладкой болью. Стыд? Нет. Стыд остался где-то там, в вчерашнем дне, смытый этим безумием. Теперь было только смущение, смешанное с острым, тревожным любопытством. Что теперь? Что мы скажем друг другу? Как будем смотреть в глаза?

И тут до меня донёсся запах. Горьковатый, насыщенный, невероятно вкусный запах свежесваренного кофе. Он шёл с кухни.

Сердце ёкнуло. Он здесь. Он не сбежал на рассвете, как, наверное, делал раньше. Он остался. И он варит кофе.

Я натянула на себя его футболку, которая валялась на полу рядом с кроватью - серая, мягкая, пахнувшая им. Она была огромной на мне, свисала почти до колен. Я не стала искать свои вещи. Мне нужно было увидеть его. Сейчас.

Я вышла из спальни босиком. В гостиной царил утренний полумрак, но всё уже было прибрано. С дивана исчезли

скомканные простыни и одеяло, на полу не валялась наша вчерашняя одежда. Он убрал. Стер видимые следы нашего падения.

Я прошла в кухню.

Он стоял спиной ко мне у плиты, в одних низко сидящих спортивных штанах. Его спина, широкая и мускулистая, была испещрена царапинами - моими вчерашними следами. При виде их меня пронзило что-то острое, почти животное. Это я. Он услышал мои шаги или почувствовал взгляд, потому что медленно обернулся.

Утро изменило его лицо. Оно было бледным, под глазами легли тени, но взгляд... Взгляд был спокойным. Не ледяным, не насмешливым, не смущенным. Спокойным и очень сосредоточенным. Он смотрел на меня, в его футболке, с растрёпанными после сна волосами, и в его глазах что-то смягчилось. На один градус.

- Кофе почти готов, - сказал он, его голос был чуть хриплым, как и вчера, но без напряжения.
 - Пахнет... профессионально, - выдохнула я, не в силах придумать ничего умнее.

Он кивнул к чашкам на столе.
 - Садись. Сахар?
 - Нет. Только молоко, если есть.

Он открыл холодильник, достал пакет молока. Его движения были точными, привычными. Солдат на кухне. Я села за стол, обхватив чашку ладонями, ещё не решаясь поднять на него взгляд. На его запястье сверкнуло золото обручального

кольца. И на моей руке – такое же. Вчера они были реквизитом. Сегодня... сегодня они чувствовались тяжелее.

Он налил кофе, добавил молоко в мою чашку, поставил передо мной, потом сел напротив. Мы пили молча первые глотки. Горячая, горьковатая жидкость обжигала язык и возвращала к реальности.

- Как ты? - наконец спросил он, глядя на меня поверх чашки.
- Болит всё, - честно ответила я. - Но... неплохо.
Уголок его губ дрогнул - почти улыбка.
- Извини. Я... не сдержался вчера.
- Я тоже, - быстро сказала я. - Никто ни перед кем не виноват.

Он кивнул, отпил ещё кофе.
- Я убрал в гостиной.
- Вижу. Спасибо.
- Нужно было. Иначе... иначе было бы слишком.

«Слишком» - значило бы слишком реально, слишком интимно, слишком похоже на начало чего-то, к чему мы оба не были готовы. Убрав следы, он пытался вернуть контроль. Вернуть какую-то дистанцию. И я была ему благодарна за это. Потому что мой собственный мозг тоже отчаянно цеплялся за какие-то рамки.

- Что теперь, Кирилл? - спросила я тихо, наконец подняв на него глаза.

Он долго смотрел на меня, его взгляд был тяжёлым и оценивающим.
- Теперь, - сказал он медленно, - у нас есть полтора месяца. До моей отправки.
- И что мы будем делать эти полтора месяца?
- Я не знаю, - он поставил

чашку, провёл рукой по лицу. - Я не знаю, Вера. Вчера... вчера всё изменилось. Я не могу делать вид, что ничего не было. Но и не могу... требовать чего-то. У нас нет правил для этого.

Это было правдой. Наши правила были разорваны в клочья.
 - Может, не нужны правила? - рискнула предположить я. - Может... просто быть? Пока ты здесь.

Он посмотрел на меня, и в его глазах мелькнула тень той самой уязвимости, что была вчера.
 - А если я привыкну? - спросил он ещё тише. - К этому. К тебе. А потом придется уезжать. И там... там нельзя привыкать. Там привычка - это смерть.

Его слова пронзили меня холодом. Он боялся не боли расставания. Он боялся ослабить свою броню. Сделать себя уязвимым для смерти.
 - А если... если эта привычка даст тебе больше сил? - прошептала я. - Ради чего возвращаться?

Он резко встал, отвернулся к окну. Его плечи были напряжены.
 - Не говори так. Не создавай мне... точку привязки. Я просил тебя об этом. Не держать.
 - Я и не держу, - встала и я, подойдя к нему. Я не прикасалась к нему, просто стояла рядом. - Я просто говорю, что она уже есть. Эта точка. С самого начала, с того момента, как ты подписал контракт. Ты сам её создал. А вчера мы только... признали её существование.

Он обернулся. Его лицо было искажено внутренней борьбой.
 - Ты права. Чёрт. Ты всегда права. Это опасно.
 - Вся наша ситуация опасна, - сказала я. - Но мы уже в ней.

И у нас есть полтора месяца. Мы можем пытаться игнорировать это и жить в тишине, как раньше. А можем... - я сделала паузу, набираясь смелости, - можем использовать это время. Чтобы не быть одинокими. Хотя бы эти полтора месяца.

Он смотрел на меня, и я видела, как в его глазах сопротивление тает, сменяясь той же усталой, обречённой решимостью, что была у меня.
- Без обязательств? - уточнил он.
- Без обещаний о будущем, - поправила я. - Только настоящее. Только здесь и сейчас.

Он молчал так долго, что я уже подумала, что он откажется. Что он наденет свою броню обратно и уйдёт. Но он просто протянул руку и коснулся моей щеки. Его пальцы были тёплыми от чашки.
- Ты чертовски храбрая. Для такой хрупкой.
- Я просто устала бояться, - призналась я, прижимаясь щекой к его ладони.

Он наклонился и поцеловал меня. Не так, как вчера. Медленно, почти нежно. Поцелуй-печать. Поцелуй-договор. На новую, ещё более опасную сделку. На полтора месяца реальности.

Когда он отошёл, в его глазах уже не было смятения. Был принятый вызов.
- Ладно, - сказал он. - Полтора месяца. Но есть условия.
- Какие? - насторожилась я.
- Во-первых, мы не играем в любовь. Мы не врём самим себе.
- Согласна.
- Во-вторых, ты не спрашиваешь меня о службе. О том, что там будет. И я не буду говорить.
- Договорились.
- И в-третьих, - он сделал паузу, и в

его взгляде промелькнула привычная тень иронии, - когда я уеду, ты имеешь полное право выбросить мои вещи, сменить замки и забыть этот бред как страшный сон. Без всяких угрызений совести.

Это было его попыткой дать мне выход. Свободу. Но в ней слышалась и его собственная боль, которую он уже предвидел.
- Условия приняты, - кивнула я, чувствуя комок в горле. - А теперь... можешь снова поцеловать меня? Просто потому что сейчас утро, и кофе ещё не остыл.

И он поцеловал. И в этот раз в поцелуе уже не было отчаяния. Было начало чего-то нового, хрупкого и безумно страшного. Но мы решили пойти на этот риск. Потому что полтора месяца реальной жизни, даже такой опасной и обречённой, стоили целой вечности в безопасной, мёртвой тишине.

Глава 8. Кирилл Воронцов

Полтора месяца. Сорок пять суток. Не время, а отдельная вселенная со своими законами, которые мы с Верой писали на ходу, второпях, как конституцию для государства, которому суждено пасть.

После того утра мы не говорили о «сделке» или «контракте». Эти слова растворились, как сахар в горячем кофе. Вместо них появилось «мы». Оно звучало странно, непривычно, но всё чаще проскальзывало в разговорах. «Мы сегодня что будем есть?», «Нам нужно купить молока», «Мы опоздаем в кино». Это «мы» было хрупким, как стекло, но мы обращались с ним бережно, будто зная, что любой неверный шаг разобьёт его вдребезги.

Она осталась жить в квартире. По-настоящему. Её вещи перестали ютиться в углу, а расползлись по всем полкам: книги на моих стеллажах, косметика в ванной, странные чаи с травами на кухне. Она не спрашивала разрешения. Я не протестовал. Это было частью наших новых, неписаных правил: не оглядываться на прошлые границы.

Дни текли в странном, непривычном ритме. Я не был человеком, который умел «просто жить». Моя жизнь всегда делилась на службу и ожидание службы. Теперь же появилось что-то третье. Утро начиналось не с построения, а с запаха её кофе (она быстро отобрала у меня эту обязанность,

заявив, что мой кофе годится только для того, чтобы прочищать трубы). Потом она садилась работать, а я... я находил себе занятия. Чинил кран, который скрипел годами. Перебирал старые бумаги. Или просто сидел в кресле с книгой, украдкой наблюдая, как она хмурит брови, переводя какой-нибудь сложный текст, и мурлычет что-то себе под нос, когда получается особенно удачная фраза.

Мы не торопились. Секс, случившийся в первую ночь, не стал ежедневным ритуалом. Он случался спонтанно: когда мы вместе мыли посуду и наши руки встречались в тёплой воде. Когда поздно вечером засиживались за разговором, и тишина вдруг становилась слишком густой, слишком зовущей. Это не было страстью в классическом понимании. Это было продолжением разговора на другом, более простом языке. Способом убедиться, что мы оба ещё здесь, ещё живы, ещё способны чувствовать что-то кроме тоски и страха. После мы никогда не обсуждали это. Просто засыпали вперемишку, её спина к моей груди или наоборот, и сон приходил быстрее и глубже, чем когда-либо.

Иногда мы выходили наружу. Не на свидания. Просто выходили. В кино, где она смеялась над глупыми комедиями, а я делал вид, что не смеюсь. В парк, где молча кормили уток и смотрели на закат. Однажды мы поехали за город, на то самое озеро, где я в последний раз был лет десять назад. Мы сидели на берегу, пили терпкое вино из пластиковых стаканчиков, и она рассказала, как в детстве боялась воды. Я рас-

сказал, как в училище нас заставляли переплывать реку в полном обмундировании. Мы не искали точек соприкосновения. Они находились сами - маленькие, незначительные, но от этого не менее ценные.

Но всегда, как тень, присутствовал отсчёт. Я ловил себя на том, что считаю дни. Тридцать семь... тридцать шесть... тридцать пять... Каждый прожитый день был одновременно подарком и пощёчиной. Потому что приближал тот день, когда это кончится.

Она тоже чувствовала это. Иногда среди ночи я просыпался от того, что она ворочается. Или днём заставлял её взгляд, уставленный в календарь на стене. В такие моменты мы не говорили ни слова. Просто я подходил, обнимал её сзади, прижимал к себе, и она расслаблялась, откидывая голову мне на плечо. Это был наш способ сказать: «Я знаю. Мне тоже страшно».

Однажды вечером, недели за две до моей предположительной отправки, зазвонил телефон. Не мой армейский, а личный. Командир. Голос в трубке был сухим и деловым: «Воронцов, прибыть на сборный пункт для уточнения данных. Послезавтра, 08:00».

Я положил трубку. Она стояла на кухне, резала салат. Увидела моё лицо и замерла с ножом в руке.
- Когда? - спросила она просто.
- Послезавтра утром. На сборный. Это ещё не отправка, - быстро добавил я, хотя сам не был в этом уверен. - Просто уточнения.

Она медленно положила нож, вытерла руки о полотенце. Подошла ко мне. Взяла моё лицо в свои ладони. Её пальцы были холодными от воды.
 - Значит, у нас есть ещё сегодня. И завтра, - сказала она, глядя мне прямо в глаза. В её взгляде не было паники. Была та же решимость, что и в тот день на скамейке после дачи. Только теперь она была направлена не на защиту границ, а на то, чтобы прожить эти оставшиеся часы без сожалений.
 - Да, - хрипло ответил я.

Она кивнула, отпустила мое лицо и вернулась к салату. Но её движения были уже другими - более резкими, собранными. Как будто она мобилизовалась. Как солдат перед боем.

Тот вечер и следующий день мы прожили в каком-то сгущённом, концентрированном варианте нашей «обычной» жизни. Мы не говорили о хорошем. Мы просто были вместе. Готовили ужин, который растянули на три часа. Смотрели старый, глупый фильм, и она смеялась так громко, что у неё потекли слёзы. А потом, уже ночью, мы просто лежали в постели, не касаясь друг друга, но чувствуя тепло каждого миллиметра пространства между нами.

- Я не буду писать тебе каждый день, - сказал я в темноту. - Связь там... непредсказуемая. Да и не о чем будет.
 - Я знаю, - её голос был тихим, но твёрдым. - Пиши, когда сможешь. О чём угодно. Даже если это будет просто точка. Чтобы я знала, что ты... что связь работает.

«Что ты жив» - договорила она про себя. Я понял.
 -

Обещаю.
 - И я... я буду жить здесь. Пока. - Она сделала паузу. - Буду платить по счетам из тех денег, что ты оставил. Буду беречь твоё барахло. И буду врать нашим матерям, что у нас всё прекрасно.
 - Спасибо, - это было всё, что я мог выжать из себя. Потому что большего никто никогда для меня не делал. И потому что «спасибо» звучало жалко и ничтожно по сравнению с этим.

Она перевернулась ко мне, в темноте её глаза блестя.
 - Ты вернёшься, Кирилл. Ты должен вернуться. Потому что у нас остались невыясненные отношения. И я ненавижу незавершённые дела.

В её голосе прозвучала та самая сухая ирония, которая теперь была нашим общим языком. Но под ней я слышал что-то ещё. Приказ. Просьбу. Мольбу.

Я потянул её к себе, прижал так крепко, что, кажется, слышал, как хрустят её рёбра. Она обвила меня руками и ногами, вцепилась, как будто хотела впитать в себя, запомнить на ощупь.
 - Постараюсь, - прошептал я ей в волосы. И это было самое честное, что я мог сказать.

Утром я собрал свой армейский рюкзак. Всё то же самое, что и всегда: казённое бельё, туалетные принадлежности, пара книг, фотография матери. И в этот раз я положил ещё кое-что. Маленькую, смятую бумажку, на которой она однажды нарисовала смешного кота, пока говорила по телефону. Без смысла. Просто чтобы было.

Она стояла в дверном проёме, наблюдая. Одетая в мою

футболку и свои домашние штаны. Без слез. Без истерики.
 - Я не буду провожать тебя до пункта, - сказала она. - Не хочу последнее воспоминание... такое.
 - И не надо, - согласился я. - Лучше запомнить вот так.

Я подошёл к ней, взял за подбородок.
 - Правила остаются в силе, - сказал я. - Никаких обещаний. Никакой тоски. Ты живёшь свою жизнь.
 - Я знаю, - она кивнула, и её губы дрогнули. - А ты... ты просто возвращайся. Чтобы мы могли наконец серьёзно поругаться из-за того, кто моет посуду.

Я поцеловал её. Долго. Глубоко. На прощание. На удачу. На память. Потом оторвался, взял рюкзак и, не оглядываясь, вышел из квартиры.

Дверь закрылась с привычным щелчком. Но на этот раз звук был другим. Окончательным.

Я шёл по лестнице, и каждый шаг отдавался в груди пустотой. Но вместе с пустотой было и что-то ещё. Странное, твёрдое ощущение в самой глубине, под всеми слоями страха и неизвестности. Как камень в фундаменте. Как якорь.

Она была моей точкой привязки. Той самой, которой я так боялся. И теперь понимал, что без этой точки я был просто снарядом, летящим в никуда. А с ней... с ней у меня был шанс не затеряться в том хаосе, куда я ехал. Шанс помнить, ради чего нужно выжить. Пусть даже это «ради чего» было хрупким, временным и построенным на лжи. Оно было моим. Нашим.

Я сел в машину, завёл двигатель. Взглянул в последний раз на окно нашей квартиры. За шторами мелькнула тень. Она смотрела.

Я сдал назад и выехал со двора. Впереди был сборный пункт, казарменный хаос, грузовик, фронт. Впереди была война.

Но где-то там, за спиной, в тихой квартире с её книгами и кофе, оставалась Вера. И это менялось всё. Даже если меняться уже было поздно.

Сборный пункт встретил меня знакомым коктейлем запахов: машинного масла, пыли, дешёвого табака и немытого мужского тела. Гул голосов, отрывистые команды, металлический лязг оружия. Добро пожаловать домой. Я сдал документы, прошёл медосмотр - чисто формальность, если ты ещё дышишь, ты годен. Получил комплект формы и снаряжения, почти идентичный тому, что сдал перед увольнительными. Почти. Теперь в нём не хватало привычной выправки, а в голове - той самой спасительной пустоты.

Я устроился на верхней полке в углу казармы, куда свозили нас до распределения. Достал сигарету, но не закурил - просто крутил в пальцах, глядя в потолок, испещрённый паутиной трещин. Мозг, отвыкший за полтора месяца от постоянной боевой готовности, тупо перемалывал обрывки мыслей. Что она сейчас делает? Допила ли тот кофе? Поставила ли мою чашку в посудомойку? Чёрт. Вот оно, проклятие. Точка привязки работала слишком хорошо. Она вытесняла

даже базовый инстинкт самосохранения, который должен был сейчас главенствовать.

Рядом орали мужики, делились похабными байками, хвастались, сколько они «снесут этих уродов». Я их не слышал. Я слышал её голос: «Ты просто возвращайся. Чтобы мы могли наконец серьёзно поругаться из-за того, кто моет посуду». Идиотская, абсурдная фраза. И она врезалась в память острее любого боевого клича.

Вечером выдали телефоны на полчаса. Очередь из двадцати человек к двум розеткам. Я не толкался. Стоял в стороне, наблюдая, как другие, с красными от напряжения лицами, кричат в трубки: «Да всё нормально, ма! Не переживай! Целую!». Их голоса дрожали. Моя очередь подошла, когда время почти вышло. Я набрал её номер. Она сняла почти сразу, будто ждала у аппарата.

- Алло? - её голос был ровным, без дрожи.
- Это я, - сказал я, отвернувшись от толпы к стене.
- Я знаю. Вижу номер.
- Пауза.
- Как там? Устроился?
- Как обычно. Верхняя полка, вид на трещину в потолке. Роскошь.
Она слабо усмехнулась - я представил, как дрогнул уголок её губ.
- У меня здесь тоже всё как обычно. Только тише. Слишком тихо.

Слово «тихо» прозвучало как признание. И упрёк. Мне нечего было на него ответить.
- Скоро связь будет реже, - предупредил я. - Могут вообще пропасть на несколько дней.
- Я помню условия, - она сказала быстро. По-

том, помедлив, добавила: - Только... давай условимся. Если всё в порядке и можно дать знать - отправляй просто точку. В любой мессенджер. Чтобы я не... не думала лишнего.
«Чтобы не сходила с ума», - перевёл я про себя.
 - Дого- ворились. Точка - значит, жив и не в плену.
 - Именно.

Мы помолчали. В трубке слышалось только её ровное ды- хание.
 - Ладно, - вздохнула она. - У тебя, наверное, вре- мя на исходе.
 - Да.
 - Тогда... береги себя. Кирил- л.
 Она произнесла моё имя так, будто это было заклин- нание. Или молитва.
 - И ты. Вера.

Я положил трубку, не дожидаясь, пока связь прервётся са- ма. Лучше резко, как отрубая. Пошел сдавать телефон. На душе было скверно, но и... спокойно. Странное спокойствие. Как будто я только что заминировал единственный мост по- зади себя. Теперь пути назад не было. Только вперёд.

На следующий день нас погрузили в «уралы». Душные, тряские чудовища с брезентовыми тентами. Дорога на юг за- няла полтора дня. Мы молчали, дремали, курили, проходя- щие мимо сёла и леса вызывали лишь короткие, тупые ре- плики. Я смотрел в щель в брезенте на мелькающие поля и думал, что где-то там, далеко на севере, в бетонной коробке, сидит она. И, возможно, тоже смотрит в окно. И нас разде- ляют уже не полтора месяца, а сотни километров и пропасть того, что мне предстояло делать.

Прибыли на место поздно вечером. КПП, проверки, рас- пределение по позициям. Меня определили в мою старую

часть, к знакомым лицам. Комбат, капитан Орлов, встретил меня кивком: «О, Воронцов, нагулялся? Добро пожаловать в курорт». В его глазах не было ни радости, ни сожаления. Была простая констатация: детские каникулы окончены.

Мне выдали оружие, боезапас, показали участок. Окоп, уже отрытый кем-то до меня, пахнувший влажной землёй и порохом. Рядом - такие же, как я, лица, застывшие в маске усталой сосредоточенности. Я спустился в свою яму, расстелил плащ-палатку, разложил вещи по привычной, отработанной схеме. Автомат - здесь, гранаты - тут, сухпай - в угол. Всё как всегда.

Но когда я полез в рюкзак за сигаретами, пальцы наткнулись на тот самый смятый листок с котом. Я вытащил его. В свете налобного фонарика уродливое животное с огромными глазами казалось ещё более нелепым. И бесконечно далёким. От всего этого: от глины под ногами, от запаха пороха, от далёких разрывов, доносившихся с передовой.

Я не стал его выбрасывать. Аккуратно сложил и засунул в нагрудный карман разгрузки, туда, где обычно носят документы или патроны. Прямо у сердца. Глупо. Сентиментально. Опасно.

Ночь прошла в ожидании. Не первой атаки, а привыкания. Тело вспоминало старые навыки: как сидеть, чтобы не затекала спина, как прислушиваться к ночным звукам, отличая крик птицы от скрипа железа. А мозг... мозг упрямо возвращался к ней. К тому, как она ворчала, когда я оставлял носки

на полу. Как смеялась, когда у неё не получался омлет. Как её тело становилось мягким и тяжёлым во сне.

«Ты слишком много думаешь, Воронцов», - прошипел я сам себе. Но было поздно. Дверцу, которую я приоткрыл за эти полтора месяца, уже не захлопнуть. Она была здесь, со мной, в этом окопе. Моя слабость. Моя точка привязки. Моя... Вера.

На рассвете принесли рацию и поставили задачу: прикрывать разведгруппу. Рутинная работа. Я занял позицию, вставил магазин, снял предохранитель. Холодный металл приклада щекотал щёку. В ушах стояла та самая, почти благоговейная тишина перед возможным контактом. И в этой тишине, прежде чем мир сузился до перекрестья прицела и дохлой земли перед ним, я мысленно, очень чётко, произнёс:

«Жди. Я постараюсь».

И это было не обещание. Это был план. Единственный, который имел для меня смысл теперь.

Сержант, молодой, с обветренным до красноты лицом, пошёл бесшумно, как и полагается в расположении.
 - Воронцов, к комбату. Срочно.

В голове пронеслось: «Связь. С ней что-то?» Но это был глупый, гражданский импульс. Здесь причины для срочного вызова были другими. Я отставил автомат, поднялся из окопа, отряхивая с колен влажную землю. Пошёл к блиндажу командира, стараясь не думать. Но мысли, как назойливые мухи, лезли в голову. Отчёт? Провинность? Но я только

прибыл.

Капитан Орлов сидел за столом, уставленным картами и планшетами. Его лицо было усталым и сосредоточенным. Он не предложил сесть.
 - Воронцов. Изменилась обстановка. В Донецке на Марьинском направлении - жопа. Потери, нехватка опытных командиров отделения. Тебя перенаправляют. - Он говорил быстро, рубя фразами, как отбивая шаг. - Твои документы уже готовы. Через два часа грузовик на КПП. Забери своё барахло и готовься.

Донецк. Марьинка. Даже для нашего ада это были слова с особым, мрачным оттенком. Городские бои, позиционная мясорубка, где каждый дом - крепость, а каждый подвал - ловушка. Туда отправляли, когда ресурсы были на пределе.

Внутри всё сжалось в ледяной комок. Но на лице - ни одной лишней мышцы не дрогнуло. Я солдат. Мне приказали.
 - Есть, - коротко бросил я. - Разрешите вопрос?
 - Валяй.
 - Состав отделения?
 - На месте разберёшься. Там ждут. Больше вопросов?
 - Нет.

Орлов кивнул, уже погружаясь обратно в карты. Моя судьба на ближайшее будущее была решена за тридцать секунд. Я развернулся и вышел.

Возвращаясь к своему окопу, я чувствовал, как привычная реальность расплзается по швам. Только обустроился, только начал мысленно прощупывать этот клочок земли как своё временное, но место. А теперь - снова дорога. В самое пекло.

Я собрал свои нехитрые пожитки, проверил оружие. Действовал на автомате, но где-то на задворках сознания уже рисовалась карта. Донецк. Значит, ещё дальше на юг. Ещё дальше от неё. Глупость. Какая разница, пятьсот километров или тысяча? Всё равно не дотянуться. Но разница была. Это было как отрезать последний, самый тонкий канат, удерживающий меня от полного падения в пустоту войны.

Перед самым выходом к КПП я остановился. Достал телефон - личный, его пока не сдавал, должны были забрать перед самой отправкой. Связь здесь ловила через пень-колоду, но одна-две палочки иногда появлялись. Я открыл мессенджер. Наша переписка застыла на её последнем сообщении: «Хорошо. Береги себя». Отправленным вчера вечером.

Я вызвал клавиатуру. Мог бы написать что-то. Предупредить. Но что? «Меня перебрасывают в самое пекло, возможно, скоро не будет связи»? Это было бы жестоко и бессмысленно. Она и так знала, где я. А «пекло» для неё было абстракцией. И должно было им оставаться.

Я поставил точку. Просто точку. И отправил.

Ответ пришёл почти мгновенно. Не точка. Две буквы: «ОК».

Вот и всё. Наш уговор. Я - жив, связь работает. Она - в курсе. Без сантиментов. Без паники. Просто «ОК». В этом была вся она. И всё наше странное, выстраданное понимание.

Я выключил телефон, сунул его в глухой внутренний кар-

ман рюкзака. Потом сдал на КПП вместе с остальными личными вещами, которые уйдут в чёрный мешок и, возможно, никогда ко мне не вернутся. Телефон, скорее всего, пропадёт. Но это уже не имело значения. Сообщение ушло.

Грузовик был старым, с потрёпанным тентом. Нас было человек десять - такие же переброшенные с других участков, с такими же каменными лицами. Мы молча забрались в кузов. Двигатель зарычал, и мы тронулись, подпрыгивая на колдобинах.

Я сидел, прислонившись к борту, и смотрел, как знакомые окопы, блиндажи, силуэты наших позиций уплывают назад, становятся меньше, а потом и вовсе скрываются за поворотом. Впереди была пыльная дорога, ведущая в дымную мглу Донецка. В голове не было страха. Была холодная, ясная пустота, которую я так ценил раньше. Но теперь в самой глубине этой пустоты, как крошечная, но не гаснущая искра, теплилась та самая точка. И два буквы. «ОК».

Они не грели. Они не давали надежды. Они просто были. Факт. Я сказал ей, что жив. Она подтвердила, что услышала. Связь состоялась. Всё. Больше ничего не нужно было. Ничего, кроме того, чтобы эта связь, эта ниточка, не порвалась. Чтобы где-то там, в тихой квартире, она продолжала время от времени получать точку. А я - её «ОК».

Грузовик вёл нас в самое пекло. Но теперь я вёз с собой не только оружие и снаряжение. Я вёз с собой эту ниточку. И понимал, что буду цепляться за неё с тем же ожесточением, с

каким буду цепляться за жизнь. Потому что одно без другого больше не имело смысла.

Дорога в Донецк была похожа на перемещение в другую реальность. Пейзаж за бортом грузовика медленно менялся: редкие перелески сменились выжженными полями, потом поплыли первые развалины окраинных гаражей, потом - скелеты многоэтажек с пустыми глазницами окон. Воздух стал другим - густым, с привкусом гари, пыли и чего-то химического, сладковато-тошнотворного. Город. Не живой город, а его призрак, изуродованный и злой.

Нас высадили на сборном пункте на одной из уцелевших промзон. Хаос был ещё большим, чем на прежней позиции. Крики, беготня, гул генераторов, рёв подъезжающей техники. Меня быстро нашли по спискам, отвели к низкому, приземистому бункеру из мешков с песком - КП какого-то сводного батальона.

Новый командир, майор с усталым, как будто высеченным из гранита лицом и нашивкой «Барс» на рукаве, даже не представился.
- Воронцов? Отделение на втором этаже школы на улице Мира. Координаты вот. - Он ткнул пальцем в планшет. - Там сержант Громов командует пока. Он ждёт. Ваша задача - удерживать сектор, не давать подобраться к перекрёстку. Понятно?
- Понятно, - кивнул я, уже мысленно примеряя на себя карту местности. Школа. Хорошая позиция, если её не разнесли в щепки. И адская ловушка, если начнётся штурм.
- Снаряжение получите там. Впе-

рёд.

Мне выдали новую рацию, сухпай на трое суток и указали направление. Добираться пришлось пешком, перебежками от укрытия к укрытию, прижимаясь к стенам уцелевших домов. Город гудел. Не гулом жизни, а низким, прерывистым гулом обстрелов где-то в отдалении, одиночными выстрелами ближе, скрежетом гусениц. Воздух вибрировал.

Школу я узнал по спутниковой фотографии в голове: трёхэтажное, довоенной постройки здание, один торец разворочен прямым попаданием, но каркас стоял. У входа, за баррикадой из парт и матрацев, дежурил молоденький боец с широко раскрытыми глазами.
 - К Воронцову? Громов внутри, на втором, в кабинете физики!

Я протиснулся внутрь. Внутри пахло плесенью, пылью и мочой. На стенах ещё висели потрёпанные плакаты с формулами. По лестнице, усыпанной битым кирпичом, поднялся на второй этаж. В длинном коридоре, в полумраке, сидели и лежали человек семь. Они смотрели на меня равнодушными, выгоревшими глазами. В конце коридора, из полуразрушенного кабинета, вышел коренастый мужчина лет сорока, с щетиной и умными, жёсткими глазами. Сержант Громов.
 - Воронцов? Добро пожаловать в курорт «Золотые пески». Я - Громов. Командую этим цирком, пока не прибьют. - Он пожал мою руку сухой, сильной ладонью. - Отделение в сборе. Шесть человек, включая тебя и меня. Остальные - вот. - Он кивнул в сторону коридора. - Опыта у всех разного, но

дерутся не плохо. Задача проста: не пускать их на перекрёсток. Оттуда они могут бить по нашим тылам. Вон там, - он махнул рукой в сторону выбитых окон, - наш сектор обстрела. Днём тихо, ночью оживляются. Снайперы у них есть, так что не светись.

Он провёл меня по позициям, показал пулемётное гнездо на третьем этаже, завал на подступах к зданию, запасной выход через подвал. Всё было организовано с той практичной, циничной грамотностью, которая появляется только у тех, кто уже прошёл через мясорубку и выжил.

- Вопросы есть? - спросил Громов в конце.
 - Связь? - уточнил я.
 - Рация на КП в подвале. Личные телефоны не ловят. Раз в сутки, если повезёт, привозят полевой терминал на десять минут. Для экстренных. Но это не для любовных писем, понял?

Я кивнул. Значит, точка сегодня не уйдёт. И завтра, возможно, тоже. Это было хуже, чем обстрел. Это была тихая, точащая изнутри тревога. Но показывать её было нельзя.

- Понял, - сказал я. - Где моё место?
 - Со мной. В этом кабинете. Окна на две стороны, хороший обзор. Будешь вторыми глазами.

Я бросил рюкзак в угол, снял разгрузку, сел на пол спиной к стене, из-под которой не торчала арматура. Усталость, копившаяся с момента переброски, накрыла тяжёлой волной. Но спать было нельзя. Нужно было привыкать к новым звукам, к запахам, к ритму этого места.

Вечером принесли баланду в термосах. Ели молча, быстро. Потом началась моя первая ночь в Донецке. Она была не похожа на предыдущие. Там, на окраине, была тишина, нарушаемая далёкими разрывами. Здесь тишины не было вообще. То тут, то там хлопали выстрелы, иногда короткими очередями строчил пулемёт, с перекрытия сверху сыпалась штукатурка от близких разрывов миномётов. Это был постоянный, нервный фон.

Я дежурил у окна, глядя в сумрак улицы через коллиматор. Громов курил в углу, его лицо в свете тлеющей сигареты казалось древним, как скала.
- Скучаешь?
- неожиданно спросил он.
- По чему? - насторожился я.
- Да по чему угодно. По траве, по девкам, по тишине. Все сначала скучают. Потом перестают. Потом забывают, как это - не скучать.

Он был прав. Но я не хотел забывать. Я цеплялся за образ её квартиры, за запах её кофе, как за спасательный круг.
- Есть о ком, - коротко бросил я.
- Громов хмыкнул.
- Тем хуже. Легче, когда не о ком. Но... держись за это. Иногда это единственное, что не даёт сойти с ума.

Позже, под утро, когда напряжение немного спало, я украдкой полез в нагрудный карман. Листок с котом был на месте. Я не вытаскивал его, просто прижал ладонью через ткань. Глупый ритуал. Но он давал призрачное ощущение связи. С чем-то другим. С чем-то человеческим.

На рассвете нас сменили. Я сполз в угол, завернулся в

плащ-палатку, автомат положил рядом. Сон не шёл. В голове, поверх гула города, звучал её голос: «Ты просто возвращайся».

И я мысленно, сквозь толщу километров и бетона, послал ей ещё одну точку. Ту, что не мог отправить по проводам. Просто чтобы знала. Чтобы эта ниточка, даже невидимая, невидимая, продолжала тянуться через весь этот ад. Потому что теперь это было моей самой важной миссией - сохранить её. Сохранить, чтобы было, ради чего возвращаться в ту тихую квартиру, где, возможно, до сих пор стоит недопитая чашка кофе.

Глава 9. Вера Лебедева

В моей - нет, в нашей - квартире пахло свежесваренным чаем и домашней выпечкой, которую принесла Катя. Запах, который должен был ассоциироваться с уютом, с женскими посиделками. Но он висел в воздухе как-то неестественно, как декорация в пустом театре. Мы сидели за кухонным столом - я, Катя и Лиза. В центре стола лежал мой телефон, чёрный, немой экран которого я ловила взглядом каждые тридцать секунд.

Андрея неделю назад отправили под Харьков. Стаса перебросили куда-то западнее, деталей он не говорил, да и Лиза уже перестала спрашивать. Теперь мы были тут: Катя, чей муж уже третий раз за эту войну уезжал на передовую, Лиза, чей Стас служил контрактником первый год и чей энтузиазм уже порядком потускнел, и я. Жена по контракту, которую теперь связала с этим мужчиной не бумажка, а что-то гораздо более хрупкое и страшное.

Лиза, пытаясь разрядить обстановку, налила всем чаю и с напускной бодростью спросила: - Ну что, жены офицеров, как настрой? Её голос прозвучал слишком громко в тишине кухни.

Я обхватила ладонями горячую кружку, пытаясь впитать тепло, которого не было внутри. - Относительно, если честно, - сказала я, глядя на тёмную жидкость. Относитель-

но чего? Относительно того, что я могу в любой момент сойти с ума? Или относительно того, что я всё ещё более-менее функционирую?
Катя вздохнула, её красивое, обычно такое живое лицо сейчас казалось осунувшимся.
 - Я уже привыкла, - произнесла она, и в её голосе не было ни капли гордости, только усталая покорность. - Хотя, каждый раз просто страшно становится. Вот это ожидание... оно самое худшее. Лучше бы уже всё сразу.
 - Военные они такие, - снова вставила Лиза, но в её тоне уже не было прежней легкомысленной бравады. Было что-то похожее на растерянность. - Сказал: «Не звони, сам позвоню». И всё. Сиди и гадай.

Я молча кивнула. У нас с Кириллом был уговор. Точка. Одна точка. И я уже неделю не получала ни точки, ни букв, ни намёка. Тишина в телефоне была густой, звонкой, она заполняла собой каждую секунду, каждый угол этой чужой и такой знакомой теперь квартиры. Я ловила себя на том, что прислушиваюсь к шагам в подъезде. На то, что ночью просыпаюсь от любого шороха, сердце колотится, и первая мысль: «Это он?». Потом приходит осознание: нет, не он. И тишина снова смыкается, ещё более тяжёлая.

- От Кирилла неделю никаких вестей, - сказала я вслух, просто чтобы произнести это. Чтобы этот факт, витавший в воздухе между нами, наконец оформился в слова и, может быть, перестал давить так невыносимо.
Лиза посмотрела на меня с искренним сочувствием.
 - Жаль, они не

в одном батальоне, - сказала она, имея в виду Стаса. - Так хоть можно было понять, что с ним. Хоть какую-то привязку иметь. А так... просто чёрная дыра.

«Чёрная дыра». Идеальное определение. Туда ушло всё: его присутствие, его редкие сообщения, наше странное, выстраданное перемирие. И теперь оттуда не поступало ничего. Ни звука. Ни вспышки. Только моё воображение, которое рисовало самые чудовищные картины. Я видела его в развалинах, которые показывали в сводках новостей. Слышала его голос в каждом сообщении о потерях. Мозг, этот садист, уже сто раз похоронил его и сто раз воскресил за эту неделю.

Катя положила свою руку поверх моей. Её ладонь была тёплой и твёрдой.
- Не читай сводки, - тихо сказала она.
- И не смотри новости. Это самоистязание. Они могут ничего не значить. Связь рвётся, техника ломается... тысячи причин.
- Я знаю, - прошептала я. Но я всё равно читала. Каждую. Прокручивала списки с заветной буквой «В», задерживая дыхание, пока не убеждалась, что там нет «Воронцова К.А.». Это был мой ежедневный, извращённый ритуал.

Лиза внезапно встала и подошла к окну.
- Знаете, что самое паршивое? - сказала она, глядя на пустынный двор. - Что ты начинаешь злиться. Не на них, нет. А на себя. За то, что так привязалась. За то, что теперь этот чёртов телефон стал центром твоей вселенной. За то, что не можешь просто жить, как жила раньше.

Я смотрела на её спину и понимала каждое слово. Я зли-

лась. Я злилась на Кирилла за то, что он вломился в мою жизнь с этим дурацким контрактом. За то, что показал мне, каково это - не быть одной. А потом ушёл и оставил эту дверь приоткрытой, в эту страшную, полную неизвестности темноту. Я злилась на себя за то, что согласилась. За то, что позволила этим полутора месяцам случиться. За то, что теперь его отсутствие болело в тысячу раз сильнее, чем присутствие когда-то болевшего мужа.

Но вместе с злостью было и что-то другое. Солидарность. Та самая, о которой говорила Катя. Я смотрела на этих двух женщин - одну, закалённую годами ожидания, другую, только начинающую свой крестный путь, - и понимала, что мы теперь связаны. Не дружбой. Не общими интересами. А этим общим, всепоглощающим страхом. И этим общим, неммым вопросом, висящим в воздухе: «Жив ли?».

- Давайте ещё чаю, - сказала Катя, вставая, чтобы скрыть дрожь в своих руках. - И съедим этот пирог. Жизнь, как ни крути, продолжается. Пока они там... делают своё дело, мы тут должны держаться. Хотя бы ради них.

Мы с Лизой переглянулись. «Держаться». Это было наше новое, негласное звание. Мы были тылом. Тихой, нервной, измотанной армией ждущих. И наш долг был прост и невыносимо сложен: просто ждать. Не сломаться. Не позволить чёрной дыре всосать в себя всё.

Я взяла свой телефон и убрала его в карман, чтобы не смотреть на него каждую секунду. Потом отломил кусок пи-

рога. Он был вкусным, сладким. Но на языке отдавал горечью тревоги.

«Жди», - сказал он тогда.
Я ждала. Каждую секунду этой бесконечной недели. И буду ждать дальше. Потому что альтернативы - представить, что ждать больше некого, - моя психика просто не выдержала бы. Так что я просто ждала. В тишине этой чужой квартиры, в компании таких же, как я, и с одной-единственной, горящей в темноте мыслью: «Пошли мне точку. Просто точку. Чтобы я знала».

Работа не спасала, перед глазами, смысл ускользал. Я переводила один и тот же абзац в третий раз, когда зазвонил телефон. Не личный - тот лежал рядом, как чёрный, немой упрёк. Звонил домашний, стационарный. Редкий, почти мифический звук в наши дни.

Я вздрогнула, сердце ёкнуло с привычной, уже болезненной готовностью к худшему. Подошла к аппарату, увидела на дисплее знакомый номер. Его мама. Галина Петровна.

- Алло? - сказала я, стараясь, чтобы голос не дрогнул.
- Верочка, родная! Это я! - её голос, тёплый и звонкий, как всегда, ворвался в тишину квартиры, разгоняя мой мрачный настрой. - Не помешала? Работаешь?

- Нет-нет, Галина Петровна, всё в порядке, - я автоматически улыбнулась. С ней это получалось легко, почти естественно. Удивительно, но за эти месяцы из тягостной обязанности «поддерживать легенду» выросли самые что ни на есть настоящие, тёплые отношения. Возможно, потому что

её любовь и беспокойство были настолько искренними, что даже моя ложь перед ней как-то очищалась, превращалась не в обман, а в попытку её защитить. А возможно, потому что в её лице я нечаянно обрела что-то вроде... семьи. Ту самую, которой мне так не хватало после разрыва с матерью.

- Как ты там, одна-одинёшенька? - забеспокоилась она. - Кушаешь нормально? Не на одних этих твоих компьютерах сидишь?
 - Кушаю, - заверила я её. - Сегодня Катя с Лизой заходили, пирогом кормили.
 - Ах, молодец Катюша! - обрадовалась Галина Петровна. - Ладно, не буду отвлекать. Звонила, чтобы сказать - Дашка завтра после школы к тебе забежит, если ты не против. Говорит, сочинение по литературе дописать надо, а у тебя тихо. Не будет она тебе мешать?
 - Конечно нет! - я ответила почти слишком быстро. Общение с Дашей было одним из немногих лучей света в этой серой полосе ожидания. - Пусть приходит. Я как раз собиралась варить какао.

- Вот и славно, - вздохнула Галина Петровна. Потом голос её стал тише, настороженным. - А от Кирюшки... что-нибудь?
 Боль, острая и знакомая, кольнула под рёбра.
 - Нет, - тихо сказала я. - Уже больше недели. Но связь там, говорят, очень плохая.
 - Знаю, знаю, - прошептала она, и в её голосе я услышала ту же самую, выгрызающую душу тревогу, что и в моей. Но она, как всегда, быстро взяла себя в руки. - Ничего, прорвёмся. Он крепкий, наш Кирюша. Уж как меня, старуху, в своё время изводил... Выживет. Обяза-

тельно.

Она говорила это, чтобы успокоить меня. И себя. И мы обе знали, что это просто слова. Но в них была сила - сила её веры. И я цеплялась за эту веру, как утопающий за соломинку.

Мы поговорили ещё пару минут о пустяках - о том, как на даче у неё проклюнулась рассада, о новом сериале, который она смотрит. Потом она, пожелав мне сил, повесила трубку.

Я осталась стоять у аппарата, глядя в стену. Галина Петровна, Даша, Артём... Они стали частью моей жизни. Не по контракту. По праву сердца.

Артём, младший брат Кирилла, курсант ВДВ. Высокий, молчаливый, с таким же, как у брата, колючим взглядом, но без той ледяной скорлупы. Он появился на пороге через пару недель после отъезда Кирилла. «Мама сказала, у вас кран подтекает. Могу посмотреть». Он починил кран за десять минут, потом так же молча выпил чаю, оглядел квартиру оценивающим взглядом солдата и сказал на прощание: «Если что по мужской части - звоните. Брат бы хотел, чтобы тут всё было в порядке». И ушёл. С тех пор он заезжал раз в две недели - то полку привинтить, то антенну поправить. Мы мало разговаривали. Но в его молчаливой, немного неуклюжей заботе было больше тепла и понимания, чем в тысяче слов.

А Даша... Даша была полной его противоположностью. Жизнерадостная, болтливая, с горящими глазами и миллио-

ном планов на будущее. Она приходила после школы, якобы чтобы «в тишине поработать», но чаще всего мы заканчивали тем, что варили какао, забирались на диван под плед и болтали. Ни о чём. О музыке, о книгах, о её влюблённостях, о моей работе. Она спрашивала о Кирилле - не с тревогой, а с любопытством. «А он всегда такой... бука?» - «Не всегда, - отвечала я, и улыбка появлялась сама собой. - Иногда он бывает просто невыносимым». И мы смеялись. С ней я могла на пару часов забыть о войне, о тишине в телефоне, о гнетущем ожидании. Она была глотком нормальной, неискалеченной жизни. И, кажется, я для неё была чем-то вроде старшей сестры, к которой можно прийти, когда в семье все слишком заняты своими взрослыми проблемами и страхами.

И вот завтра она придёт снова. И мы будем варить какао. И я буду слушать её истории про одноклассников, и смеяться, и на эти пару часов мир снова станет простым и безопасным.

Я вернулась к ноутбуку, но работать уже не могла. Я думала о них. О всей этой семье, которую я так нелепо и обманным путём приобрела. Кирилл, наверное, и представить не мог, во что выльется его «деловая сделка». Что его хрупкая, надломленная фиктивная жена вольётся в жизнь его семьи, станет частью их вечерних чаепитий и школьных проблем. Что его брат будет чинить в её квартире краны, а сестра - делиться с ней девичьими секретами.

Это было невероятно. Неправильно. И бесконечно ценно.

Я подошла к окну, за которым сгущались зимние сумерки. Где-то там, в этой холодной, чёрной дали, был он. Возможно, в этот самый момент сжимал в руке автомат, вглядываясь в темноту. Он не знал, что здесь, в его квартире, заваривается жизнь. Не та, которую он оплатил. Другая. Настоящая. Со всеми её трещинами, страхами, чаепитиями и болтовнёй с шестнадцатилетней сестрой.

И я вдруг поймала себя на мысли, что хочу, чтобы он это знал. Чтобы он знал, что его точка в этом мире - эта квартира, его семья, я - не пустует. Она живёт. Ждёт. И становится домом. Настоящим домом.

Я достала из кармана свой личный телефон. Экран был чёрным. Без точек. Без букв.

«Ты не один, - подумала я, глядя в темноту за окном, будто могла передать эту мысль через пространство и войну. - Ты не один. И я тоже. Так что держись там, Кирилл. У нас тут как-никак кран новый. И Даше сочинение нужно помочь дописать. И твоя мама рассаду поливает. Всё это - тоже твоё. Не вздумай это потерять».

И впервые за эту долгую неделю тишины, тревога внутри немного, на один градус, отступила. Её место заняла твёрдая, незнакомая доселе решимость. Ждать - это не пассивность. Это тоже работа. Работа по сохранению этого хрупкого мира здесь, в тылу. Чтобы тому, кто там, на краю, было ради чего возвращаться. Или, в самом худшем случае, ради чего он там сейчас держался.

Вечером, после звонка Галины Петровны, тишина в квартире стала другой. Она уже не была такой гнетущей, такой личной. Она была наполнена эхом других жизней, других голосов. Я представляла, как Галина Петровна возится на кухне в своей хрущёвке, как Артём зубрит уставы в казарме, строча sms какой-нибудь сокурснице, как Даша, наверное, уже выбирает, в какой кофточке завтра ко мне прийти. Они были здесь, со мной, в этой пустоте, оставленной Кириллом.

Я закончила работу, отправила файл заказчику. Потом, почти на автомате, открыла браузер. Рука сама потянулась к вкладке с сайтом сводок. Я замерла, пальцы застыли над клавиатурой. «Не читай сводки», - сказала Катя. Но запретный плод... Он манил не сладостью, а возможностью хоть как-то причаститься к его реальности. Узнать, что там, в том аду, из которого до меня не доходило ни звука.

Я закрыла браузер. Вместо этого открыла фотографию. Не нашу свадебную - ту я ненавидела. А ту, которую мы сделали на даче у Андрея, в последний день. Стояли у берега озера, я в его свитере, он - в простой футболке, оба шурили от солнца. Мы не обнимались, даже не смотрели друг на друга. Просто стояли рядом. Но в этой фотографии была странная, мирная синхронность. Как будто мы оба на секунду перестали быть солдатом и беженкой от собственной жизни и просто стали людьми на берегу.

Я смотрела на его лицо. На напряжённый уголок губ, который всегда выдавал его даже в моменты мнимого расслаб-

ления. На тень в глазах, которую не могли скрыть даже солнечные блики. Таким я его и запомнила. Таким, каким он был в те полтора месяца - не идеальным, не ласковым, а настоящим. Сложным. Колючим. Своим.

Вдруг телефон в кармане джинсов завибрировал.

Сердце остановилось, потом рванулось в бешеной скачке. Я вытащила его так быстро, что чуть не выронила. Экран светился. Уведомление из мессенджера. Не от неизвестного номера. От него.

Не точка.

Было одно слово. Всего одно.

«Держусь».

Я задохнулась. Слезы, которых я ждала всё это время, хлынули разом, горячими, щиплющими потоками. Но это были не слёзы отчаяния. Это были слёзы дикого, почти животного облегчения. Он жив. Он не просто жив. Он нашел в себе силы, возможность, секунду, чтобы не поставить точку, а написать это. Держусь.

Это слово было больше, чем любое «жив», «здоров», «всё ок». В нём была вся его упрямая, молчаливая натура. Вся наша общая решимость не сломаться. Он держался. Там, в своем аду. Значит, и я должна держаться здесь.

Я не стала отвечать. Не стала заваливать его вопросами. Наш уговор был другим. Но этот единственный глагол был всем, что мне было нужно. Он был целым письмом, целой исповедью, целым обещанием.

Я прижала телефон к груди, словно через холодный пластик и стекло могла почувствовать тепло его руки, которая набирала эти буквы. Сидела так, пока слёзы не высохли, оставив на щеках солёные дорожки и лёгкую, странную слабость в коленях.

Потом я встала, умылась ледяной водой, посмотрела на своё отражение. Красные глаза, бледное лицо. Но в глубине взгляда что-то изменилось. Ушла паническая неуверенность. Вернулась та самая собранность, которая была у меня в первые дни нашей сделки. Только теперь она была направлена не на выживание в одиночку, а на что-то большее.

Я подошла к ноутбуку, но не к работе. Я открыла новый документ и начала писать. Не перевод. Письмо. Кириллу. Которое я, возможно, никогда не отправлю. Но которое нужно было написать.

«Сегодня звонила твоя мама. Волнуется, но держится молодцом. Завтра приходит Даша, будем пить какао и, наверное, опять будем говорить о её однокласснике Антоне, у которого, кажется, наконец-то прорезались мозги. Артём на прошлой неделе починил полку в ванной - сделал всё тихо и аккуратно, совсем как ты. В квартире пахнет кофе и моим новым средством для мытья полов с запахом лимона. Скучно. Страшно. Иногда злюсь до бешенства. Но я тоже держусь. Потому что ты держишься там. И потому что здесь, оказывается, есть за что держаться. Спасибо за слово. Оно важнее тысячи точек».

Я сохранила файл под названием «Для него» и закрыла ноутбук.

На следующий день Даша примчалась после уроков, запыхавшаяся, с розовыми от холода щеками и огромным рюкзаком. - Вера, привет! Ой, ты не представляешь, что сегодня было! - начала она с порога, скидывая куртку.

И мы погрузились в её мир: школьные драмы, сплетни, мечты о поступлении. Я варила какао, как обещала, и слушала. И улыбалась. И временами ловила себя на том, что смотрю на неё с нежностью, которой раньше боялась. Она была частью этой новой, непредвиденной жизни. Частью семьи, которая стала моей не по крови, а по странному стечению обстоятельств и по выбору сердца.

Когда она ушла, пообещав прислать «тот приколюшный мем», я осталась одна. Но одиночество уже не было прежним. Оно было наполненным. Эхом её смеха, заботой Галины Петровны, молчаливой надёжностью Артёма. И одним словом, которое горело в памяти, как маяк в кромешной тьме.

«Держусь».

Я подошла к окну. На улице шёл мелкий, колючий снег. Где-то там, за сотни километров, в развалинах какого-то донецкого района, сидел он. Возможно, в этот самый момент проверял магазин или прислушивался к ночи. И он держался.

«И я, - прошептала я в стекло, запотевшее от моего дыха-

ния. - Я тоже держусь. Ради тебя. Ради них. Ради себя, которой я стала здесь, в твоей квартире. Так что, Кирилл Воронцов, держись крепче. У нас с тобой ещё есть невыясненные отношения. И какао здесь отличное. И тебе стоит его попробовать».

Снег кружил за окном, затягивая город в белую, тихую пелену. А я стояла и смотрела, чувствуя, как внутри, рядом с вечной, ноющей тревогой, растёт что-то новое. Не надежда - она была слишком хрупкой для таких времён. Скорее, решимость. Решимость ждать. Держаться. И верить, что однажды щелчок ключа в замке прозвучит снова.

Тишина после слова «держусь» была уже не такой пугающей. Она стала полем, которое нужно было чем-то засеять. Работа, заботы о семье (я всё чаще думала о них именно так), встречи с Лизой и Катей - этого стало не хватать. Мне нужен был собственный, осязаемый способ отмечать время, которое текло без него. Способ, который не зависел бы от сводок и тревожных ожиданий звонка.

Идея пришла сама собой, когда я разбирала старые бумаги в его письменном столе. Среди армейских справок и квитанций я нашла потрёпанный блокнот в твёрдой обложке. Совершенно пустой. Он, наверное, купил его когда-то с мыслью вести записи и забросил. Я взяла его в руки, и что-то щёлкнуло. Дневник. Нет, не сентиментальные излияния. Скорее... отчёт. Хроника. Летопись этой странной жизни в ожидании. Чтобы потом, если... когда он вернётся, он мог

увидеть, как время шло здесь. Или чтобы осталось что-то, если... Нет. Только «когда».

Я отправилась в книжный. Это было первое за долгое время самостоятельное, не связанное с бытом решение. Я бродила между стеллажами, и на меня накатила давно забытый азарт. Я накупила всего: блокноты с плотной, приятной на ощупь бумагой, наборы цветных ручек, карандашей для скетчей, клей, ножницы, даже набор старых, винтажных открыток. Я не знала, что буду с этим делать, но сам процесс выбора, тактильные ощущения - шершавая обложка, гладкий стержень ручки - наполняли меня какой-то детской, чистой радостью. Я несла домой пакет с сокровищами, и на душе было непривычно светло.

Первые страницы давались трудно. Я выводила даты, описывала погоду, что ела на завтрак. Сухо, по-деловому. Потом наклеила ту самую открытку с озером. И написала: «Сегодня получила от тебя слово. Оно было тяжёлым, как кирпич, и спасло меня от падения». Постепенно записи стали длиннее, свободнее. Я зарисовывала Дашу, когда она, уткнувшись в учебник, грызла кончик карандаша. Вклеила обёртку от её любимой шоколадки. Написала про Артёма: «Пришёл, починил розетку, выпил чаю, сказал три слова, ушёл. Чувствую себя под защитой».

Дневник стал моим убежищем. В нём не было места панике. Там была только жизнь. Та, что продолжалась вопреки всему.

А потом в голову пришла идея, которую сама же сначала назвала безумной. Ремонт. Не глобальный, конечно. Но хотелось что-то изменить в этой квартире, которая до сих пор ощущалась немного чужой, застывшей во времени. Сменить этот мрачноватый гарнитур на кухне, поклеить другие обои в спальне - не на «наш» вкус, а просто на новые. Чтобы, когда он вернётся, это был не музей его прошлой жизни, а место, где и моё присутствие стало бы осязаемым.

Я осторожно озвучила эту мысль на очередном семейном воскресном ужине у Галины Петровны. За столом, как обычно, были она, Даша и Артём.
 - Знаете, а я тут подумала, - сказала я, разламывая блинчик со сметаной. - На кухне у Кирилла гарнитур ещё, наверное, с медового месяца его родителей. И обои в спальне... я каждый день просыпаюсь и вижу этот унылый геометрический узор. Хотелось бы что-то поменять. Освежить.

Галина Петровна замерла с чашкой в руке. Даша подняла глаза, заинтересовавшись. Артём просто продолжил есть.
 - Ремонт? - осторожно переспросила Галина Петровна. В её глазах я прочла не осуждение, а скорее удивление и... одобрение? - Ну, квартира и правда требует обновления. Кирюша моя всегда был спартанцем, ему бы и в казарме жить. Но ты там теперь живёшь, тебе должно быть уютно.
 - Вот именно! - подхватила Даша. - Можно сделать что-то светлое! Может, пастельные тона?
 - Главное - чтобы надёжные люди делали, - вставил Артём своим ла-

коничным тоном. - А то сейчас каждый второй «мастер» - шарлатан.
 - Ой, точно! - Галина Петровна хлопнула себя по лбу. - Я знаю, кто тебе поможет! Крёстный Кирилла! Василий Игнатьевич. Подполковник, сейчас уже в отставке, но руки у него золотые! И людей проверенных знает. Он всю нашу дачу перестраивал. Я ему позвоню!

И вот так, по воле случая и благодаря старому гарнитуру, я познакомилась с Василием Игнатьевичем Прошиным.

Он пришёл в назначенное время - подтянутый, седоволосый мужчина лет шестидесяти, с прямым военным взглядом и удивительно мягким, низким голосом. Он осмотрел квартиру внимательным, оценивающим взглядом, не как гость, а как стратег.
 - Галина права, обновить не помешает, - заключил он. - Стены крепкие, перепланировка не нужна. Нужны хорошие материалы и правильные руки. У меня есть бригада, ребята проверенные, не балагуры. Сделают аккуратно и в срок.

Мы обсудили детали: цвет обоев (я после долгих мучений выбрала спокойный, тёплый серо-бежевый), материал для кухонного фасада, освещение. Василий Игнатьевич слушал внимательно, делал пометки в блокноте, задавал уточняющие вопросы. В его присутствии не было ни тени сомнения или снисхождения к «девочке, которая затеяла ремонт». Было уважительное, деловое отношение.

А потом, когда основные вопросы были решены, он остался пить чай. Не спеша размешал сахар, положил ложку на

блюдец и спросил, глядя прямо на меня:
 - Как он там, по-твоему?
 Вопрос был неожиданным и таким прямым, что у меня перехватило дыхание. Я поняла - он знает. Не все детали, но знает, что наш брак не совсем обычный. И что я, возможно, знаю о Кирилле больше, чем просто «жена по переписке».
 - Держится, - выдохнула я, повторив то самое слово.
 Василий Игнатьевич кивнул, как будто получил ожидаемый ответ.
 - Он умеет. Упрямый, как баран. И циничный до чёртиков. Но... - он сделал паузу, глядя в свою чашку, - но он не железный. Даже сталь гнётся. Важно, чтобы было, ради чего не сломаться.

Он поднял на меня взгляд. Его глаза, пронизательные и умные, изучали моё лицо.
 - Галина говорит, вы ему очень под стать. Не ноете. Не паникуете. И даже ремонт затеяли. Это правильно. Нужно жить. Это лучшая поддержка для него там. Знать, что здесь жизнь идёт, а не застыла в ожидании.

В его словах не было ни намёка на наш «контракт». Было понимание солдата, который знает цену тылу. И принятие. Меня, моего присутствия здесь, моих попыток обустроить жизнь. Это было больше, чем я могла ожидать.
 - Я стараюсь, - тихо сказала я.
 - И продолжайте, - он встал, пожимая мне руку на прощание. - А насчёт ремонта не волнуйтесь. Всё организую. И, Вера... если что - по любым вопросам - звоните. Вы теперь семья.

Когда он ушёл, я долго стояла посреди гостиной. Квар-

тира, ещё не тронутая ремонтом, казалась теперь другой. Она переставала быть его крепостью-одиночкой. Она становилась нашим общим пространством. Местом, где его прошлое и моё настоящее начали медленно, неловко, но переплетаться. С помощью его матери, его сестры, его брата. И теперь - его крёстного, сурового подполковника в отставке, который одобрил мою «диверсию» с новыми обоями.

Я открыла свой новый, красивый блокнот. На чистой странице написала: «Сегодня познакомилась с Василием Игнатьевичем. Крёстный. Похож на скалу. Одобрил ремонт. Сказал, что я - ему под стать. Кажется, я обрела ещё одного союзника в этой странной войне за нашу общую жизнь, которой пока ещё нет, но которая уже начинает прорастать сквозь трещины в старых обоях».

Глава 10. Кирилл Воронцов

Ад в Донецке имел свои, чётко обозначенные круги. Наш - назывался «школа на Мира». Не первый, не последний. Серединка. Где каждый день начинался с хруста утреннего льда в кружке с чаем и заканчивался свистом чего-то, пролетающего слишком близко над головой. Дни слипались в серую, пыльную массу, где единственными отметками были смена поста, выдача сухпайков и редкие, корявые весточки по рации с КП.

Но сегодняшний день с самого утра пах по-другому. Не просто порохом и пылью. Он пах железной, холодной концентрацией. Командир, майор со щетиной и глазами, как у старого волка, собрал нас, человек десять, в подвале, где ещё пахло мокрым мелом и детством.
- Задача не для героев, для рабочих, - начал он, не глядя ни на кого, водя пальцем по карте, наклеенной на отсыревшую стену. - Там, в «девятиэтажке» на окраине квартала, пятеро наших. Раненые. Не могут двигаться сами. Их нужно вытащить. Ночью не получилось - они освещают всё, как на параде. Попробуем днём. Под прикрытием дымов.

Он объяснил схему. Наша группа - «щит». Мы должны были создать живой, зелёный коридор от подвала нашей школы до подъезда той самой разбитой многоэтажки. Зелёный - потому что по рации это звучало менее мрачно, чем

«коридор смерти». Суть была проста: занять позиции вдоль намеченного пути, отсекая огнём все попытки противника помешать группе эвакуации, которая пойдёт по центру.

Громов, мой сержант, хмыкнул себе под нос: «Зелёный коридор. Как в роддоме. Только рожать там уже некому, только выносить».

Нас было двенадцать. Плюс те пятеро, которых нужно было вынести. Плюс четверо санитаров с носилками. Математика простая: чем больше цель, тем жирнее мишень.

Я проверял автомат в сотый раз, раскладывал гранаты по карманам разгрузки, чтобы не гремели. Руки делали всё сами, а голова была где-то далеко. Она возвращалась в квартиру, где, как мне представлялось, Вера сейчас пьёт кофе. Или, может, уже начала тот самый ремонт, о котором в последнем своём нормальном сообщении писала мать: «Верочка затеяла обновлять кухню, представь!». Я тогда не понял, зачем. Сейчас понял. Чтобы было куда возвращаться. Не в музей своего прошлого, а в нечто новое, где уже есть её след. Глупая, отчаянная и такая живая затея.

- Воронцов, ты с нами? - рявкнул Громов, хлопая меня по плечу.
- Здесь, - буркнул я, вщёлкивая магазин.
- Тогда пошли создавать этот долбанный зелёный коридор. Только смотри, не зазевайся. Мне ещё с тобой в преферанс перекинуться надо.

Мы выдвинулись на рассвете, когда серое небо только начинало светлеть до цвета мокрого асфальта. Двигались пере-

бежками, от воронки к воронке, от развалившегося гаража к сгоревшему автобусу. Воздух был холодным и резким, резал лёгкие. Я занял свою позицию - оконный проём на первом этаже полуразрушенного магазина. Отсюда был виден кусок улицы, который я должен был контролировать. Справа от меня - молодой парень, Женя, с пулемётом. Слева - молчаливый дедок по кличке Борода, прошедший ещё Афган.

Рация на плече хрипела: «Коридор, я Омега. На позициях. Жду зелёного света».
«Омега» - это мы. «Зелёный свет» - начало.

Ждать пришлось недолго. Сначала где-то вдалеке зашипели миномётные дымы - наши ставили завесу. Потом по рации прозвучало спокойное, будничное: «Омега, зелёный свет. Приступаем».

И всё завертелось.

Сначала - гул. Нарастающий гул моторов наших БТРов, которые пошли на отвлечение с другой стороны. Потом - первый выстрел. Не наш. Резкий, сухой щелчок снайперской винтовки откуда-то с верхних этажей напротив. Стекло над моей головой звонко осыпалось. Я вжался в стену, сканируя в бинокль груды кирпича, тёмные окна. Ничего.
- Снайпер, девятый этаж, второе окно слева, - тихо прошипел в рацию Борода. Его голос был спокоен, как будто он сообщал о погоде.
Через секунду с нашего чердака ударил крупнокалиберный пулемёт, превращая указанное окно в облако пыли и крошки.

- Санитары пошли, - доложил кто-то.

Я видел их краем глаза - четверо в касках с красными крестами, сгрудившиеся вокруг носилок, неслись согнувшись через открытое пространство к подъезду. Они были самой уязвимой точкой. И самой важной.

Потом началось по-настоящему. Как будто наша активность всколыхнула осиное гнездо. С противоположной стороны улицы ожили пулемётные точки. Свинцовый ливень захлёстывал улицу, цокая по кирпичам, со свистом отрывая куски штукатурки. Женя справа от меня открыл ответный огонь длинной, яростной очередью. Грохот стоял такой, что в ушах звенело.

Я ловил в прицел вспышки выстрелов, короткие движения в окнах, нажимал на спуск короткими, контролируемые очередями. Не для того чтобы убить - для того чтобы подавить, заставить спрятаться. Каждый мой выстрел был частью общего шума, частью этого безумного, смертоносного концерта, цель которого была проста - дать тем четверым в центре улицы сделать их работу.

Рация хрипела не умолкая:
- Пулемёт слева, второй этаж, дави!
- У меня заклинило!
- Бронегруппа, дайте дыму на участок Альфа!
- Санитары зашли в подъезд!

Последнее сообщение принесло короткое, острое облегчение. Первая часть. Теперь нужно было продержаться, пока они будут выносить раненых. И пока будут возвращаться.

Минуты растягивались в часы. Казалось, мы стоим здесь целую вечность, а не двадцать минут. Рука болела от отдачи, в воздухе висела едкая взвесь пыли, дыма и пороха. Я видел, как пуля срикошетила от кирпича в сантиметре от головы Бороды. Он даже не дрогнул, просто сменил магазин.

И вот они появились снова. Санитары. Теперь их было шестеро - четверо несли двое носилок, двое прикрывали с флангов. Двигались медленнее, осторожнее. Ради этого медленного, мучительного движения мы тут и стояли.

- Внимание, они идут назад! Прикрыть! - заорал в рацию Громов.

Враг, видимо, тоже это понял. Огонь усилился, стал ещё яростнее. Казалось, вся улица ожила, плюясь свинцом. Пуля ударила в перекрытие над моей головой, осыпав меня мелкой крошкой бетона. Я высказал вслух всё, что думаю об этом месте, их матерях и их снайперах, и высунулся для очередной очереди.

И в этот момент я увидел его. Молодого санитаря, который шёл последним, пятась и прикрывая группу. Он споткнулся о кусок арматуры, его каска съехала набок. И снайпер, чёрт бы его побрал, не упустил шанса.

Я даже выстрела не услышал в общем грохоте. Просто увидел, как у парня резко дёрнулась голова, и он рухнул на землю, как подкошенный.

Всё внутри сжалось в ледяной ком. Он лежал там, на открытом месте, и группа с носилками, не останавливаясь, ухо-

дила дальше, в безопасную зону. Они не могли остановиться. Остановиться - означало погубить всех.

Но оставить своего...
 Не думая, на чистом адреналине и какой-то слепой ярости, я выскочил из своего укрытия.
 - Воронцов, куда, сука?! - закричал сзади Громов.

Я не слушал. Я бежал, низко пригнувшись, зигзагами, как учили, к тому тёмному пятну на земле. Пули свистели вокруг, цокали по асфальту, высекая искры. Казалось, весь огонь с той стороны улицы теперь сосредоточился на мне. Я докатился до санитара, нащупал пульс на шее - слабый, но был. Ранение в плечо, близко к шее, кровь хлестала густо.

Схватил его за разгрузку и потащил. Не поднять - не было сил. Тянул за собой, пятясь к ближайшему укрытию - к разбитой бетонной трубе. Каждый сантиметр давался с боем. В ушах звенело, в груди горело огнём. Я уже почти дотянул, когда что-то горячее и острое ударило меня в бок, чуть выше бронепластины.

Удар был не сильным, скорее тупым, как удар кулаком. Но нога подкосилась. Я рухнул рядом с санитаром, закатился за трубу. Боль пришла сразу - острая, разлитая, заставляющая скрипеть зубами.

- Воронцов, доклад! - орала рация.
 - Ранен, - выдавил я, прижимая ладонь к боку. Рука тут же стала мокрой и тёплой. - Санитар жив. На позиции не вернусь. Укрытие.

Проклятия в эфире. Потом голос Громова, жёсткий: «Держись там. Вытащим».

Я прислонился к холодному бетону, глотнул воздуха, в котором пахло кровью, порохом и пылью. Боль была знакомой, почти старой знакомой. Глупо. Я знал, что нельзя. Но в голове, поверх боли и гула боя, пронеслись два образа. Первый - её лицо, когда она сказала: «Просто возвращайся». Второй - зелёный коридор. Тот, который мы создавали. Коридор из огня и смерти, чтобы вывести живых.

И я подумал, что, наверное, это и есть самое важное. Не просто держаться. Создавать коридоры. Из тишины - для её спокойствия. Из огня - для чужих жизней. Чтобы в этом аду оставалось хоть что-то зелёное. Хоть намёк на жизнь.

Я достал из нагрудного кармана тот самый смятый листок. Кот с огромными глазами был уже не разборчив, запачкан грязью и потом. Я сунул его обратно. Потом нащупал рацию.
- Громов, как там... коридор?
- Зелёный, блин, - хрипло ответил он. - Зелёный, как мать его. Раненых вывели. Теперь за тобой очередь. Сиди тихо.

Я закрыл глаза, прижимая ладонь к ране. Снаружи грохотало, но под этим гулом я уже слышал другое - рокот нашего БТРа, который, наверное, уже полз сюда, чтобы выдернуть меня из этой ловушки.

«Держись, - мысленно отправил я ей, в тихую квартиру с начатым ремонтом. - Создаю коридор. И обязательно выйду по нему. Чтобы допить твой кофе. И поругаться из-за этих чёртовых обоев».

Боль была тупой, навязчивой, как гул генератора на зад-

нем плане. Не парализующей, но постоянной, напоминающей о каждом неловком движении грудной клеткой. Санитар рядом стонал сквозь зубы, его дыхание было хриплым, прерывистым. Я прижимал к его плечу свёрнутый бинт из своей индивидуальной аптечки, своей же раной почти не занимаясь - там, в боковом кармане разгрузки, чувствовалась влажная, липкая тяжесть, но кровь, кажется, сворачивалась. Главное было - не шевелиться лишний раз и слушать.

Слушать грохот боя, который сместился куда-то левее. Слушать рокот двигателя, который то приближался, то отдалялся. И голос в радиии - Громова, который докладывал на КП и в перерывах шипел на меня: «Воронцов, не сдох там? Отзовись через пять!»

Я отзывался. Коротким «жив». Это стало новым ритуалом. Не «держусь». «Жив». Более конкретно. Более важно сейчас.

БТР подполз через сорок минут, которые показались вечностью. Он встал грудью к нашему укрытию, закрывая нас броней от обстрела. Из распахнутого люка выскочили двое - Громов и ещё один боец. Быстро, без лишних слов, загрузили сначала санитаря на носилки, впихнули в брюхо машины. Потом взялись за меня.

- Сам можешь? - крикнул Громов, перекрывая рёв двигателя.
- Могу, - буркнул я, оттолкнувшись от стены. Нога держала, но при попытке шагнуть боль в боку вспыхнула ярко, заставив пошатнуться. Громов подхватил под руку,

почти втокнул в люк.

Внутри пахло соляровкой, потом, металлом. Санитара уже обрабатывал наш фельдшер. Меня затолкали на лавку, спинкой к броне. Громов сел напротив, его лицо в полумраке было чёрным от копоти и напряжения. - Герой, блин, - проворчал он, протягивая мне флягу. Вода была тёплой и пахла пластиком, но я сделал несколько жадных глотков. - Зачем полез? Приказа не было. - Не мог оставить, - ответил я просто. Другого ответа не было. Громов хмыкнул, но в его взгляде не было осуждения. Было понимание. Такое же солдатское, циничное и простое. «Своих не бросаем» - это не высокопарный лозунг. Это инструкция по выживанию. Потому что завтра на твоём месте можешь оказаться ты.

БТР дёрнулся и пополз обратно, подпрыгивая на развалинах. Я закрыл глаза, пытаюсь отстроиться от боли, от качки, от воя двигателя. В голове, сквозь туман, проступала её квартира. Не его. Их. Наша. С новыми, невиданными мной обоями. И ей, сидящей за столом с дневником или разговаривающей с Дашей. Тихая, упрямая жизнь, которую она там строит. Ради чего? Ради себя? Ради... меня?

Раньше эта мысль вызвала бы протест. Теперь она просто была. Фактом. Точкой на карте, к которой нужно тянуться, даже ползя по-пластунски.

Нас выгрузили на медпункт - блиндаж в полукилометре от передовой. Фельдшер, сухой, нервный мужик, поругался на моё самолечение, зашил рану на боку - пуля прошла навыв-

лет, порвав мышцы, но не задев ничего жизненно важного. «Тебе повезло, как утопленнику. Отдыхай трое суток, потом - на лёгкие работы. Никаких вылазок».

Меня отправили в «карантин» - в крошечную комнатку в подвале соседнего, более-менее целого здания, где досыпали свои трое суток другие легкораненые. Здесь пахло сыростью, йодом и табаком. Было тихо. Невероятно тихо после постоянного грохота. Я лежал на топчане, прислушиваясь к затихающему гулу в ушах и к новой, ноющей боли, которая теперь стала частью меня.

Вечером принесли еду и, о чудо, выдали личные телефоны на десять минут. Очередь к розетке была не такой длинной - желающих, способных держать трубку, было немного.

Я занял место у окна, где ловилась одна палочка связи, и набрал её номер. Она сняла почти сразу.

- Алло? - её голос. Чистый, без помех. Как из другой галактики.
 - Это я, - сказал я, и моё собственное голос показался мне хриплым, чужим.
 - Кирилл. - Она произнесла моё имя не как вопрос, а как утверждение. Потом, после микропаузы: - Что случилось?

Она почувствовала. Сквозь сотни километров и хрипящую связь. Чёрт.
 - Ничего страшного. Получил царапину. Отдыхаю.
 - Царапину, - повторила она без интонации. - Насколько серьёзно?
 - Несерьёзно. Три дня отдыха. Как в санатории. Только без моря.
 Она молчала. Я слышал её ровное дыхание.
 - Ты... - она начала и

замолчала. - Ты выполняешь условия? Точка, чтобы знать, что жив?
- Да.
- А про царапины в условиях не было.
- Это дополнение, - попытался я пошутить, но вышло плохо.
- Не шути так. Пожалуйста.

В её голосе впервые за всё наше общение прозвучала мольба. Не приказ, не усталая ирония. Мольба. Это ранило больше, чем пуля.
- Хорошо, - сказал я тише. - Не буду. Всё в порядке, Вера. Правда.
- Ремонт начался, - вдруг сказала она, меняя тему с резкостью, которая выдавала её внутреннюю бурю. - Василий Игнатьевич привёл людей. Сняли старые обои в спальне. Там под ними оказались ещё советские, с какими-то цветочками. Ужасные. Я сохранила кусочек для коллекции.
Я представил это. Её, рассматривающую клочок уродливых обоев. И почему-то это было смешно и до боли трогательно.
- Молодец. Музей одного жилья открываешь.
- Именно. А ещё Даша подсовывает мне образцы краски - все оттенки розового. Я отбиваюсь как могу.
Мы говорили ещё пару минут - о пустяках. О том, что мать прислала ей рецепт пирога. Что Артём звонил. Она рассказывала, а я слушал, закрыв глаза, и боль понемногу отступала, замещаемая теплом её голоса. Это было лучше любого обезболивающего.

- У меня скоро время закончится, - прервал я её на полуслове.
Она замолчала.
- Ладно, - выдохнула она. - Тогда... выздоравливай. И... не получай больше «царапин».
Условия договора.
- Постараюсь, - пообещал я. И это

было одно из самых честных обещаний в моей жизни.
 - Жду.
 Связь прервалась. Я ещё секунду держал ухо трубку, потом отдал телефон дежурному и побрёл обратно к своему топчану.

Лёжа в темноте, я думал о зелёном коридоре. О том, который мы сегодня проложили сквозь огонь. И о другом, невидимом, который она проложила ко мне сквозь тишину и расстояние. Коридор из простых слов, обрывков новостей из дома, упрямого желания жить своей жизнью там, где я её оставил.

Этот коридор был уже не зелёным. Он был цвета тех самых уродливых, советских обоев, которые она нашла под штукатуркой. Неказистый, потрёпанный, но настоящий. И он вёл прямо сюда, в этот вонючий подвал, к моей койке. И по нему шло что-то важное. Не любовь. Не страсть. А просто право не быть одному в этом аду. Право знать, что где-то там ждут. И заваривают кофе. И выбирают краску, чтобы было, в какой цвет красить стены, когда я вернусь.

Я повернулся на бок, осторожно, чтобы не дернуть шов, и уснул глубоким, беспробудным сном, впервые за много недель не ожидая каждую секунду тревоги.

Сон был тяжёлым, липким, как смола. Я утонул в нём полностью, тело цеплялось за эту передышку с животной жадностью. И потому первый, дальний грохот даже не проник в сознание. Второй, ближе - заставил вздрогнуть, но не проснуться. Но третий...

Третий был не просто звуком. Это был удар. Физический, осязаемый удар по стенам бункера, от которого с потолка посыпалась штукатурка и тяжёлой пылью осела мне на лицо. Воздух сгустился, затрещал, и через секунду навалился грохот - не снаружи, а изнутри, как будто мир разорвало пополам прямо за стеной.

Я сорвался с койки одним движением, забыв про боль в боку, которая тут же взвыла острым, белым огнём. В темноте, прорезаемой только аварийной красной лампочкой у выхода, метались тени - другие раненые. Кто-то кричал, кто-то матерился сквозь сон. Воздух был густым от пыли и пахло гарью, едкой и сладковатой.

- Что, чёрт возьми?! - рявкнул кто-то.

Дверь в нашу камеру отдыха распахнулась, и в проёме возник *silhouet* дежурного с фонарём в дрожащей руке.
 - Все, быстро! На выход! Нас накрыли! Прямое попадание в соседний отсек!

Адреналин выжег остатки сна и притупил боль. Я нащупал сапоги, натянул их, схватил броник и автомат, который, по счастью, всегда был рядом. Другие делали то же самое, двигаясь в полутьме с той сноровкой, которая появляется только в крайностях.

Мы высыпали в коридор. Картина была апокалиптической. Часть перекрытия обвалилась, завалив проход к основному медпункту. Из-за завала валил густой, едкий дым. Слышались приглушённые крики, стоны. Где-то капала вода из

порванных труб.

Дежурный, бледный как полотно, пытался что-то говорить по рации, но в ответ была только трескотня помех. Связь убило.

- Второй выход! - скомандовал я, не думая, просто потому что знал план этого бункера. - Через складской отсек! Быстро!

Мы побежали, вернее, поползли, пригибаясь под низкими, пошатнувшимися потолками. За нами тащились те, кто мог идти, помогая более тяжёлым раненым. Воздух становился всё более едким. Дышать было тяжело.

Второй выход вёл в узкую шахту, а оттуда - на поверхность, к развалинам какого-то цеха. Когда я вытолкнул тяжёлую, заклинившую от взрыва дверь, на нас обрушился не свет, а рыжий, сумеречный отсвет пожаров. Ночь была разорвана в клочья. Где-то горела техника, освещая искажённые лица развалин багровыми бликами. Свист и разрывы не прекращались, но теперь они били уже по другой части нашего расположения.

Мы вывалились на открытое пространство - человек восемь, среди обломков. Нужно было уходить дальше, в более безопасное укрытие. Но куда? Карта местности в голове перекосилась от нового ущерба.

- На КП! - крикнул я. - Через канализационный коллектор! Помните, на инструктаже?

Коллектор. Тесная, вонючая труба, которая была нашим

аварийным путём. Никто не хотел туда лезть, но выбор был невелик. Один за другим, мы нырнули в чёрный провал в земле, затянутый дымом.

Внутри было тесно, мрачно и невыносимо громко. Звуки боя, приглушённые землёй, гудели в металлических стенках, как в гигантском барабане. Мы двигались на ощупь, по колено в ледяной, зловонной воде. Кто-то споткнулся, упал, его поднимали. Кто-то плакал от боли и страха. Я шёл первым, прижимая к груди автомат, каждое движение отзывалось огнём в боку. Швы, наверное, разошлись. По спине текла тёплая струйка - то ли вода, то ли кровь.

И в этом аду, в этом подземном кошмаре, мой мозг, ища точку опоры, снова ухватился за неё. Не за образ. За звук. За её голос в телефоне всего несколько часов назад. Спокойный, ровный, рассказывающий об уродливых обоях. Этот голос стал ментальным щитом. Я повторял про себя её фразы, как мантру: «...с какими-то цветочками. Ужасные... Даша подсовывает мне образцы краски...»

Это было безумием. Но это работало. Это отодвигало панику, позволяло дышать в этом вонючем, тесном мраке и двигаться вперёд.

Мы выползли на поверхность через полчаса, которые показались вечностью. Выползли в другом конце района, ближе к резервным позициям. Воздух здесь был чище, обстрел - дальше. Нас тут же заметили свои, подхватили, отвели в уцелевший подвал.

Фельдшер, увидев меня, только цыкнул: «Идиот. На перевязку. Сейчас же». Меня посадили на ящик, сняли броник, разрезали окровавленную гимнастёрку. Рана действительно разошлась, сочилась. Он обработал её, зашил заново, уже без всякого наркоза. Я стиснул зубы, глядя в потолок, и думал о том, что она, наверное, сейчас спит. Или не спит, а смотрит в потолок своей спальни с голыми стенами и ждёт, когда можно будет их покрасить. В любой цвет, кроме розового.

Когда всё было кончено, и меня затолкали в угол с кружкой какого-то пойла, похожего на чай, подошёл Громов. Он был цел, только лицо в свежих ссадинах.
- Ну что, санаторий? - хрипло спросил он.
- Курорт, - ответил я. - Со спа-процедурами. Взрывная терапия, грязелечение в коллекторе.
Он коротко усмехнулся.
- Докладывали. Тот санитар - жив, вывезли в тыл. Говорит, тебе спасибо.
Я кивнул. Не было чувства героизма. Было пустое, усталое удовлетворение. Работа сделана. Свой вытащен.
- А «зелёный коридор»? - спросил я.
- Закрылся. Задание выполнено. Ценой одного БТРа и трёх раненых, включая тебя. Плюс тот погреб, где вы были.
Цена. Её всегда можно было посчитать. В технике, в патронах, в человеческих жизнях и царапинах. Раньше эти цифры были для меня абстракцией. Теперь каждая имела вкус пыли во рту, боль в боку и звук её голоса в голове, который стал дороже любого тылового спокойствия.

Громов протянул мне сигарету. Мы закурили молча.

- Тебя, - сказал он на выдохе, - после такого, наверное, в тыл отправят долечиваться. На пару недель.
 Я резко повернулся к нему, забыв про боль.
 - Что?
 - Правила. Сквозное, да ещё после такого стресса. Тебе повезло, что не контузило. Но проверка будет. Отдохнёшь, подлатаешься - вернёшься.

Тыл. Не фронт. Не Донецк. Тыл. Город. Квартира. Она. Мысль ударила, как ток. Не радостью. Паникой. Дикой, иррациональной паникой. Здесь всё было ясно: враг, позиция, приказ. Там... там была она. И наши невыясненные отношения. И начатый ремонт. И всё то, что мы построили за полтора месяца и что казалось таким хрупким на расстоянии. Смогу ли я вписаться обратно в ту жизнь? Не нарушу ли хрупкое равновесие, которое она там создала?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.